

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья. В числе его высших образований — Литинститут им. А. М. Горького. Член Союзов писателей СССР, России и Белоруссии. Автор 26 книг прозы и свыше 500 публикаций в периодике Москвы, Тулы, Воронежа, Екатеринбурга и др. городов. Главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», член редколлегии ряда московских и тульских периодических изданий. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, А. С. Грибоедова, Н. А. Некрасова, М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениамина Каверина, «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова и «Московского Парнаса». Награжден рядом литературных медалей, Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министра культуры РФ. Кавалер орденов «Владимир Маяковский» и «М. Ю. Лермонтов». Академик Академии российской литературы, член ее Правления.

Литературное творчество совмещает с научной работой. Ученый-биофизик с мировой известностью. Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, Почетный радист России, лауреат премий Тульского комсомола (1977 г.) и им. Н. И. Пирогова (2008 г.), академик ряда российских, иностранных и международных академий. Почетный член Международного биографического центра (Англия, Кембридж). Удостоен ряда почетных наград, в том числе медалей им. А. Нобеля, В. И. Вернадского Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, С. П. Боткина и И. М. Сеченова. Имеет академические звания «Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования».

Биография А. А. Яшина опубликована в двух десятках энциклопедий и биографических словарей (Москва, Тула, США, Англия, Швейцария и др.); см. также книгу Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина» (М.: «Московский Парнас», 2008), а также статью в «Википедии».

**К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ,
СОЗДАТЕЛЯ СВЕРХДЕРЖАВЫ СССР
И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРАТЕГА
ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА СТАЛИНА
(ДЖУГАШВИЛИ) (1879—1953)**

Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны, прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже. И мое имя тоже будет оболгано и оплевано. Мне припишут множество злодеяний.

Я знаю, что когда меня не станет, на мою голову выльют не один ушат грязи, на мою могилу нанесут кучу мусора. Но я уверен, что ветер истории все это развеет!

(Из беседы Сталина с Коллонтай)

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НЕЗАВИСИМОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ АГЕНТСТВО
«МОСКОВСКИЙ ПАРНАС»

Алексей Яшин

КАТЕХИЗИС ИДЕАЛИСТА

Роман-размышление

Москва
«Московский Парнас»
2010

ББК 84 Р7 (Рос.—Рус.)
УДК 882
Я 96

Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — Москва: «Московский Парнас», 2010. — 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-7330-0662-2

Пожалуй, начиная с конца 20-х годов прошлого века, нет другого такого громкого имени, как имя Сталина, вокруг которого кипели бы страсти абсолютно полярного характера. Для Запада и меньшей, но очень громкоговорливой части населения России и постсоветского пространства — образ архизлодея, по сравнению с которым Адольф Шикльгубер едва ли не агнец божий. Для подавляющего большинства жителей России и стран СНГ, прежде всего русских людей, — выдающийся государственный и полководец-стратег в тысячелетней истории Руси — России — СССР, сравнимый разве что с Владимиром Мономахом, Святославом, Иваном Грозным и Петром Великим. Правильнее говоря — названные князья и цари лишь в чем-то сравнимы с Вождем. Главное — нет равнодушных, а это и есть непрекращаемое свидетельство того, что Сталин был, есть и будет в истории страны и всего мира выдающейся личностью.

Автору этой книги и в страшном сне не являлось, что он-де член какой-либо политической партии или движения, а юность — самое впечатлительное время в генезисе человека — прилась на «эпоху Брежневца». Все сказанное в настоящей книге никак не может являться «ностальгией сталиниста», политическим компатриотством или биологически обусловленным возрастным нонконформизмом к окружающей действительности. А является пресловутыми плодами «холодных размышлений и сердца горестных замет».

Любой крупный политический деятель имеет две ипостаси: высказываемое им и потаенное, причем второе питает первое, оставаясь фигурой умолчания, идеалом. А значит в душе такой деятель и есть идеалист. Но как прочесть эти потаенные мысли? — Только глубоким анализом ведомой деятельности и вживанием в образ. Боязно примеривать на себя китель и сапоги Вождя, но... смелыми Бог владеет. И он, Бог-то, не выдаст, а свинья не съест.

...Многие воцерковленные люди говорят: православные монахи (не прикормленные властью белое духовенство!) уже отмолили у Бога половину невольных грехов Сталина. Дело осталось за малым, и истина восторжествует.

Иллюстрация на обложке: часть иероглифической надписи на гробнице, найденной в Гизе (по Лепсиусу). Из книги: Шницер Я. Б. Иллюстрированная всеобщая история письмен. — СПб: Издание А. Ф. Маркса, 1903.

© Яшин Алексей Афанасьевич, 2010
© Яшин Алексей Афанасьевич, оформление книги, 2010
© Резцов Владимир Вадимович, перевод стихов Сталина, 2010

ОТ АВТОРА: НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

Начнем с грамматического пояснения. Почти все крылатые выражения, вошедшие в русский язык из библии, особенно — Нового Завета, являются разновидностью идиомы (от греч. *idioma* — своеобразное выражение), то есть, значение такого словосочетания не идентично значениям составляющих слов, в том числе служебных. Это всякий квалифицированный читатель канонических книг «держит в уме», но в обыденной речи то же словосочетание обедняется и воспринимается как прямое, однозначное утверждение. Именно это произошло с выражением, вынесенным в заголовок авторского предисловия.

Действительно, в обыденном понимании кумир твердо ассоциируется с фетишем, объектом слепого поклонения. Но евангельский (и ветхозаветный) смысл этого выражения именно идиоматичен, многозначен: здесь кумир «равноправно» и фетишем может являться, и своего рода антифетишем. В последнем случае можно смело трансформировать утверждение: «Не сотвори себе антикумира», если под собственно кумиром подразумевать житейское, фетишизированное.

В применении же к образу Вождя — так мы для единообразия, следуя правилам герменевтики, и будем называть Иосифа Виссарионовича — в полной мере преобладает именно исходный, евангельско-библейский смысл высказывания о несотворении кумира/антикумира.

Самое существенное, что в отношении личности Вождя совершенно нет людей равнодуш-

ных — из тех, конечно, кому хотя бы в общих чертах его имя знакомо, но мнения их резко полярны: либо кумир, либо же антикумир. А это и есть непререкаемое свидетельство того, что Вождь был, есть и будет в истории нашей страны и всего мира выдающейся личностью.

...Написал четыре кратких, вводных абзаца и на три месяца отложил рукопись: то ли профессорские и исследовательские дела отвлекли, постоянные хлопоты с выпуском журнала «Приокские зори», который редактирую уже пять лет со дня его основания. Опять же сдал в печать новую книгу — повесть «Страна холода (Детство в Гипербореях)», а ведущее сейчас в стране научное издательство «УРСС» (Москва) наконец-то, почти после годичной задержки — со ссылкой на кризис мирового финансово-спекулятивного империализма с примкнувшей к нему (это как Шипилов в свое время) Россией — начало готовить к изданию мою научную четырехтомную монографию «Феноменология ноосферы» — дальнейшее развитие учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, то есть, сферу-планету разума. Понятно, с учетом современного уровня знания, Владимиру Ивановичу в 20-е годы XX века не известного.

А вот сейчас прокрутил все это в голове и рассмеялся. Над собой и своими неуклюжими попытками самооправдания; дескать, у плохого танцора всегда пол виноват: щербат или неровен. Дело все в том, что, во-первых, видно, не до конца продумал «генеральную линию» этой повести, ибо привык заносить на бумагу, далее уже ничего не исправляя, уже в мыслях построенную от *А* до *Я* книгу. Во-вторых, требовался

некий толчок, запусковой механизм на творческий процесс и горение души, позволивший бы выйти из апатии, несколько затянувшейся по причине некоторой доли усталости — все же за уходящий 2009-й год издал три художественные книги, включая 700-страничный роман «Любовь новоюрского периода» — и неуютного климата наших мест в этом же году: холодное лето плавно перешло в аномально теплую осень и уже в такую же декабрьскую «зиму». В итоге половина года — какие-то слякотные сумерки.

Как уже повелось в наших палестинах со времен Горби-демократизатора, такой запусковой толчок может быть только в форме полного негатива. И случается он ежегодно в августе или поздней осенью. Первое — это дефолт, «Курск», спектакль *ГКЧП* опять же. А мрачная поздняя осень — это «Норд-ост», серийные взрывы, пожары, словом, полный апокалипсис. Метко еще Андрей Платонов заметил, что (пишу по памяти, потому не закавычиваю) русское овражистое поле в половине девятого позднего ноября утра есть апокалипсическое видение. И дважды апокалипсическое, если на этом малорадостном фоне гремят взрывы, пылают пожары, без конца людская кровь льется.

А в этом-то году позднеосенний апокалипсис и вовсе приобрел зловещую ритуальность: с интервалом в неделю, по пятницам, ночью... Причем «Невский экспресс» подорвали в первый день мусульманского праздника Курбан-байрам и в годовщину ареста подозреваемых в подрыве того же «Невского экспресса» 13 августа 2007 года. И как-то очень уж резво, в голливудском стиле, ответственность за нынешний

взрыв взяли на себя «ваххабиты» из чеченской бригады шахидов «Риядус Салихийн» и одновременно с ними вовсе немислимые бойцы из некоей группы «ингерманладских сепаратистов» под названием «Комбат-18».

С ума можно сойти! Уже и наши мирные чухонцы из-под Питера объявили России рельсовую войну. А если добавить к сказанному, что в тот же день на ВДНХ (ныне ВВЦ) устанавливали после семилетнего ремонта «Рабочего и колхозницу» Веры Мухиной, то совсем можно увязнуть в конспирологии.

...И еще нелишне напомнить, что этим экспрессом ездят люди не бедные, цена билета четыре тысячи рублей, а вечерним пятничным и вовсе сановитые: питерские выдвиженцы в уик-энд возвращаются с недельной службы в Белокаменной на выходные в Северную столицу: навестить домашних, еще не успевших перебраться в Москву. Заставляет задуматься, да?

Прошла неделя, причем обычно многоречивое телевидение как-то вяло поговорило об аварии на Николаевско-Октябрьской железной дороге и спустило на тормозах. И снова в ночь с пятницы на субботу, то есть аккуратно между праздничными недельными днями монотеистических религий — самой молодой и древнейшей, — ужасное происшествие в Перми, пожар в «Хромой лошади» (опять мистика): за сотню погибших в одночасье, столько же с тяжелейшими ожогами. И в эту же субботу, в День сталинской конституции, открытие реставрированного «Рабочего и колхозницы» и завершение Курбан-байрама.

Все смешалось в доме Облонских...

Читатель, извини, что дал «кривизну» от линии предполагаемого повествования о Вожде. Это все к делу, к объяснению запускового механизма-толчка. А, собственно, толчок дали две пожилые женщины: я шел с работы домой и, как всегда, путь мой лежал через толстовский сквер с одноименным памятником, усилиями занятой украшательством городской администрации недавно превращенного в некое подобие кладбища (особенно осенью и зимой) с криво установленными надгробными плитами, перемежаемыми фонтанами. Обгоняя опять же этих двух дам с одной собачкой, кстати соседок по ближнему моему дому, краем уха услышал явно реплику по поводу пермского пожара: «...Сталина на них нет!» Некстати вспомнил, что обе почтенные пенсионерки, как они сами говорили, на недавних выборах в тульскую областную думу, оскандаливших город и область на всю страну (25 % избирателей «взяли» открепительные талоны...), голосовали за ныне правящую партию.

Вот так-то, господа-товарищи: когда совсем неумоготу, то только и вспоминаем о Вожде.

Все. Толчок дан, теперь расписался, завелся. Кстати, заодно и придумал рецепт, как, передавая в художественной форме мысли Вождя, стилизовать их под сталинскую ясность и краткость. Рецепт оказался прост: обдумывая перед записью ту или иную фразу «от Вождя», стараться мысленно же произносить ее неторопливо, размеренно и... с имитацией легкого грузинского акцента.

Но все же позволю — роскошь, доступная только авторам — еще одну *nota bene*. Только-

только по главному госканалу *ТВ* показали сериал-фантазию «Вольф Мессинг. Видевший сквозь время». «Мессинг, лгущий сквозь время», — как ядовито заметила «Литературная газета». Кстати, в рамках вольнолюбивой фантазии сериал снят замечательно. Особенно на фоне 1000-серийной цыганщины — Кармелиты и бесконечных милицейско-бандитских боевиков.

Так вот, в «Мессинге» персонифицированный Василий Сталин презрительно говорит о кремлевской верхушке, что-де все они боятся Вождя. И еще триста лет после его смерти будут бояться. Совершенно был прав киношный Василий Иосифович: боялись при жизни и теперь опасаются. И всегда будут опасаться, держа в голове и тот факт, что Хрущев, первым оболгавший Вождя и вынесший его из Мавзолея, сам вскоре был ввергнут в ничтожество, в единый миг трансформировавшийся из хозяина 1/6 земной суши, плюс полмира стран-сателлитов, в персонального пенсионера союзного значения; это где-то 160 рублей пенсионера.

Казалось бы, в стране уже под двадцать лет проводится перманентная политика государственного антисоветизма, то слегка ослабевая, как сейчас, то возбужая перед выборами главной законодательной и исполнительной власти — чтобы не дать *КПРФ* свыше 15 % голосов. И Сталин суть для *СМИ* злодей из злодеев, почище Гитлера и самого Антихриста. Но вот удивительно: на экранах *ТВ* чего только не плетут о Ленине, его марксистских предшественниках и последователях, героях революций 1905—1917 гг., сталинских наркомов! Как только их всех не пародируют эстрадные смехачи-плясуны!

Но вот Троцкий и Сталин — табу, фигуры умолчания. Ну, Лев Давыдыч — это всем понятно, свой СМИ-шникам в доску, нечего его прах тревожить. А вот Сталин-то почему в ТВ-сетях? При всей ненависти этой братии к Вождю? А потому что опасаются, ибо имя его уже приобрело мистический ореол, более того — мистическое значение и смысл. И боятся в жизни очень даже острожные и рассудительные киношники, теле-топ-ведущие и эстрадные смехачи-плясуны, с молоком матерей своих впитавшие мистику и иррациональность Каббалы и демонизацию Франкенштейна, ох, как опасаются все поминать имя Вождя! Это уже историей стало. Как могила Тамерлана. Кстати, ее вскрыли без ведома Вождя — 22 июня 1941 года в половине четвертого ночи по московскому времени...

Господь с ними со всеми. И напоследок, в заключении растянувшейся преамбулы, коль вспомнили об истории, еще одна реплика.

Наверное, я очень наивный в практической жизни человек, ибо родился и вырос в Заполярье, в вотчине Северного флота, где люди держат курс по компасу, а не нос по политическому ветру. Но как-то недавно заинтересовался: а о чем сейчас пишут современные российские писатели? И получилось, что большинство как-то в одночасье перекинулись на историческую тематику, причем желательно дальнюю, времен Киевской Руси. Оно и понятно: живых свидетелей Святослава, Олега, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха не сохранилось даже в поколенной памяти. Бери собрания сочинений Карамзина, Соловьева, на худой конец Костомарова, если наметили об истории ныне само-

стийно-незалежной сочинять. Далее выбирайте князя, который более люб,— и сочиняйте, что в голову придет, все одно антураж и этнографию, их исторические реалии никто не сможет проверить. Если только профессиональные историки? — Но они беллетристику не читают, нет времени за написанием своих трактатов. Тем более, что некогда самая читающая страна ныне перешла в статус самой пишущее-издающей, хотя бы и тиражами в 100 экз. Налицо превышение предложения над спросом... — Это мы говорим о заматеревших еще во времена направлявших руку с пером обкомов и райкомов.

И молодые сочинители тож ударились в историю, причем новейшую, но — «параллельную», то есть опровергающую формулу римского права: история не имеет сослагательного наклонения. Фабула их книг: а что было бы, если?.. Сам грешен, ввел такое сослагательное наклонение в романе «Историк и его История», опять же о Сталине. Но ведь и подзаголовок у книги соответствующий: авантюрный роман.

Еще можно понять, почему мало пишут на темы современности: жизнь наша настолько идиотична и виртуальна, скучна и однообразна, бессмысленна и пр., что рука не поднимается взять «паркер» китайской фабрикации или положить руки на клавиатуру «компа» того же производства. Это все одно, что изо дня в день смотреть новости-старости по *ТВ*: бесконечные репортажи из моргов и лицемерие хорошо питающихся от щедрот власти попов-батюшек. Кстати, очередной чудовищный эксперимент над нами: в XXI веке в стране полного атеизма, причем не только и не столько наследия совет-

ского периода истории, но еще задолго до революций созревшего в народе отождествления церкви с самодержавием, в такой вот стране еще недавних «мечтателей и героев» снова навязывают ошеломленному народу ту же самую госцерковь!

Итак, о современности писать, что резину жевать. Но ведь какое широченное поле, почти размером в Великую евроазиатскую степь, открылось в начале 90-х годов для романов-фантазий о России 2020-го, 2030-го и так далее годов! Пиши — не хочу. И спрос читательский налицо. Так оно и было еще лет пять-шесть тому назад, а сейчас как обрезало.

На эту тему, как сейчас на новоязе говорят, сказал мне друг и коллега по «универу», много-мудрый в жизни Федосеич: «А что ж ты, батенька, хотел? Демократический 37-й год уже на дворе!» Не поверил я поначалу Федосеичу; хотя уже во втором поколении из обрусевших западноукраинцев, настолько западных, что отец его в молодости жил при немецком фольварке и носил шляпу с пером и короткие штаны с пуговкой под коленками, но хохлацкая флегма, скептицизм и ожидание худшего и через десять поколений в генах остаются.

Но вот в «Литературке» прошлым летом из номера в номер развернулась полемика о некоем московском фантазере-писателе, издавшем несколько романов о Москве будущих времен, где-то четвертой пятилетки XXI века, а судебные власти, чуть ли не знаменитый Басманный суд, завели против сочинителя судебное дело по грозным статьям: национальная рознь, призывы к терроризму, прегрешения перед толерантно-

стью, сексуальной терпимостью (это о гомосексах), гендерностью и прочими общечеловеческими ценностями.

Ну, думаю, кому-то лично автор не угодил, или в судебной системе образцово-показательный месячник проводили... Да еще успокоил тогдашний глава страны, когда ему на пресс-конференции задали вопрос по этому или схожему прецеденту. Ответил с присущей ему категоричностью, что-де заставь дурака богу молиться, так он и лоб расколошматит! — Это, как я понял, о ретивых защитниках закона, которые торопятся, якобы, угодить властям, даже в усердии забегая далеко вперед. К таким вполне применимы слова из повести Александра Исаевича: «Тебя не *гребут*, и ты не подмахивай».

Но вот, опять же на днях, зашел ко мне в университет давний друг и приятель, которого я взял за прототип суперохранника в романе «Подводная лодка «Капитан Старосельцев», ныне подхорунжий Тульского отдела Центрального казачьего войска (такое и во сне не приснится!), обучающий городских казачков рукопашному бою, сабельной рубке и — по его словам — стрельбе из всех видов носимого и переносимого оружия.

Друг Саня всегда приносит что-то интересное, ибо состоит функционером в какой-то казачьей службе безопасности и надзора за исполнением чего-то... вроде законов. И на этот раз положил передо мною подшивку нескольких листов — копию официально опубликованного чуть ли не Госдумой списка современных художественных и публицистических книг, распространение которых запрещено постановлениями

судов — различных, от Калининграда до Владивостока. И в этом скорбном списке значилось более пятисот наименований (!?). Мигом в памяти всплыли эпизоды истории: турки жгут знаменитую Александрийскую библиотеку, Екатерина-царица приказывает изъять и уничтожить книгу Радищева, комиссия Луначарского — Крупской составляет список тысяч книг, неуместных в советских библиотеках, штурмовики фюрера лихо бросают в костер тома не только евреев Гейне и братьев Маннов, но и потомственных писателей-арийцев...

А может, и прав старина Федосеич? В списке том много русских и мусульманских авторов, националистов и просто лихих патриотов. Нашел несколько знакомых «из столиц и университетских центров», даже пару книг научного коллеги Ш. из Москвы, доктора медицинских наук.

...Однако пора и к теме этой книги вернуться и сказать о Вожде то, что и было задумано как авторское предисловие. Но нет, не дает покоя событие «запускового механизма»: сгоревшая «Хромая лошадь» — символ охромевшей на все четыре раскованные ноги кобылы, что есть нынешняя наша страна, самый некомпактный кусок расколотовой сверхдержавы СССР, созданной Вождем вопреки всем обстоятельствам, агрессивно противодействовавшим этому. Странная ситуация: о «Невском экспрессе», жертве теракта со многими погибшими, в СМИ уделили некое дежурное внимание и время и умолкли. Еще раз подчеркнем: жертвы направленного теракта, вполне приличные люди, даже если среди них и видные чиновники; что не говори, но на государственной службе, в

рамках своей компетенции и государства делающие необходимую для того же (какого? — неважно) государства работу.

Но через неделю сгорел ночной клуб, символ безудержной наживы, с одной стороны, и холерического веселья на грани полной распушенности — с другой. И причина такой тяжелой трагедии, как гибель сотни с лишком человек, а другая сотня борется со смертью на больничных койках, в полной безответственности владельцев сомнительного заведения, озабоченных только прибылью, а лучше — сверхприбылью. Но только ли? А сама-то публика? Уже несколько дней все новости на *ТВ* начинаются с кадров, заснятых кинокамерой в момент начала пожара. И школьник второй ступени безошибочно скажет: так в зале половина пьянующих, а вторая под наркотой! Потому-то и свалка вместо более или менее организованной эвакуации, что бы и было с соображающими людьми.

И еще один характерный момент. Не знаю, может, в Перми народ красиво и раскрепощенно живет, а то и по всей России уже по ночам «гуляют и пьют, не закусывая», как сказали об Америке одесские классики, но из того же *ТВ* такие интересные факты не живущие в Перми и не ходящие в ночные клубы узнают.

Дикторша скорбит: ведь у многих погибших остались маленькие дети (?). Спасшийся мужчина очень даже средних лет скорбит о погибшем же друге сорока двух лет (?), отце двух детей (??). И что этих молодых и не очень отцов занесло в «хромой» шалман? Одни вопросы, вопросы, вопросы... Вряд ли подгулявшие

работяги из Мотовилихи, индустриальной окраины Перми, забрели туда на огонек.

Ну, господь с ними, с клиентами веселого заведения, тем более жертвами страшной трагедии. Человек верующий помолится за их души; просто добросердечный, не злыдень, скорбно промолчит. Но вот что не укладывается в голове здравомыслящего, просто мыслящего самодостаточно: тотчас высшая власть заявила о денежной помощи пострадавшим, их семьям. Понятно, что из государственных денег, то есть, денег налогоплательщиков, наших с вами, или недоплаченных нам, работающим, за труд. Не за пресловутый *business*, не за околачивание груш, не за делание денег из воздуха, а именно за *производительный труд* промышленных рабочих и инженеров, учителей и врачей.

А почему государство должно платить за владельцев частного танцпритона, спаливших его, хотя бы и не преднамеренно, с четвертью тысячи людей? Здравый смысл подсказывает: они люди не бедные, так и заставить их выплатить компенсации (жутко все это: компенсация за смерть) из своих сверхдоходов! Но об этом в *СМИ*, в гневных речах высших госчиновников даже намёка нет. А разгадка в соответствующих статьях ельцинской конституции: частная собственность священна. А раз священна, то даже при всемирном потоке никто не заставит бизнесмена, даже делающего деньги на крови, проституции, наркоте и пр., поделиться своими доходами. Окончательно это завуалированное положение основного закона, хотя и неявно, закрепила отмена несколько лет назад статьи о конфискации имущества и счетов у осужденных. Понятно, не за

кражу кило колбасы или буханки хлеба.— В отличие от Конституции сталинской, в годовщину которой и сгорела «Хромая лошадь».

И другой вопрос у нормально мыслящих людей на устах: эта китайская пиротехника, фабрикуемая наспех из всякого картонажного дерьма по деревням Поднебесной, уже всем осточертела и стала причиной великого множества пожаров, травм и смертей. Кажется, ясно: запретить ее ввоз в Россию и перестать обогащать казну Китая, кстати, вполне возможного уже в скором будущем геополитического противника нашей страны!

Но, увы: во-первых, все та же священность частной собственности и накопительства любой ценой (*business'a*, то есть) для отечественных торгашей-перекупщиков дает «стоп»; во-вторых и в основных: Россия сегодня настолько беззащитна в области мировой экономики и политики, что даже запрет на ввоз этой китайской дряни грозит ей обернуться эффектом «ножовки Буша». Ведь сколько раз пробовали запретить ввоз в страну этой полухимической отравы, но США чуть ли не угрозой разрыва дипотношений заставляли снимать запрет...

Да-а, плохо в этом мире слабосильному. Тем более России, у которой, как сказал мудрый император Александр III, есть только три союзника: ее армия, флот и Сербия. Увы, армия сведена к ничтожеству, флот продан Индии и Китаю, преимущественно на металлолом, а Сербии разбомбили америкосы.

...Уже почти два десятка лет после каждого очередного крупного несчастья, добывающего веру людей в справедливость современного госу-

дарства, многие из нас восклицают в сердцах: «Сталина на них нет!» И заметьте: восклицают не обязательно те, кто хотя бы детство и юность провели до 1953 года — это уже относительно малая часть населения страны, — но чаще те, для кого Вождь уже история, бывшая до их появления на свет в этом не лучшем из миров.

Самое существенное, что это произносят — изустно или про себя — и люди, хорошо ориентирующиеся в исторической геополитике. Ведь призывают не князя Святослава, избавившего Киевскую Русь от хазарской «опеки»; не Ивана Грозного, пославшего Ермака Тимофеевича присоединять к уже Московской Руси Сибирь, то есть половину Азии, а главное, институтом опричнины окончательно свернувшего шею боярскому местничеству — последнему отголоску княжеской раздробленности, в XII веке погубившей Киевскую Русь; не Петра Первого, давшего Империи выход в Балтийское море, начавшего оттеснять турок с исконных русских земель на юге и продвинувшего пределы России на запад; не Екатерину Вторую с Потемкиным, сбросившим турок в Черное море, вернувшим Крым и Новороссию, включившим в состав Российской империи Молдавию, одряхлевшую политически Польшу и много чего другого; не умного царя Николая Первого, решившего в пользу России «кавказский вопрос»; не царя-миротворца Александра Третьего, самого русского из царей (почти чистокровного этнического немца), завоевавшего Среднюю Азию, тем самым, как и Николай Первый с Кавказом, обрубив здесь загибающие лапы «двухспальному английскому леве», «англичанке», как говорили

в те времена; а главное, Александр Александрович задумал и начал сверхуспешно и активно претворять в жизнь, пожалуй, самый главный, грандиозный геополитический проект: поворот главного вектора, обозначенного некогда Петром (то ли по недомыслию, а может, исходя из тогдашнего *status quo*), от губительной для России ориентации на Европу — на Дальний Восток. Началась успешная экспансия Империи в Тихоокеанский бассейн: строится Транссибирская магистраль, в российскую сферу влияния входят Манчжурия, Монголия, Корея, русские военные корабли высаживают десанты на тихоокеанских островах и архипелагах, ныне находящихся под протекторатом США, готовится установка русского флага на Гавайях и индонезийских островах. Помните сладко-кисельные рассказы в школьных (советских) учебниках о мирном путешественнике-исследователе Миклухо-Маклае, изучавшем быт индонезийских аборигенов? А был он главным резидентом разведывательного управления Генштаба (нынешнее ГРУ ГШ) в Индонезии, полковником ГРУ, собиравшим разведданные для экспансии России в эти голландские колонии.

...Этот гениальный геополитический проект позорно загубил самый бездарный и глупый русский царь Николай Кровавый (Кровавое воскресенье, Ленский расстрел, Столыпинские галстуки), ныне произведенный в святые РПЦ, тонко чувствующей конъюнктуру и повторяющую ошибку своих предшественников от времен Петра, то есть, вновь становящейся госцерковью, да еще, как уже сказано выше, в полностью атеистическом государстве.

...Так почему, когда жить всем нам невмоготу становится, а быть безличным винтиком гены не позволяют, мы обращаемся к делам и памяти Вождя? Повторимся: имя его уже стало сакральным символом наивысшего величия России — СССР.

Самое удивительное: как наше *ТВ*, руководимое очень пронциательными, хорошо информированными обо всем происходящем в мире, особенно в России, конспирологическими силами, «проколось» в не столь давнем (2009-й год) помпезном шоу «Выбери имя России!» Они что — не знали: 60—70 % населения страны встает и засыпает каждый день с мыслью: «Сталина на них нет!» Или это была грандиозная «проверка на вшивость»: по итогам опроса скорректировать курс политической власти (в пользу ее, конечно), например, временно ослабить, или, наоборот, усилить, государственный антисоветизм, подождать или ускорить ритуальный вынос Ленина из Мавзолея... Скорее всего, так. Увы. Но конфуз вышел великолепный во всех отношениях!

Надеюсь, читатель не забыл: к самому финалу шоу первым именем России уверенно шел Иосиф Виссарионович. Поскольку заказчики-ангажиторы *СМИ* к этому времени уже получили нужную им масс-медиа-информацию, то телевизионщики спешно начали рубить концы (термин флотский). Сталина поспешно оттеснили на почетное партерное третье место, а первым поставили Александра Невского — фигуру, вообще говоря, нейтральную и всех устраивающую: правых и левых, центристов и абсолютно равнодушных. Даже бомжей и олигархе-

ров. Православных и мусульман (см. ниже), даже буддистов и иудеев — их в XIII веке на Руси не было.

...Но гэвэшники, вроде как, совсем и окончательно утратили, выставив на пьедестал Александра Ярославича. Их, видимо, во ВГИК'е, МГИК'е, или где там их дрессируют, даже ближней истории не учили. Не взяли они во внимание, что до Великой Отечественной войны фигура Александра Невского — и в советской, и в царско-романовской, да и в рюриковской историографии — мало чем выделялась из сонма многочисленных правителей удельно-раздробленной Руси — между Киевской Русью и Московской Россией. Определенный статус в качестве святого и благоверного князя он имел, преимущественно, в Русской православной церкви, а также в автокефальных православных церквях Сербского и Болгарского патриархатов.

Национальным же символом Невского сделал... Сталин во время Отечественной войны. Вывел из исторического забвения. А теперь думайте: как предпочесть создателю сверхдержавы СССР одного из многих удельных князей, большую часть времени своего княжения проведшего в золотоордынском Сарае за испрашиванием ханского ярлыка... А пятьсот тевтонских рыцарей он разбил, как пишут многие историки, не только гипермодернисты Фоменко и Носовский, при серьезной помощи татарской конницы, посланной ханом в помощь своему подданному...

Если названные выше князья, цари и императоры уже получали под свой скипетр и державу достаточно устойчивое государство и пусть делали во время своего царствования великие

дела, но они *расширяли* пределы страны. А Сталин, говоря всем известными словами Черчилля, принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой. И добавим, принял общипанную страну на западе: Финляндия, стратегические острова на Балтике, Латвия, Эстония, Литва, Польша, «ополовиненные» Украина и Белоруссия, Молдавия; на Кавказе турки оттяпали часть Армении, а на Дальнем Востоке японцы и китайские милитаристы сделали невозможным нормальное функционирование *КВЖД*.

...А Польша после троцкистской авантюры и военной бездарности Тухачевского с мышлением подпоручика нахала столько, что после Рижского мира пришлось столицу Украины переводить из пограничного Киева в Харьков. А как объяснить, что Ленин с Троцким, скорее Троцкий с Лениным, даровав независимость стране Суоми, не отодвинули ее юго-восточные границы хотя бы за пределы обстрела Ленинграда дальнобойной артиллерией (30 километров), не оставили под базы пару островов в Финском заливе и на выходе в Балтику, а главное — оставили (считай, отдали) Финляндии выход в Баренцево море с Петсамо, ныне российская Печенега, с огромными запасами никелевой руды. И именно Петсамо до 1944 года, до выхода Финляндии из войны, наряду с железной рудой из юго-западной Норвегии, кормило германскую военную промышленность. А ведь до начала разработки финского никеля немцы по всему миру собирали никелевые монеты, что шли на производство броневой стали (!?).

И оставил Вождь сверхдержаву *СССР*, вернув ее к границам царской империи, забрав

японский «должок» с 1904 года — половину Сахалина, Курилы, Порт-Артур и *КВЖД*, полностью привязав к *СССР* Финляндию экономически, а Польшу еще и политически, «прихватив» в 1943 году от Китая Туву с ее урановыми месторождениями (это называется — Вождь только в Потсдаме в сорок пятом году узнал от Трумэна об атомном оружии?)... Оставил не только с атомной бомбой, но и с готовой водородной, которой у американцев еще не было.

Оставил со сплоченным советским народом ста национальностей, с мировой системой социализма на Западе, в Европе, и на Востоке: Китай, Монголия, Северная Корея и Вьетнам.

Оставил с восстановленной полностью страной, с мощной промышленностью и сельским хозяйством, с танковыми армиями в *ГДР*, в полной боевой готовности, с офицерским и унтерским составом, прошедшим Великую войну; по первому приказу в считанные дни пропахали бы всю Западную Европу и вышли тремя колоннами к Ла-Маншу, Пиренеям и Лазурному берегу. А погруженная на десантные корабли дивизия первого удара с Земли Франца-Иосифа уже выбивала бы наводцев из Исландии. И не были бы препятствием американские атомные бомбы без «дальнобойных» носителей. Да и своих уже достаточно понаделали.

Главное же — покинул Вождь этот не лучший из миров, создав такой промышленный, научный, идейный и пр. задел, остатными плодами которого мы сейчас только и живы; в смысле — еще жива Россия как (пока еще, опять же) государство, а не территория, поделенная между алчными западниками-восточниками...

Вот почему в случае грозной опасности мы, атеисты до мозга костей, инстинктивно крестимся и также инстинктивно восклицаем: «Сталина на них нет!»

Именно в силу величия дел Вождя его злопыхатели бессильны напасть на него, нанести мусора на его могилу. Единственное их «оружие» — это миф о ГУЛАГе. Ох, как взывают при отождествлении его с мифом ратоборцы из «Мемориала»! Кстати, а задавались ли вы, читатель, обыденным вопросом: на какие деньги существует — и не бедно — эта разветвленная по всей стране организация? Кто же вам ответит на такой нескромный вопрос... Это фигура умолчания. Нескромно его и задавать, равно как и рассуждать о полном госфинансировании современной РПЦ. При всем нашем уважении к каноническому русскому православию. Впрочем, выше мы уже привели ремарку на этот счет.

Мифология всегда являлась верной служанкой большой политики. В древние времена, в особенности в античной Греции, в Древней Индии, миф и вовсе составлял суть всей жизни государства. Индийские «Махабхарата» и «Рамаяна», гомеровские «Илиада» и «Одиссея» воспринимались современниками их создателей не как собственно миф, виртуальность, но как реальная история, бывшая до них, а теперь продолжающаяся в обители богов, на том же Олимпе Эллады.

Самое существенное, что древние мифы были по преимуществу героическими. Как сказал почти уже наш современник Карл Шмит: «*Воинственное революционное воодушевление и*

ожидание чудовищных катастроф присущи интенсивности жизни и двигают историю».

Увы, мифы XX века далеки от героизации и являются «служебными» — даже без закавычивания: они именно служат в бесконечном противостоянии наций, государств, классов, а во всемирном масштабе — геополитических блоков, той же «суши» и «моря» по Карлу Хаусхоферу, а против всего мира — тайных конспирологических сил: масонов, тайного мирового правительства и пр.

Некоторые мифы, уверенно перешедшие из века минувшего в наши дни, полагаются в интернациональном «общественном мнении», то есть, мнении вненациональных СМИ с их тайными хозяевами, настолько неполиткорректными, что называть их публично и просто опасно... Это как в Польше, всегда бывшей яркой ненавистницей России, согласно новейшему их закону (от 10 декабря 2009 г.), за демонстрацию советской символики, в частности серпа и молота, положено два года отсидки в ихней дефензиве.

...Не было бы счастья, да несчастье помогло. Это к тому, что мы сейчас наблюдаем в самостоятельной и независимой соседке по западной границе рождение нового, понятно, антисоветского, антирусского, мифа. А быть очевидцем — значит не стать жертвой оглуления СМИ, иметь информацию из первых, так сказать, рук.

Это миф о голодоморе, причем нынешняя украинская власть однозначно вкладывает в это слово вовсе не голод, как следствие нескольких подряд неурожайных засушливых годов восьмидесятилетней давности, что охватил почти всю европейскую часть СССР от Днепра до Волги,

причем страна еще не имела в то время резервных запасов продовольствия: только-только оправилась от разрухи после Гражданской войны.

Кстати, в Поволжье этот голод покрыл на много бóльшую территорию и унес жизней на порядок больше, чем на Украине. И бежать от него в более сытные места с Волги тогда было некуда, в то время как голодающие на Украине (не «в Украине», как приказал России величать ее предыдущий самостийный президент...) садились на поезд и через сутки прибывали в Тульскую область, правда, тогда входившую в Московскую, где не хватало рабочих рук на шахтах и стройках Бобрик-Горы, будущего гиганта химии Сталиногорска, ныне Новомосковска.

А голодомор мифологизуется именно как умышленное умерщвление голодом украинского народа москалями. Ни много, ни мало. Поскольку же почему-то — и очень некстати — фотографий изможденных голодом живых трупов на Украине не сохранилось, то самостийные СМИ и власти воспользовались поволжскими фотографиями, даже разместив их на стендах спешно устроенных выставок и музея голодомора... Это мы уже из сообщений отечественного ТВ знаем.

Кстати, здесь незалежные правители не оригинальны. Как говорят одесситы, аналогичный случай был в Америке, когда там создавался еще один миф XX века — о лунных экспедициях 70-х годов. То у «астронавтов-лунников» некачественная пленка в кинокамере оказалась, то они фотоаппарат при отлете на Земле оставили... Вот и приходилось орденоносцу-оскаровцу Стэнли Кубрику потом снимать в павильонах Голливуда «одиссею капитана Блада».

Кстати, самое интересное в лунном мифе даже не фильмы Стэнли Кубрика. Это и сами американцы не отрицают сейчас; но вот в чем «прокололся» СССР в своей космической программе, или какое серьезное прегрешение в отношении США совершил, что явно договорились непримиримые враги баш-на-баш молчать? Ведь наш славный агитпром вряд ли бы упустил возможность раздуть шумиху вокруг такой развесистой лунной клюквы?

Вряд ли мы это узнаем когда-либо.

Итак, уже вчерне вырисовывается и сценарий рождения и поддержания мифа о ГУЛАГе, пожалуй, единственном, что могут недруги Вождя бесконечно раздувать в качестве грандиозной иллюстрации в демонизации Сталина.

Говоря выше о голодоморном мифе, мы особо подчеркивали: информацию всякого щекотливого, опорочивающего свойства надо получать только из первых рук. Так же надо поступать и в отношении гугаговского мифа.

Давай, уважаемый читатель, рассуждать здраво и без эмоций, хотя бы даже если по биологическим законам только восемь процентов людей может мыслить самостоятельно, то есть, сейчас без подсказки СМИ.

С явно не легкой руки писателя-середняка и скверного историка Солженицына, уже упомянутого выше, внесшего заметный вклад в разрушение СССР, современное «поколение нект и пепси» бездумно повторяет: Ленин зарезал сорок миллионов, а Сталин еще сто расстрелял. Но эту книгу будет читать иное поколение, условно говоря — бывшие «шестидесятники», нынешние шестидесятилетние. Даже не потому,

что в младенчестве жили при Сталине, но их-то родители жили и трудились в эпоху самого что ни на есть «сталинизма-тоталитаризма». А вот теперь, уважаемый читатель этого славного поколения, вспомни рассказы своих родителей и их родственников, друзей, а главное: поищите среди них, вами знаемых, «жертв сталинизма»? Ведь *СМИ* как само собой разумеющееся твердят: от репрессий пострадал каждый четвертый советский человек (кстати, при Петре I — каждый третий).

Так где же эта четверть от 200-миллионного населения *СССР* в сталинские времена, то есть, с конца 20-х до начала 50-х годов? Будьте при этом честны и нелицеприятны, отделяйте безвинно пострадавших от, так сказать, совершивших прегрешения. Которые и до Сталина, и после него есть и будут, увы, атрибутом нашего несовершенного мира.

Я вот лично эту процедуру расспрашивания делаю далеко не первый год. И что же? Среди своих многочисленных родственников по нисходящей до знакового 17-го года «жертв сталинизма» не нашлось, зато... хоть смейся, хоть плачь: одиннадцать лет отсидки получил в сорок пятом году единственный среди калужской родни отца человек «из органов», муж его старшей сестры, к тому же в немалом чине. Но получил-то вовсе не по знаменитой 58-1 статье, а за хозяйственно-должностное преступление. Блатных тогда и среди энкавэдэшников не водилось.

...И у десятков опрошенных друзей, знакомых, просто сослуживцев, попутчиков и так далее не то что $\frac{1}{4}$ родни с революционной поры, но едва ли 3—4 % попавших в объятия Феми-

ды насчитывалось. Да и то — кто полугодом в СИЗО с оправданием, кто двумя-тремя годами отсидки отделявались. Встречались и более крупные сроки, но в откровенных беседах редко кто с уверенностью указывал на 58-ю статью. А ведь и в благодушные брежневские годы в тюрьмах и лагерях всегда не менее миллиона пребывало. А сейчас сколько при полутора сотнях миллионов населения России?

И кто эти мои друзья, знакомые, соседи? Кем были в жизни их родители, прародители? — Рабочими, крестьянами-колхозниками, инженерами, военными в войнах и в мирное время, управленцами низшего и среднего звена, совпартработниками не выше районного уровня, врачами, учителями и преподавателями вузов, журналистами и писателями областного масштаба, учеными... вроде никакую характерную для СССР профессию не забыл. Возражат: так это пешки, серая рабсила, испуганно-исправно служившая тоталитаризму, не имевшая ни своего свободолюбивого голоса, ни желания уйти из своего хлева, но теплого, отвернуться от корыта с пойлом, но дармового. И так далее. Узнаете интонации магов-вещателей из СМИ последнего десятилетия?

Вот вам и жертвы сталинизма. Исключая, быть может, некоторое число пострадавших при переусердствовавшем по малоумию Николае Ивановиче Ежове (многих до 40-го года оправдали), в реально пустоватую «корзину жертв» эпохи Сталина, то есть, повторимся, с конца 20-х до начала 50-х годов, ничтоже сумняшеся, эти самые СМИ и злобные сочинители типа Солженицына сваливают до кучи и подлинно

многомиллионные жертвы троцкизма и даже ленинизма — до обретения Сталиным власти, самих последышей Троцкого, затаившихся до 30-х годов, а главное — увы, многочисленных предателей и пособников лютого врага в годы войны... И совсем уж на полных современных дебилов рассчитаны рассказы эсмэишников о «сталинских расстрелах» после 45-го года, когда смертная казнь в СССР была отменена.

Впрочем, умозрительно пора дать слово товарищу Сталину.

...А в заключении растянувшегося авторского предисловия: считается, что муза поэзии посетила юного Джугашвили-семинариста, но тут же и оставила. Это не так. Это он осознанно отошел от нее, готовя себя к более высокому призванию революционера, государственного и военно-политического деятеля. Увы, в реализации этого призвания до стихов ли? Даже сложилось мнение, впрочем, неафишируемое по понятной причине, что если бы Иосиф Джугашвили продолжил свое творчество, то стал бы выдающимся грузинским поэтом. В частности, сам Илья Чавчавадзе предрекал ему такую будущность. Мы сочли нужным поместить стихи Сталина, тогда еще просто Джугашвили, по той причине, что именно из них мы понимаем изначальную душу великого, но тайного идеалиста.

И еще одна *nota bene*. Уже после написания этой книги попались на глаза два новых труда о Сталине: И. Сталин «Цитатник» и трехтомник Бенедикта Сарнова «Сталин и писатели». Самое интересное, что уже к этому времени выбрал формат «Катехизиса». То же самое обнаружил и в «Цитатнике»: такой же формат.

Конечно, в наше время никто никому не верит, скажут: дескать, «слизал» автор оформление с «Цитатника», вот неловко и оправдывается. Но я — человек советского, военно-морского воспитания, потому и порадовался: уже выработался подспудно даже стиль оформления книг о Сталине!

С интересом прочел и Бенедикта Сарнова — при всей тенденциозности его книги, прямом антисталинизме. Каждый имеет право на свое мнение — см. выше. И опять отметил: суть взаимоотношений Вождя и писателей и в «Катехизисе», и у Сарнова, опять же подспудно, в определенном смысле совпали. Все сказанное в заключении настоящего введения весьма многозначительно.

Последнее замечание: явные повторы в книге — чисто художественный прием: ведь мы передаем размышления Вождя, простудно больного, в ночном бдении, когда мысли несколько заикливаются... Пусть каждый вспомнит себя в аналогичной ситуации. С другой стороны, всякий, кто читал работы Сталина, вспомнит: Вождь намеренно делал такие повторы. Это, с одной стороны, известный прием оратора и политического публициста — «для масс», по принципу: повторенье — мать учения. С другой же, как мы давно подметили, такие повторы априори характерны для закавказских людей, прежде всего грузин и армян, изучивших русский язык в зрелом возрасте. Очевидно, такая дидактика построения речи самохарактерна для их родных языков.

**К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ,
СОЗДАТЕЛЯ СВЕРХДЕРЖАВЫ СССР,
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
СТРАТЕГА ИОСИФА ВИССАРИОНО-
ВИЧА СТАЛИНА (ДЖУГАШВИЛИ)*
(1879—1953)**

Двадцать первого декабря 2009 года исполнилось 130 лет со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина (1879 — 1953). Главное в деятельности И. В. Сталина — разработка новой теории строительства бесклассового общества, реализация ее на практике — в СССР, базирующаяся на фундаментальной стратегии Сталина в политэкономии: конкретная форма распределения обобществленной прибавочной стоимости, то есть дохода общества, по труду при доминанте принципа социалистической общественной собственности на все — без исключения — средства производства. Все остальные, многогранные стороны деятельности И. В. Сталина слишком хорошо известны — как почитателям его, так и непримиримым врагам — чтобы их аннотировать в литературно-художественном журнале. Только напомним совсем недавние помпезные телеигры с персонификацией личности, олицетворяющей собой всю 1000-летнюю историю России... И вышел для телевизионщиков конфуз: первым был назван Сталин. Толь-

---

* Опубликовано в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», № 4, 2009 к юбилею Вождя.

ко спохватившись, явно искусственно его оттеснили на третье место. Вот так, господа-товарищи!

Учитывая профиль нашего журнала, обратимся в данной рубрике к собственно писательской, поэтической деятельности Сталина и отображению его личности в современной литературе. Художественное творчество — одно из наиболее сильных увлечений юного Иосифа Джугашвили во время учебы в Тифлисской духовной семинарии. В этот период, в 1895—1896 гг., им написаны — на грузинском языке — шесть стихотворений (имеются в виду только опубликованные).

Первые же стихи Иосифа понравились тогдашнему первому поэту Грузии Илье Чавчавадзе, который редактировал наиболее значительную грузинскую газету «Иверия». Более того, Чавчавадзе помещал стихотворения на первой странице, на самом видном месте. Кстати, одно из них — «Утро» — было включено в литературную хрестоматию для грузинских школ!

В «Иверии» было опубликовано в июне — декабре 1895 года пять стихотворений за подписью «И. Дж-швили»; а затем — Сосепо (уменьшительная форма имени Иосифа). Шестое стихотворение, «Старец Ниника», было напечатано в газете «Квали» в июле 1896 года.

По мнению редколлегии журнала, имеющиеся переводы этих стихов на русский язык различных поэтов, обычно не называемых в публикациях, не в полной мере передают образность первоисточника. Ниже мы публику-

ем переводы названных шести стихотворений юного Иосифа Джугаишвили, выполненные специально для журнала «Приокские зори» Владимиром Резцовым, постоянным нашим автором, членом редколлегии, заведующим отделом поэзии журнала.

ЛУНЕ

Ты, как всегда, в серебряном сиянье
Без усталости над сумрачной землей
Плыви, пронзая тучи мироздания,
И разгони туман и мрак густой.

Ты над Казбеком с нежною улыбкой,
Его снега и льдины под тобой,
Склонись, как мать склоняется над зыбкой,
И тихо колыбельную пропой.

Ты знаешь твердо: трудник или воин,
Кто в прах повержен был и угнетен,
Еще Мтацминды* будет удостоен
И пусть надеждой будет окрылен!

Ты в черном небе — и светлее стало.
Сияй, лучами бледными — играй
И светом ровным, словно покрывало,
С любовью озари мой отчий край!

Тебе я сердце с трепетом открою
И руку протяну, — мне не до сна,

---

* Мтацминда — некрополь в Тбилиси, Грузия, где похоронены многие из известных писателей, артистов, ученых и национальных героев Грузии.

Когда в ночи в душевном непокое
Тебя я вижу, светлая луна.

(РАФАЭЛУ ЭРИСТАВИ)*

Когда несчастных тружеников доля
Тебя, певец, так тронула до слез,
Немало горя, мук, жестокой боли
Тебе с тех пор увидеть довелось.

Когда, величьем Родины взволнован,
Ты трепетал от ликования весь,
Твои звучали песни так, что словно
Их пели людям ангелы с небес.

Когда, своей отчизной вдохновленный,
К заветным струнам прикасался ты,
То с пылкостью, как юноша влюбленный,
Вверял ей сокровенные мечты.

Твоя любовь к народу негасима,
И крепче этих уз на свете нет;
И в гордом сердце каждого грузина
Тебе воздвигнут памятник, поэт!

Великий труд певца своей отчизны
Обязана награда увенчать:
Пустило слово корни новой жизни,
Приспело время жатву пожинать.

---

* Эристави Рафаэл Давидович (1824—1901), князь, грузинский поэт и этнограф.

Недаром сам народ тебя прославил;
Тебе перешагнуть рубеж веков.
И пусть страна подобных Эристави
Еще немало вырастит сынов!

* * *

Ходил он от дома к дому,
Стоял у чужих дверей
Со старым пандури* из дуба
И с песней нехитрой своей.

А в песне его звучала,
Как солнечный свет чиста,
От Бога великая правда,
Орлиных высот мечта.

Он песней заставил забиться
Вдруг ставшие камнем сердца;
Будил в людях совесть и разум,
Дремавший во тьме без конца.

Но вместо слов благодарных,
Какие певцу говорят,
В чашу с вином изгою
Собратья подсыпали яд:

«Пей, осуши, проклятый,
До дна эту чашу! До дна!
Чужая твоя нам песня,
И правда нам не нужна!»

---

* Пандури — грузинский струнный щипковый инструмент типа лютни.

* * *

Когда луна своим сияньем
В ночь озаряет мир земной,
И тусклый свет за дальней гранью
Мерцает бледной синевой;

Когда средь рощи безмятежной
Бушуют трели соловья,
И саламури* голос нежный
Звучит, восторга не тая;

Коль вновь, замолкнув на мгновенье,
Бьют родники из-под небес,
И ветра легким дуновеньем
Разбужен ночью темный лес;

Коль, тьмой кромешной истомленный,
Вернешься в скорбный край родной
И в полном мраке, изумленный,
Узришь луч солнца золотой, —

Тогда с души прогонит тучи
И мрак, который в ней царит,
Надежда силою могучей
И к жизни сердце возродит.

Да воспарит душа поэта,
Ведь сердце бьется неспроста:
Я верю, что надежда эта
Сильна, божественна, чиста!

---

* Саламури — грузинский духовой музыкальный инструмент со свистковым устройством. Изготавливается из дерева или камыша.

УТРО

Раскрылся розовый бутон,
Прильнув к фиалке голубой,
И под веселым ветерком
Клонились ландыши с травой.

Пел жаворонок, из полей
Взвиваясь выше облаков,
А сладкозвучный соловей
Так заливался из кустов:

«Мы славу Грузии поем!
Да будет мир в родном краю!
Учитесь, дети, и трудом
Восславьте Родину свою!»

СТАРЕЦ НИНИКА

Как состарился Ниника!
Он, побитый сединой,
Весь согнулся, погляди-ка,
Стал беспомощный такой.

То-то горе! А ведь было:
Был могучим хлебороб,
По полям гуляла сила,
Серп сверкал, валился сноп.

По стерне он, враг безделья,
Утирая пот, шагал,
И лихой огонь веселья
На младом лице пылал.

А теперь не ходят ноги,—
Время гнет и не щадит;
Старец дряхлый и убогий
Дома с внуками сидит.

Но как с поля донесется
Песня — гимн людей труда,
Сердце юное забьется
У Ниники, как тогда.

Он, на палку опираясь,
Выйдет, внуками любим,
И, весельем загораясь,
Улыбнется молодым.

ПРОСТИТУТКА ИСТОРИЯ

Вождь вошел в личную половину Ближней дачи, скинул шинель и повесил ее на крайний левый крючок вешалки. Невольно усмехнулся, вспомнив давние слова подпившего на дне рождения Штеменко Климента... какого к черту Климента! Вот еще папа римский нашелся... в зюсю пьяного Ворошилова: «Я, товарищи, настолько проникнут большевистским духом, что даже по лестницам поднимаюсь-спускаюсь держась левой стороны!» Хорошо, Берии рядом не было, а то бы заподозрил лихого рубаку в шпионаже в пользу Британских островов, где движение левостороннее. И что только на Лаврентия не вешают? Впрочем, после того шумного празднества, когда и он сам лишку хватил, два-три раза поддразнивал Клима английским шпионом. Глупо, конечно, но в каждом кругу общения свой юмор, даже казенный.

Положил на полку фуражку, чуть поморщившись от давней, надоедливой боли в предплечье больной руки, когда, забывшись, поднял ее слишком резко. Застарелый артрит, как еще академик Бехтерев ему говорил, а по-русски говоря: сухотка.

Старость не радость, уже стаскивая с легким кряхтением сапоги, привычно думал он. И погода самая противная в середине февраля, влажно-морозная, с изморосью. Поежился, прогоняя легкий озноб, всунул ноги в короткие домашние валенки, расстегнул и снял китель, с удовольствием облачился в теплую меховую безрукавку.

Прошел в кабинет, по привычке глянул на настенные часы: половина первого. Вот и день

миновал. Оторвал от висевшего под часами простенького численника уже полчаса недействительный листок от 17 февраля 1953 года. Также машинально перелицевал в пальцах календарный листок, неприятно поморщился: на обороте лапидарные стихи о кремлевских курсантах. Что за черт! Только во время поездки в машине отогнал от себя неприятные мысли о сегодняшнем происшествии — и тут тебе снова на кремлевскую тему... Два часа пополудни Поскребышев, явно нарочито войдя с второстепенными бумагами, вскользь сообщил, что в «кремлевке» скоропостижно умер генерал-майор Косынкин. «Академик Мясников звонил: с сердцем неполадки случились».

Какие неполадки с сердцем в сорок лет могут быть? Что за напасть такая: куда не поставит он проверенного, надежного человека, так что-нибудь с ним и случится? Нет, это не старческая подозрительность, это все факты. И факты малоприятные. Вот и с Косынкиным: только недавно он назначил бывшего старшего прикрепленного (не любил он слова «телохранитель») комендантом Кремля, так тут и сразу... Начинают обкладывать матерого волка. В растворенную кабинетную дверь со стороны коридора послышалось вежливое покашливание. Вождь неторопливо полуобернулся, все продолжая держать в руке досадливый календарный листок.

— Товарищ Сталин, — спросил стоявший в проеме нынешний старший прикрепленный Старостин, — ужин в малую столовую?

— Нет, не буду... — Расслабившись в домашней обстановке от официальности Кремля, Вождь чуть было не добавил, что знобит его,

простудный февраль, но тут же внутренне одернул себя. И чтобы исправить возникшую в душе некую неловкость, привычно (вот она — ввевшаяся привычка даже мысленно обращаться к авторитетам) вспомнил из назидательных поучений отца Ираклия в далеком тифлисском семинарском бытии: «Внешняя дисциплина во всем должна соответствовать убеждениям выработанной строгости душевного склада. Такой гармонии трудно и сложно достичь, но потерять ее, а значит и утратить свое лицо, дело минутное; искустель не дремлет!» Благо, был философствующий вероучитель не в монашеском постриге и наиболее удачные свои лекции по патристике* читал явно после вчерашних крестин; имел он и такую практику.

— ...Попроси принести чай сюда.

— Слушаюсь, товарищ Сталин.

Старостин, неслышно ступая своими сапогами по толстой ковровой дорожке коридора, пошел на кухню, а через пару минут — Вождь всего лишь успел подойти к письменному столу и остановился перед телефонным аппаратом спецсвязи, задумавшись: позвонить насчет Косынкина с уточнениями? — в кабинет вошла, также предупредительно кашлянув, дачная кухарка Матрена Бутусова, по зарплатной ведомости «повар питательного пункта объекта Кремль-9».

— Разрешите, Иосиф Виссарионович?

— Да-да, проходи, пожалуйста.

---

* Наряду с догматическим богословием и гомилетикой, одна из базовых дисциплин в православных семинариях. — Прим. авт.

Кухарка с подносом прошла к письменному столу, сняла с подноса литровый заварной фарфоровый чайник и привычно поставила его на свободный внешний угол, подложив маленькую плетеную подстилку. Накрыла чайник «папайхой», как называл хозяин этот упрощенный вариант купеческой куклы, поставила обочь на стол тонкий стакан в мельхиоровом подстаканнике, блюде с порезанным лимоном и сахарницу с мелкими кубиками рафинада.

— Что-нибудь еще, Иосиф...

— Нет-нет, можешь быть свободна.— И все же позволил чуть расслабиться, пошутил:

— И так полчаса переработала от министерского распорядка!

Матрена дозволительно улыбнулась на слова обыденной шутки и интонацию хозяина и вышла из кабинета с опорожненным подносом самой простой жостовской выделки. Здраваться по утрам и прощаться по вечерам на даче не было принято. Как дома.

А дежурную присказку насчет министерского распорядка ввел в дачный обиход все тот же Ворошилов, которого после лишней для него стопки любимой «г'орилки з пирцем», как научил выговаривать по-хохлацки шут гороховый Никита Хрущев, тянуло на шуткованье. Имел он в виду установленный лет пять тому назад единый распорядок рабочего дня министерских служащих, согласно которому рядовые и среднenaчальные работники служили до восьми вечера, а министры и их замы отправлялись домой опочивать с боем курантов. Как-то само собой получилось, что Матрена Бутусова единственная на даче пользовалась правами министра на сон с

нуля часов; хозяин еще с довоенных лет привык засыпать не ранее трех ночи, а прикрепленные, охрана и комендант дачи Орлов, как люди военные, подчинялись служебному графику.

Есть действительно не хотелось, да и вредно все это на ночь, но первый, обжигающий стакан чая выпил в несколько минут. Совершенно произвольно, подсознательно подумалось: Матрена, как обычно, заварила смесь грузинского с краснодарским, а на днях примет он здесь индийского посла, так следует и чай подстать его вкусам подавать. Еще в пути, в машине твердо решил: неделю-полторы проживет здесь безвыездно, переждет самую непогодную для него вторую половину февраля. А посол очень просил аудиенцию. Так пусть и приезжает; оно без дипломатических церемоний и лучше. Особенно зная о чем собирается просить посол: о поставках зерна. Ох, эти просьбы, просьбы...

Чай унял простудную неприятность в теле, но хорошо он знал: этот озноб не перейдет в ангину только если не покидать домашнее тепло дачи. Да и текущим делам такое удаление от Кремля явно не повредит. Это как в хорошо отлаженном механизме часов: все колесики-шестеренки вертятся исправно, а хозяин, заведя пружину, спокойно наблюдает за их ровным ходом со стороны. Это как поезда у Кагановича с минутной точностью ходят, что хорошо знает вся страна. Даже в присказку вошло.

А частые простуды и ангины в последние пять-семь лет не только возрастное... Нет, не только. Сказались сибирские ссылки, особенно сильная простудная хворь в Курейке. И в Гражданскую не в зеркальном спальном вагоне,

царском наследстве, как иудушка Троцкий, по тылам разъезжал, а по фронтам мотался на перекладных.

Но все же здоровье подорвала война не столь давняя, которую почти суеверно, усилием воли так хотелось отодвинуть в памяти как можно дальше от сегодняшнего дня!

*Как состарился Ниника!
Он, побитый сединой...*

Усмехнулся: вот давно и родной язык, на котором иногда лишь говорил только в мыслях, уже воспринимается едва ли не как чужой, выученный.

Все же выпитый стакан чая, терпимо обжигающего язык и нёбо, взбодрил, отвел саможалостливые мыслишки. Знал: пройдет эта позднее-февральская непогода, пройдут простуды, — и он снова бодр, снова с головой занят своим огромным хозяйством:

*По стерне он, враг безделья,
Утирая пот, шагал...*

Всего-то два месяца без малого как стукнуло семьдесят три! И разве не с Кавказа он, где в таком возрасте пляшут до утра лезгинку на свадьбах внуков и надеются то же самое сделать в день венчания правнуков. Бракосочетания, поправился Вождь дисциплинированно.

От воспоминания семинарских стихов и отца Ираклия на ум тотчас пришел, хотя его и не звали, тогдашний однокашник Георгий Гурджиев. Надо узнать, попутно отметил, жив ли, где и чем живет этот залихватский мистик? С «лица необщим выраженьем» — где-то прочитал о

нем. А вспомнился семинарский сотоварищ по постной похлебке по маниакальному интересу к числовой символике. С жаром истинного апологета часами мог говорить о сакральности трех шестерок и числа тридцать шесть.*

Еще Георгий пояснял сакральный смысл чисел-перевертышей. Вот и семьдесят три его нынешнего возраста «старика Ниники» не совсем уместно перевертываются на досадливый 37-й год. Да-а, пожесточел Вождь, с одной стороны, тогда пришло-таки жесткое время перед начинающейся мировой сумятицей до конца обрубить все затаившиеся головы троцкистской гидры, но с другой... И нарком Ежов со слесарным образованием палку перегнул, впадая в кровожадное неистовство, и сами троцкисты «на местах» оцетинились, взамен себя стали мирный народ подставлять.

...Ему же, хозяину страны, затем пришлось в тридцать восьмом — тридцать девятом с помощью Лаврентия возвращать из лагерей почти всех упрятанных туда Ежовым. Да-а, наделал делов маленький ростом Николай Иванович! А где было стопроцентно надежные и не слабые на голову кадры брать? — Не от Левушки же Троцкого, тогда живого?

Эх, тридцать седьмой, тридцать седьмой — грозный и кровушкой людской достаточно политый. Чего только мне за него после смерти, если вдругорядь придут к власти в стране последние троцкистов, не припишут? Уже про Запад умолчу...

---

* Известное из теории чисел соотношение: $1+2+3+\dots+36$ равняется шестьсот шестидесяти шести — числу дьявола.— Прим. авт.

Вот ведь проститутка история, как кто-то из высоколобых немцев сказал, а кто? — Каутский, Бисмарк... может и сам историк Фейербах? А вообще в образной манере Владимира Ильича: гнилая интеллигенция, тот же ренегат Каутский, иудушка Троцкий опять же. Но что-то про проститутку от истории он сам из уст Ленина не слышал, в трудах не читал, а их-то, включая черновые пометы и неизданные письма и заметки, все с карандашом прошел.

И не только про тридцать седьмой. Миллионы и десятки миллионов якобы расстрелянных на него, почитай единолично одного, наваяют; чуть ли не половину, а то и всю двухсотмиллионную страну в лагеря посаженную. Борзые перья из затаившихся троцкистов легко сыщутся. Эх, тяжела ты, шапка Мономаха, тем более народного...

Как-то принес Лаврентий справку про наши «жертвы мирного времени», как он паскудно-то сказал; думал воспользоваться я ими в намечавшемся интервью с корреспондентом «Фигаро». Но что-то там *МИД* не согласовал, что ли... А потом и сам решил: не к чему перед западниками цифрами козырять, нам перед ними не оправдываться, тем более перед французами: мы за тридцать с лишним лет в двухсотмиллионной стране, обороняясь перед агентурой всего мира и, что намного опаснее, перед агентурой внутреннего и мирового троцкизма, да с учетом не одного миллиона затаившихся контрреволюционеров... словом, долго перечислять; так вот, за это долгое время и при массе факторов активного противодействия физически уничтожили шестьсот с небольшим тысяч прямых, неспра-

вимых ничем, смертельно опасных врагов. И вряд ли более пяти-восьми процентов здесь случайные люди. Да и то дурацким усердием Ежова, будь он не к ночи помянут всей страной!

И это цифры! Именно цифры. Мне Лаврентий угождать не будет. Это он пре-е-красно знает, хитрый, но умный мингрелец.

...А французы за пять-шесть лет после своей революции, хотя и Великой в мировой истории, под гуманным лозунгом *liberte-egalite-fraternite** только на изобретение доктора Гильотена отправили свыше миллиона человек. И население Франция конца восемнадцатого века, если не изменяет память, имела в десять раз меньше, чем СССР. А сколько сотен тысяч, опять же за миллион, крестьян Бретани, Нормандии, иных углов Франции были перебиты войсками революционного Конвента, Директории? И пресловутой 58-й статьи у них не имело. Хм-м, да такая статья имеется сейчас в любой, так называемой цивилизованной стране Запада.

Опять же к французам. Сколько же французов погубил Наполеон в своих революционных, а по сути завоевательных войнах? Много. Огромное число самых крепких, здоровых, умных людей. И совершенно убежденно еще отец Ираклий говорил, что Французская революция и наполеоновские войны погубили на протяжении всего лишь одного поколения весь цвет французской нации; после этого французы и внешне-то стали другими. И еще добавлял Ираклий, видно

---

* Свобода — равенство — братство (фр.).— Прим. авт.

вспомнив вчерашние крестины у купца Кермоклидзе: «Это все одно, как весь виноград в Европе стал совершенно другим после эпидемии филлоксеры в девятнадцатом веке. А значит, и все европейские вина приобрели иной вкус и аромат. Потому сохранившиеся в солидных замковых погребах вина урожая до эпидемии получили специальное наименование «прафиллоксеры» и ценятся на вес золота!» Да, отец Ираклий умело доводил до их семинарских голов и саму сухую патристику, и живые примеры истории...

И что же? Европейская наука история возмущалась кровожадностью Конвента и Наполеона ровно до того времени, пока Европа, выполнив основную цель Французской революции, не стала благобуржуазным континентом. Тотчас Наполеон был возведен гласно и негласно в великие полководцы, и все дела Конвента, Директории и иже с ними отнесены к внутренним делам Франции. А в ней все это отнесено к учебникам истории. Жертвы забыты — об этом вообще неприлично говорить. И аминь. И как условная память о давно прошедшем и забытом — неизменный гимн «марсельеза»... как это? — Маршан, маршан!

Хм-м, вот такая она и есть, проститутка история. Особенно если сравнить с нашей революцией и с СССР, явно не вписывающимися в благобуржуазный континент Европу. Мы были, есть и будем для нее преступниками с пресловутыми миллионами безвинно расстрелянных, десятками миллионов сгноенных в сибирских, колымских лагерях. И так будет до тех пор, пока капиталистическая формация, согласно старине Марксу, а точнее — Гегелю Георгу Вильгельму

Фридриху, по всему земному шару не уступит место социализму. Но и тогда история останется проституткой, ибо объявит тотчас наши, хотя и объяснимые, но все же жесткие меры — от этого никуда не спрячешься — этаким пустячком.

Но не все так просто. Действует жестокий закон, который наши идеологические подхалимы успели объявить «гениальным предвидением товарища Сталина», а именно закон все той же гегелевской диалектики в конкретизации общественного движения: по мере приближения к социализму классовая борьба усиливается. Вот здесь тебе и отрицание отрицания, и единство и борьба противоположностей. Да и переходом количества в качество попахивает: та же эволюция гидры троцкизма и беда всех бед — биологический частнособственнический инстинкт человека.

Так вот, эта самая диалектика вполне в силах на какое-то время приостановить нынешнее победное движение социализма, а проще говоря — временно возродить на территории СССР и стран соцлагеря капитализм. Увы, это допустимо, но временно. Но от этого народу нашему будет не легче. Главное — потом все восстановится, скорее всего уже во всемирном масштабе и в несколько иной форме, отличной от советской.

Да, одновременно жесткий практик и несправимый идеалист ты, товарищ Сталин!

*А в песне его звучала,
Как солнечный свет чиста,
От Бога великая правда,
Орлиных высот мечта.*

Но ведь разве можно хоть полслова об этом сказать? Даже не народу, это убийству всей нашей идеи подобно. А своему «ближнему кругу»?

...Вождь так громко рассмеялся, что через растворенную дверь явственно послышались, но скоро замерли, осторожные шаги кого-то из охраны дачи: Старостина или кого из его помощников; вроде как сегодня смена Тукова.

А он всего лишь представил выражения лиц своих сподвижников... скорее поневоле сподвижников, озвучь он им свои размышления о буржуазной реконкисте в СССР. На туповато-преданном лице Семена, как у кота, дыбом встанут знаменитые усы, которые он сам ему строго-настрого запретил сбривать, даже подстригать. Клима, если он не пьян в стельку, кондрашка хватит. И без того бабье рыло Маленкова совсем потеряет свое очертание, как бы стараясь таким туманом раствориться: дескать, ничего не слышал и не видел. Вечно бывший троцкист Никита зажмет фигу в кармане, а Булганин хлопнет с верхом налитый фужер коньяка. А вот умный Лаврентий — единственный кто поймет... Но на всякий случай может и пристрелить его.

Вот поэтому и не может он, хозяин полумира, заносить свои потаенные мысли на бумагу. Как не упрячивай эти записи, все одно потом найдут и против его же памяти используют.

И все же история — проститутка, а осознание этого есть составляющая бремени вождя. Переписывается же история бесконечно. Такая же первая древнейшая.

БРЕМЯ ВОЖДЯ И КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

Действие горячего чая прошло, озноб вернулся. Как же он не любил эту вторую половину февраля! Память о Курейке, Царицыне, или все же старость?

*Весь согнулся, погляди-ка,
Стал беспомощный такой.*

Усмехнулся, снял с чайника папаху, снова наполнил стакан. Не присаживаясь к столу, стоя, чуть нагнув голову, быстрыми глотками выпил чай с двумя маленькими кусочками-кубиками сахара. О лимоне и не вспомнил: чай с лимоном требует рассудительности и задумчивой медлительности во время чаепития. Как в портретно-живописной версии революционной биографии Ильича: на картинах Иогансона и других придворных мазил. «Ленин у прямого провода» и десятки других, похожих, где в руке вождя революции неизменный простенький подстаканник эмпээсовского образца со стаканом жиденького остывшего чайку с размахренным лимоном и интеллигентски прижатой к ободу черенком ложечки... Впрочем, эти Иогансоны четко умеют уловить конъюнктуру. И они нужны государству, когда умело работают на него. Та же канонизация образа Ильича со стаканом чая. С лимоном и ложечкой.

А вот он, товарищ Сталин, пьет крепко заваренный чай с сахаром вприкуску; торопится — без лимона, за работой — с ним. А в молодости чай не терпел, зато любил пиво, закусывая свежим черным хлебом. Это явно не для Иогансона

со товарищи. Не тот стиль, не соответствует величю эпохи и *его* страны сейчас.

Однако это ознобленное состояние путает, мельчит мысли. Вот чай, уже не такой горячий, допит. Легче стало, но с работой сегодня ничего не получится. Вождь, как бы извиняясь, посмотрел на привезенные из Кремля папки, аккуратно уложенные Старостиным на правый внешний угол стола. И все срочное: корейские дела, текущие сводки по пятилетнему плану, отчет Лаврентия по водородной бомбе... И самые кляузные дела в папке Игнатьева.* Полный идиот! Чувствуется, что ставленник Никиты Хрущева. Надо его поскорее менять на того же Рюмина.

Чем-то этот Семен Ежова напоминает, но только в переложении известной присказки: повторение трагедии есть уже фарс. Надо же додуматься до «дела врачей»? Эх, сегодня работа не пойдет. Вождь как-то неопределенно махнул рукой, присел на свой топчан-кровать, чуть кряхтя, заменил домашние валенки на длинные шерстяные носки, переключил, не вставая с топчана, на настенном пультике верхний свет на придверный ночник, да еще робкий отблеск из коридора: не хотелось вставать — закрыть дверь.

А-а, ладно, так уютнее. Накрылся своей старой кавалерийской шинелью. Через четверть часа согрелся, но понимал ясно: даже несмотря на простуду раньше трех-четырех часов не уснет. Слишком долговременная привычка!

Так и раньше случалось, обычно все в том же феврале, если выдавался слякотным, а анги-

---

* Семен Денисович Игнатьев, министр госбезопасности в 1951—53 гг.— Прим. авт.

на или озноб тут как тут. А академик Мясников и врач Гареев даже одобряли его организм. Дескать, если в возрасте за сорок-пятьдесят, не говоря уже о более почтенном, человек при простуде или вирусной инфекции ангиной болеет, это свидетельствует об общей крепости его. «Ангина, то есть воспаление аденоид,— почтительно, но по-профессорски уверенно пояснял Мясников,— есть первичная, так сказать, передовая оборона организма. Переболеет человек ангиной — и все, дальше инфекция в трахеи, в бронхи и еще глубже в легкие уже не пройдет. Если же с возрастом, что обычно и бывает, аденоиды уже не реагируют на простуду и вирусы, то инфекция прорывает эту передовую и поражает более жизненно важные органы и системы».

Спасибо, конечно, на ободряющем слове маститого медицинского академика, но и эти «спасительные» ангины и простуды, если уж так зачастили, не больно великое удовольствие.

А так как и раньше эти два-три часа бессонницы приходилось, согревшись чаем, под царицынской шинелью коротать, раз работать за столом невмочь, то и рецепт уже известен. Надо в который раз, прикрыв глаза, в очередной раз прокручивать в голове те самые потаенные мысли, что не запишешь ни в одну сверхсекретную тетрадь, не произнесешь вслух даже при полностью упившихся по всякому поводу соратниках из числа самых доверенных. Другого времени у Вождя не было, нет и вряд ли будет. Вожди на заслуженный отдых не уходят. Снова вспомнился Мясников, как-то обмолвившийся в общем разговоре на консилиуме: «Да, товари-

щи, профессора и академики на пенсию не уходят». Вот и они туда же...

Да, потаенные мысли. Как-то вырвалось у него, что-де проходит время гениев, наступает эпоха серой посредственности, — так у всех этих... рожи перекошило. А он ведь не себя, конечно, имел в виду, а смену исторических реалий, от отдельных личностей и человеческих масс не зависящих. Но ведь каждый из ближнего окружения, как это принято у женщин... нет, у баб, сразу на себя стал примерять его слова. Естественно относя свои персоны к первым.

А что после его смерти только не нанесут на его могилу? Недолго она в чистоте пребудет. Один хай поднимет, если при верховной власти окажется, так остальные тотчас подхватят. Даже если и поневоле. Пожалуй, единицы его не предадут, те же Шапошников и Рокоссовский.* Не зря он их только двоих и величает по имени-отчеству, а не безликим «товарищ такой-то». Старые партийные лисы! Как же они быстро, прямо на глазах, превращаются из бесстрашных революционеров и бескорыстных бойцов партии в нечто трусливое, лицемерное, свиноподобное? Понятно, что любое животное к старости становится осторожным, боязливым. Но ведь более справедливым можно считать, что далеко и далеко не все выдерживают испытание властью, гарантированной сытостью, да еще от природы жадные женщины — их жены, тещи, дочери, невестки — и в свою дуду дуют. А ночная ку-

---

* Так оно и случилось; только они отказались клеветать на Сталина. — Прим. авт.

кушка всегда дневную перекукует; здесь всем пример из примеров библейская Эсфирь...

Послать бы их всех куда подальше, лучше всего на пенсию, но кого взамен-то поставить? Идеалист ты законченный, товарищ Сталин! Но кто кроме идеалиста неисправимого может взвалить на себя бремя вождя... нет, Вождя — с большой буквы? Тем более, что такой Вождь, рачительный и по необходимости строгий хозяин страны, долго идет к власти. Это тебе не чехарда консулов и императоров, забиравших престол лишь оплачиванием годового жалования двум легионам преторианской гвардии. Само по себе бремя Вождя суть жертвенность во имя высоких идеалов. Тавтология, конечно, но эти идеалы привлекают к себе исключительно идеалистов.

Можно ведь и такое умозрительное сравнение привести: если на обычного человека давит атмосферный столб в сотни килограммов, то для Вождя плюсуется еще сотни тонн давления шапки Мономаха. И авторитет его зиждется не только на полезных и насущных для самых широких масс делах и поступках, но и требует определенных искусственных ритуалов. Взять тот же идеализированный ореол Вождя; не знаю, как этот институт потом назовут мои злопыхатели.* Когда в тридцать седьмом году в разговоре с Лионом Фейхтвангером последний осведомился о причине обилия портретов Вождя в стране, речевок и приветствий, начинающихся непременно со славословий товарищу Сталину,

---

* До хрущевского клейма на XX съезда КПСС термин «культ личности», по крайней мере в приложении к Сталину, нам в источниках не встречался.— Прим авт.

то он все свел к шутливому ответу. Дескать, в массе своей наш народ еще не успел овладеть европейской культурой выражения своих чувств, перебарщивает. Отсюда и изобилие портретов «человека с усами». Этот ответ ему самому понравился и стал трафаретом для всех последующих, хотя и редких, интервью и бесед с западниками. А устраивает это их, или нет — их же и дело. На том поставим аминь, как заканчивал свои лекции отец Иракий.

*Недаром сам народ тебя прославил;
Тебе перешагнуть рубеж веков...*

На дело-то серьезное и принималось решение о идеализированном ореоле Вождя на пленуме после XVIII съезда ВКП(б) — в закрытой его части — по-деловому, со всеми доводами «за» и «против». Сам он колебался почти до окончания обсуждения вопроса. Как ни странно, но на правах военного наркома чашу весов склонил Ворошилов. Это при всем его шутовстве на съезде. Надо же, додумался частушку в свое выступление вставить:

*А товарищ Коккинаки
Долетит до Нагасаки
И покажет всем Эсаки,
Где зимуют раки!*

Нд-а, предугадал старый рубака: до Нагасаки-таки долетел, но только не товарищ...

Впрочем, может, и правильно сделал, разрядил мрачноватую обстановку: съезд-то собрался в не самые спокойные для страны времена.

А на пленуме Клим необычно серьезно и убедительно обосновал необходимость создания

идеализированного ореола. Понятно, в совершенно иной, партийно-политической терминологии. Основной его довод: война, увы, неизбежна. Большая война, скорее всего мировая, так что даже малой-премалой надежды отсидеться в стороне у СССР нет. Отсидится и еще больше разбухнет от золота только САСШ.* А наш, русский, советский народ — плохо это или хорошо, не нам судить — в години суровых испытаний особенно привык к строгому единоначалию. И если раньше лозунгом всенародного единения было «за веру, царя и отечество», то теперь, исключая бога, в девизе остается отечество-родина и тот, в котором народ видит высшего руководителя, которому он, народ, полностью доверяет. Но не слепо, а будучи уверен: именно он, высший руководитель, сделает все мыслимое и немыслимое, но приведет страну к победе. Этот же руководитель становится символом, Вождем. И бойцы в атаку будут подниматься со словами: «За Родину, за Сталина!» Так что, Иосиф Виссарионович, ваше имя уже не только вам принадлежит.

И не в твоём характере, Коба, для убедительности Ворошилов обратился к старой партийной кличке Вождя, обращать внимание на зубоскальство империалистов и недобитых троцкистов по поводу якобы твоего самовосхваления. И мы все прекрасно знаем: это товарищу Сталина глубоко чуждо. Главное — это на пользу нашего общего большевистского дела, на пользу всего советского народа. И трудовые массы все-

---

* Северо-Американские Соединенные Штаты — тогдашнее название США.— Прим. авт.

го угнетенного империализмом мира знают: имя Сталина олицетворяет (Ворошилов в два приема выговорил это казенное слово) СССР и наше правое, революционное дело.

Да, убедительно, хотя и несколько коряво, сказал тогда Клим, «первый красный офицер». Он согласился, как всегда соглашался, не ломаясь, с разумными доводами.

Кстати, чтобы там не сочиняли сейчас, в самом приступе «холодной войны», продажные западные писаки-журналисты, до войны эта необходимая идеализация ореола Вождя не выходила за рамки портретов на демонстрациях и на стенах помещений учреждений. Кстати, на том же «демократическом» Западе в служебных кабинетах на стенах непеременны портреты президентов, премьер-министров и королей с королевами, которые «царствуют, но не правят». А у нас — по ведомственной принадлежности — не один товарищ Сталин в красном углу наличествует, но тот же Ворошилов, Дзержинский и другие наркомы. Кажется, только Лаврентий не велит себя афишировать. Наверное, ввевшаяся в характер привычка старого подпольщика и чекиста: присутствовать везде и всегда, но невидимо... И на демонстрациях не только саженные портреты товарища Сталина несли.

В войну и вовсе не до наглядной агитации, а «За Родину, за Сталина», как ему раз под хорошее настроение сказал Рокоссовский, в тяжелых боях бойцы чаще заменяли десятиэтажным матом. Что ж, так-то оно сподручнее. Вспомнил свои бои под Царицыном.

Кое-кто считает — служба Лаврентия все знает, — что после войны с идеализацией Ста-

лина-символа все переборщили, прежде всего Агитпроп. Бесчисленные памятники и бюсты, обязательные репродукции Йогансона со товарищи в каждом номере «Огонька», песни о Сталине, а главное — сталинская фильмотека. Так, кажется, это называется у киношников на их птичьем языке; и борьба с космополитизмом — дурно и топорно проведенная Агитпропом кампания — этот их язык не изменила!

Актер Геловани еще до войны «прописался» на роль Вождя в кино, но после «Клятвы» сорок шестого года его заменили Алексеем Диким. Только в «Падении Берлина» однократно вернули Геловани. Много чего говорят втихую о замене Геловани Диким, вроде как он разгневался на сказанное Геловани по пьянке: «Я, потомок княжеского рода, вынужден играть сына сапожника». Но все это чушь, и не было такого. Просто в послевоенное время он принял верное решение: в определенном смысле дистанцироваться от своего грузинского происхождения, а Геловани своей характерной внешностью и акцентом не вписывался в новую роль Вождя: грузина по происхождению, но русского по духу. Актер Дикий более вписывался в эту линию.

Так переборщили или нет? — Нет и еще раз нет. Необходимость в Сталине-символе как раз многократно возросла после завершения войны. Нечто схожее, хотя и в совершенно других акцентах, уже в России было: после Отечественной войны 1812-го года. Да-да, какой бы странной такая аналогия не показалась. И только в самых потаенных мыслях он ее допускал.

Даже по ущербному варианту истории Покровского, детища Пролеткульта и комиссии

Луначарского — Крупской... Вождь мысленно поморщился: история Покровского даже не то чтобы ущербная, но прямолинейно тенденциозна, однако именно такая и требовалась для малограмотной страны, особенно в 20—30-е годы. И по этому варианту истории, чрезмерно советизированной, нежелательными для Империи результатами войны восьмьсот двенадцатого года и похода русской армии через всю Европу в Париж явилось смятение в умах самых низов — крепостного крестьянства и самых верхов — аристократического офицерства, гвардейцев и привилегированных полков. Первые, участвовав в партизанской войне, решили, что наградой им должно стать освобождение от крепостной зависимости. А вторые, поверхностно насмотревшись на либерализм европейских стран, особенно Франции, и вовсе докатились до декабризма. Хотя и цветом военной аристократии являлись, но не додумались, — ни Пестель, ни Бестужев — самые умные, что на заговор, на Сенатскую площадь их, как слепых котят, вывела — через посредничество масонов — Англия, вековечный враг России... да и вообще всех европейских, континентальных государств.

И спасением для Российской империи тогда стало восшествие на престол Николая Первого*, заменившего переигравшего в европейский либерализм-вольтерианство Александра Павловича. «Властитель слабый и лукавый...// Над нами царствовал тогда...» Удивительно, но в двадца-

---

* Недавно нынешний ректор Литературного института им. А. М. Горького Б. Н. Тарасов издал книгу о Николае I, назвав его рыцарем самодержавия. — Прим. авт.

тые-тридцатые годы того века одновременно жили и поддерживали друг друга два умнейших человека первой половины XIX века: Николай Первый и Александр Сергеевич. В каком-то смысле и мне повезло, что в мире литературы есть Шолохов.

Так в чем же аналогия, хотя и условная, отдаленная? А в том, что, победив Германию с сателлитами и Японию, уже наш, советский народ в каком-то смысле, скорее интуитивно, стал ждать послаблений. Но само по себе никакое послабление во время восстановления разрушенной страны немислимо. Да и послабления эти мыслятся именно в сторону либерализации, то есть отхода от норм социально ориентированного хозяйства. Явно с подсказки в который раз возродившихся троцкистов: типа «советская власть без коммунистов», «распустить колхозы» и тому подобное. Слухачи Лаврентия хорошо работают.

Ну, народу, вдоволь умывшемуся кровью, это простительно. Не так уж и глуп русский народ, да и остальные нации страны, глядя на него. Сами поймут, да и Агитпроп не даром хлеб с маслом ест. Куда опаснее вторая аналогия, то есть, в среде высшего офицерства.

Слабость человеческая и им присуща, тем более, что все они в первом поколении из рабочих и крестьян, нет у них родовой, поколенной аристократической выдержки и самодисциплины. Кое-кто и возомнил себя бонапартами и бонапартиками. Да еще с подначки своих вечно жадных жен и любовниц-актерок настоящий грабеж в поверженной Германии устроили, вагонами и составами дуван вывозили!

Уже по углам шепчутся: дескать, потому он сослал Жукова в хилый Одесский военный округ, что боится славу за Победу с ним разделить. Каждый судит по себе, а мне с Жуковым делить нечего, у каждого своего хватает. А ведь он, возможно, спас маршала от искушения: советчики тому всегда нашлись бы. И уподобился бы Георгий-победоносец незадачливому заговорщику Тухачевскому, великому победителю тамбовских крестьян и кронштадтских матросов. А те и сами стали жертвами эсеровских происков. Понятны и их обиды: революцию-то, честно признаемся, они подготовили и сделали, а власть большевикам досталась... Эх, история, история! Никогда нельзя тебя написать по справедливости.

Вот в такой непростой ситуации да на фоне восстановления страны, да гигантских затрат на вооружение в условиях объявленной Западом холодной войны, никак нельзя было отказаться от идеализированного ореола Вождя. Трудно жила страна перед войной; в войну и говорить нечего, но в первые три-четыре года после ее окончания СССР уподобился тяжело больному, только-только вышедшему из кризиса. А для такого, едва выжившего, человека вся надежда и вся благодарность только на спасшего его врача. Именно он для него — земной бог, Вождь и все мыслимые высшие силы природы, мира. И ведь врач-спаситель, даже если он не один, а вместе с ним весь персонал лечебницы вытаскивал больного из небытия, никогда не скажет ему: «Дорогой товарищ, я спас тебя, ночей не спал, выживая тебя, приложил все свои силы ума и рук искусного хирурга, но теперь ты пошел на по-

правку, я тебе уже не нужен, поэтому я прощаюсь с тобой. Живи и здравствуй, меня лихом не поминай, если по необходимости делал тебе больно, выкорчевывая смертельную болезнь. До свидания, дорогой товарищ».

*Великий труд певца своей отчизны
Обязана награда увенчать:
Пустило слово корни новой жизни,
Приспело время жатву пожинать.*

...Нет, нельзя и сейчас, когда уже у нас есть атомная бомба, водородная на выходе, ракеты все дальше летят, восстановлены города и построены новые, карточки отменены, заводы и фабрики в три смены работают, социалистическая система стала мировой, все равно нельзя лишать народ ореола-символа. Это нечестно.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — БИОЛОГИЧЕСКИЙ АТАВИЗМ ЧЕЛОВЕКА

Вот в чем меня сейчас, при жизни, и в будущем никак уж нельзя упрекнуть, так это в заразе частнособственничества, то бишь жадности, накопительства, а по-русски — скопидомства. Хотя нет, эта журналистская западная, а может и своя, сволочь и их политические заказчики-хозяева наизнанку вывернутся, но что-нибудь да придумают. Ха, зальются в бумагомарательском восторге: знаем мы эту сталинскую потертую шинель и подшитые валенки, три пары нательного белья, рабочий френч и казенный парадный мундир, не более двух-трех раз в год надеваемый! Все это маскировка, по-

казуха для одурманенных масс в СССР и за рубежом. Дескать, можно укрываться царицынской шинелью, носить в Кремле по несколько лет одну пару сапог, а на ближней даче — самолично подшитые валенки, при этом имея в полной собственности 1/6 Земли, суши и в придачу Восточную Европу с половиной зарубежной Азии! Это как у русских самодержавных царей было.

Дурачье. Нет, не глупое, даже по-своему умное, иначе бы их не держали на приличном жаловании. А дурачье — если рассматривать с позиций истинного положения вещей, исторического предиката, как писал Фейербах. Попали пальцем в небо! Видишь ли, с царем сравнили. Как раз российские самодержавцы не абстрактно всей империей владели, а являлись крупнейшими частными собственниками в самом прямом смысле: от земель общей площадью с небольшое европейское государство до фабрик, дворцов и прочей недвижимости. Настолько большое личное хозяйство с многомиллионным оборотом, что для управления им существовало специальное министерство двора со своим министром типа графа Фридерикса при Николашке. Да цари этого и не скрывали. Как та же Екатерина Вторая, что подписалась под антипугачевским манифестом «казанской помещицей».

А вот он, товарищ Сталин, живет всю свою жизнь на зарплату: в юности разнорабочего в обсерватории; десяток с лишним лет революционного подполья жил на скромные деньги партии, а во время тюремных отсидок и ссылок на царевом содержании. В двадцатые годы — пайковый партмаксимум, не гуще зарплата была

и в тридцатых — жене с детьми в Крым послал сто рублей, извиняясь, что больше нет. Оклад генералиссимуса поболее, но почти весь он и гонорары за издание книг уходят в фонд Сталинских премий. Василию его генеральских хватает, а Светлану пусть ее сменяющиеся мужья опекают.

Нет у него ни счетов в банках, ни какого-либо собственного жилья. Кабинет в Кремле — казенный, дачи — казенные, а мебель в них вся с инвентаризационными бирками. Пять тысяч томов его библиотеки, все прочитанные или внимательно, выборочно просмотренные не раз, тоже с казенными штампами по-преимуществу. А все подарки — в специальном музее. И при этом никакого лицемерия.

Того не могут понять шелкоперы, западники и отечественные скопидомы, что не притворится он бессеребренником ради политических выгод. Да, он подлинный, рачительный хозяин огромной страны и еще трети мира, но лично ему ничего не нужно кроме минимально потребного обычному человеку.

А ведь он с Кавказа, хотя и православного, с ослабленным религией стремлением к кулацкому накопительству, но все же с Кавказа с его аульным, хуторским принципом жизни, сугубо индивидуалистической, что есть первооснова частнособственничества.

Конечно, значительную роль здесь сыграли несколько десятилетий неустроенного существования, но все же главное — он сумел подавить в себе этот биологический атавизм человечества, переключив его на исполнение роли хозяина великой страны. Да, он лишней копейке не даст

пропасть, тем более украсть, но все, суммирующееся в итоге в миллиарды твердых сталинских рублей, пойдет стране и ее народу. Это и есть феномен *государственного стяжательства*. Такими до революции были купцы-промышленники из старообрядцев. Заниматься чем-либо иным, исключая земледелие, властями и православной церковью им было запрещено до семнадцатого года. Они тоже выжимали каждую копейку, но полученные таким стяжательством миллионы возвращали народу. Отсюда и самые знаменитые меценаты царской России: Третьяковы создали галерею лучших картин; Савва Мамонтов, железнодорожный магнат, открыл в Москве свою оперу с главным дирижером Рахманиновым; правда, его в 1904 году разорили чиновники... Кто-то строил церкви и монастыри, а Морозов субсидировал грядущую революцию.

Откуда в его памяти засело это определение: частная собственность — биологический атавизм человека? И связанное с ним же словосочетание «мелкобуржуазная биомасса». Второе явно из какой-то книги, а вот про атавизм — скорее всего его формулировка. Но родилась она под влиянием бесед с умными людьми.

Вспомнился пятилетней давности разговор с академиком Орбели, который попросил принять его по вопросу открытия нового биологического исследовательского института. Он тогда несколько поколебался, но все же принял. Вопрос с институтом решился быстро, но так сразу распрощаться с именитым академиком, тем более земляком, показалось малоудобным. Зашел разговор на темы биологии, генетики, бесконечных

дискуссий в ВАСХНИЛ, смелых работ Трофима Денисовича Лысенко в селекции, спекулятивности вейсманизма-морганизма.

От научно-политических моментов Орбели умело уклонялся, постарался перевести на спорные теории биологической науки. «А знаете, — слегка улыбнулся академик, — только что отпустили в Германию военнопленного, бывшего младшего офицера вермахта Конрада Лоренца*». Он честно отработал три с половиной года на стройках в Армении. Я о нем слышал еще до войны — университетский профессор, признанный создатель биологической науки этологии. А в армию попал в наказание за то, что на одной из лекций неумышленно передразнил позу фюрера...».

Далее Орбели рассказал: «Этот Лоренц уже в советском плену написал трактат по этологии и с разрешения местных чекистов отпечатал его по-немецки в двух экземплярах — один им для передачи по ведомству куда следует, а второй переслал мне. В частности, учитывая что этология — это социобиологическая наука о поведении. Любопытно он изложил свою версию агрессивности, различие ее у животных и человека. Если у первых, тех же волков, медведей, агрессия взаимных, внутривидовых распрей длится определенное время, а затем автоматически глушится, чтобы вид сам себя не истребил, то у человека этого естественного останова нет. Поэтому люди и истребляют друг друга с первобытно-пещерных времен по сию пору. И чем

---

* Будущий лауреат Нобелевской премии за разработку основ этологии.

дальше, тем в больших масштабах. И Вторая мировая это еще не апофеоз! Увы, но это так.

А причина отсутствия у человека — и только у него одного из всего животного мира — естественного механизма самоограничения агрессивности состоит в том, что все животные последовательно прошли в своих предшественниках и в своем виде все этапы эволюции, а человек, наделенный разумом, опередил время эволюции, нарушил тем самым необходимую последовательность ее этапов. Итак, формирование механизма останова агрессии не успело за ускоренным и все ускоряющимся формированием хомо сапиенс».

...Тогда он особого внимания на эту любопытную теорию военнопленного немца не обратил, более обеспокоенный разговорчивостью академика, явно вознамерившегося рассказать Вождю о всех тайнах биологии. А Поскребышев по телефону уже мягко напомнил, что в приемной у него уже с полчаса томится группа авиаконструкторов и военлетовских генералов с главным маршалом авиации во главе. Потому он вежливо выпроводил академика и от высот эволюционных теорий перешел к практическим делам дальней бомбардировочной авиации — подготавливающей атомную бомбу.

А вот сейчас вспомнил ту давнюю беседу со знатоком биологии, теорию неостановимой агрессивности человека — и тотчас нашел решение давно уже мучившего вопроса о проклятом частнособственническом инстинкте, конца действенности которого и с вавилонской башни не видно. Да, причина та же, что и в случае агрессивности: человек в своем скором развитии обогнал естественную эволюцию.

Ведь любая философия — от субъективного идеализма до марксистского материализма — свидетельствует однозначно: частная собственность есть тормоз на пути высшего социального развития человечества. Но ведь она была. Есть и еще очень долго будет довлеть над человеком. Да, так бы оно и было, так бы инстинкт частнособственничества сошел бы на нет, пройди человек строго последовательно все этапы эволюции человека как животного. Но он опередил эволюцию, сломал эту последовательность, потому и сохранилось устремление к частной собственности — биологическому атавизму человека.

Ну, так что? — Он в этих терминах должен объясняться с Семеном Буденным, Климом, Маленковым, бесхитростными рабочими и крестьянами? И что они ответят ему на такую правду?

*«Пей, осуши, проклятый,
До дна эту чашу! До дна!
Чужая твоя нам песня,
И правда нам не нужна!»*

Да, голая правда никому не нужна: ни подпольным миллионерам, ни пролетариям с их единственным имуществом — цепями. Не говоря уже о крестьянах. Ни в ком из них этот атавизм-инстинкт не убит, а всего лишь заглушен тридцатью пятью годами советской жизни. Но ведь это ничтожно малый срок по сравнению с эволюционным временем!

И не дай, бог, если власть в стране возьмут хитростью или в результате планомерной подрывной работы западных спецслужб последыши троцкистов или просто агенты влияния Запада!

Мне до сих пор кажется, или это чистый мой вымысел, что одной из истинных причин введения Владимиром Ильичем *НЭП*'а, наряду с главной — экономической, было его желание узнать: а как скоро хотя и молодое, но уже бесклассовое советское государство вернется к частнособственничеству? — Вышло, что мгновенно: вечером лег спать смиренным совслужащим или кустарем-одиночкой, а проснулся поутру купцом-ухарем, матерым спекулянтом, владельцем лавки или свечного заводика. Спасибо Ильичу за раннюю науку.

Да что уж так далеко, к Ильичу, ходить. Свой опыт, перемешанный с кровью, налицо: один из неприятных итогов Великой Отечественной войны. Наряду с невиданным доселе в мировой истории массовым героизмом, бескорыстием и стойкостью явился и всплеск биологических атавизмов, прежде всего агрессивность и частнособственничество. Первое — это бандитизм во всех его вариантах, второе — безудержное накопительство, спекуляция, воровство, хищения, мародерство. Да что говорить о полупокупчихах, если наши маршалы, генералы и интендантские полковники активно «прочистили» капитулировавшую Германию. Пришлось и генералитет одернуть, вплоть до разжалований и отсидок, и денежную реформу провести.

...Несомненно, в будущем мне «зачтут» и якобы безвинно пострадавших героических генералов, и денежную реформу. При этом забудут, что у честного человека, а таких в стране подавляющее большинство, в реформу и копейки не пропало, зато в целом реформа привела в

порядок финансовую систему и пресекла безудержную спекуляцию. Но ведь вопрос-то шире стоит.

Как ни внимательно он читал Маркса с Энгельсом, Фейербаха, Гегеля, не говоря уже о Владимире Ильиче, Плеханове, даже князе Кропоткине, но ни у кого не находил что-либо конкретное о биологической первооснове частнособственности. Близок к этому был, естественно, Энгельс в своем «Происхождении...», но до теории Лоренца оставалось еще сто лет!

А получается, в общем-то, примитивная картина. Капиталистическая общественно-экономическая формация, особенно в протестантской Северной и Средней Европе, в США, британских доминионах, есть вершина, апофеоз частнособственности. Оно стало новой религией, пришедшей на смену христианству, пожалуй, единственной мировой религии, которая категорически отрицает накопительство, а значит, и саму частную, не личную, собственность: притча о верблюде и игольном ушке. Какой вывод из этого следует? Самоочевидно, что, во-первых, дальнейшее развитие капитализма-империализма упирается в тупик, ибо основываться на постулате биологического этапа эволюции — частнособственности в действенном ныне этапе социальном — значит отказаться от естественной логики, поставить все с ног на голову.

Во-вторых, неизбежный диалектически переход от капитализма к социализму, далее к коммунизму, к сожалению, не так скор, как представлялось классикам марксизма, как мы сейчас говорим советскому народу, людям всего мира. Это мои самые потаенные мысли, кото-

рые, как говорится, я и фуражке своей не доверю. На этом пути перехода еще много будет испытаний, временных отступлений, эйфорий как временно восторжествовавшего капитализма, так и тоже временного торжества общества социальной справедливости. Почему так затянется этот, объективно неизбежный, переход? — А потому, что движению истории потребно какое-то время, чтобы хотя бы ускоренно, но все же скомпенсировать обгон человеком биологического звена эволюции. Ведь то же самое из той же истории мы видим и при переходе от рабовладения к феодализму, и от феодализма к капитализму. И хотя история, что не подлежит сомнению, с движением времени ускоряется, но это не может быть отнесено к переходу от капитализма к социализму. Вполне возможно — это переход, с учетом масштаба ускорения исторического времени, займет большее время, чем при смене предыдущих общественно-экономических формаций. Причина же такого явления, нарушающего выверенную логику диалектики, объяснима только одним, но весьма существенным: если при всех предыдущих сменах формаций роль частной собственности только усиливалась, отнюдь не прерываясь, то при переходе к социализму эта собственность уничтожается: и как явление социального этапа эволюции, и как биологический атавизм.

Вроде как все сам себе объяснил, разложил по полочкам, но осталось два вопроса: почему достаточно прогрессивная капиталистическая формация избрала частную собственность основой своего существования и исторического развития и, собственно говоря, в чем и кому вред

от частнособственничества? Что же, и здесь все по полочкам укладывается.

Вред — всем и вся, даже самим частнособственникам, поскольку весь смысл их жизни упирается в накопительство любой ценой. В этом смысле американцы, по молодости своего государства и происхождения из неудачливых у себя дельцов Европы, по большинству из которых во времена переезда в Америку тюрьма плакала, придумали откровенный, нелицемерный термин *business*. Его у нас неверно переводят как *дело*, *предпринимательство*. Истинный же смысл этого слова-понятия, как Ильичу, ему, и, кажется, Зиновьеву, со смехом рассказывал в семнадцатом году Иудушка Троцкий: личная нажива любым способом, причем род конкретного занятия выбирается по принципу наиболее легкого и прибыльного накопления долларов и недвижимости.

Это вам не лицемерная старая Европа! Но все же главный, основополагающий, так сказать, вред частнособственничества — это явное, наглядное противоречие в социальной составляющей развития человека, всего человечества. Частная собственность порождает и полярно разделяет классы в обществе. А классово разделенное общество, государство, весь мир — не имеют будущего в смысле социальной гармонии, которая единственно и оправдывает цель эволюции человека. Враждебная классовость — это бесконечное топтание на одном месте. И изгживание этого места. «Шаг вперед — два шага назад», — как метко сказал Ильич. Хотя и по совершенно другому поводу. Словом, ситуация, какую он себе представил в юности:

*Когда несчастных тружеников доля
Тебя, певец, так тронула до слез,
Немало горя, мук, жестокой боли
Тебе с тех пор увидеть довелось.*

Это вред. А вот насчет первого вопроса? — Здесь Энгельс и Плеханов достаточно поразмышляли. Но и мы, сиволапые, не совсем лыком шиты, не только можем марксистские библии почитать, но и свою какую-никакую голову на плечах имеем. И не надо ничего усложнять, как это любят делать немецкие философы-политэкономы и наши ортодоксы от марксизма-ленинизма, те же Деборин и Презент. Хотя без этих болтунов в данное время нам не обойтись. Самые сложные вопросы имеют простые ответы. Равно как и самые основополагающие законы мироздания.

Все дело опять же в том, что с капитализмом завершается череда общественно-экономических формаций, начиная с поздней первобытной общины, где движущим элементом развития является классовость, внутри- и межгосударственная агрессивность и, разумеется, частнособственность. С переходом от одной формации к другой в этой череде внутренние противоречия в классовых обществах накапливаются, тем самым готовя качественный переход-скачок к социальной, бесклассовой формации. А перед любым качественным скачком, как это хорошо видно из самых обыденных вещей и событий, внутренние противоречия должны достигать максимума. Поэтому, какими бы прогрессивными качествами ни обладал капитализм в высшей стадии своего развития, ничего он изменить в своем базисе — частной собственности не может.

Именно поэтому мирное перерастание капитализма в социализм весьма и весьма проблематично. И не обязательно через революцию. Скорее всего уже лет через двадцать-тридцать и сами революции, так сказать «технически», в крупных, развитых капстранах станут невозможными по многим причинам: гибкая классовая нивелировка — подкуп части рабочего класса, сильная полиция, отсутствие условий конспирации и так далее. Неизбежный же качественный скачок произойдет другим путем. Каким? — Историю наперед не переглядишь.

Как это ни странно, но провозвестником отрицания частной собственности стал не СССР, а Иисус Христос и созданное им христианское учение. Но разве можно ему, Вождю передового человечества, хоть полслова даже умнейшим из соратников об этом сказать?

*Когда, своей отчизной вдохновленный,
К заветным струнам прикасался ты,
То с пылкостью, как юноша влюбленный,
Вверял ей сокровенные мечты.*

ГДЕ ВЗЯТЬ ПРЕЕМНИКА?

О-хо-хо, старость не радость. Все же эти простуды и ангины не только и не столько наследие Курейки, других ссылок и тюрем, лихолетья и неустроенности Гражданской... Нет, Сосепо, как тебя мама звала, вот и возраст начал сказываться. Чему тут удивляться, если к твоим семидесяти трем добавить с десятков лет, что добавила ему война — год за три! — вот он и возраст.

*То-то горе! А ведь было:
Был могучим хлебороб,
По полям гуляла сила,
Серп сверкал, валился сноп.*

Даже, если учитывая его кавказское происхождение и устоявшийся образ жизни, не столько его самого, а страны, ему и отпустится еще лет десять-пятнадцать жизни, то все одно после исполнения восьмого десятка надо отходить от управления страной. Слишком большое хозяйство, которое все более усложняется — влечение времени, прогресс в науке, в промышленности, во всем. И международная политика хитрит, нарочито запутывается империалистами. Еще на себя и страну взвалил соцлагерь на западе и востоке. И неизвестно с кем хлопот больше: «Запад есть запад, восток есть восток, и вместе им не быть», — как абсолютно правильно сказал Редьярд Киплинг, которого у нас припечатали как певца колониализма. Вот и бывшие колонии, та же нищая Индия, к нам потянулись: кто из корысти, кто по необходимости, очень мало по убежденности. Третий мир — еще она докука.

Да-да, на девятом десятке непременно либо на покой, если только свои же не ухлопают, или же уподобиться английской королеве. И должность-то подберут соответствующую: Почетный председатель СССР. Как Мао Цзедун, но только тот вовсе не почетный, а самый что ни на есть настоящий.

Но где взять преемника, которому без скорби душевной можно передать созданную тобой сверхдержаву с ядерным оружием, огром-

ной промышленностью, танковыми армадами и воссозданным флотом. Вспомнил как-то услышанное от адмирала Кузнецова, поморщился: с флотом-то еще строить и строить. Адмирал с характерной для него прямолинейностью не раз и не два доказывал необходимость резкого увеличения расходов на флот в этой и в грядущей пятилетках. И горькую присказку, бытующую во флотской среде, рубанул: дескать, четыре флота у нас, *СФ, ТФ, ЧФ* и *БФ*, но это не просто Северный, Тихоокеанский, Черноморский и Балтийский флота, а *Современный флот, Тоже флот, Чи флот, чи не флот* и, увы, *Бывший флот!*

Но как дорого стоят эти красивые линкоры, крейсера и эсминцы? Уже что говорить о подводном флоте, проектируемых в Ленинграде атомных подлодках... Деньги-деньги, ваша проклятая власть и при социализме долго еще будет довлеть.

Флот-то можно, хотя и с напрягом всей страны, сделать океанским, сравнять с натовским, а вот где взять преемника? А ведь искать его, готовить следует уже сейчас, не дожидаясь пока аукнется. Да-да, вот именно: как аукнется, так и откликнется. Как же трудно быть первопроходцем, создавать новую, ранее неизвестную в мире и в истории государственную систему! Во всем заботы и неординарные решения, не знакомые ни царям, ни западным президентам и премьер-министрам.

У царей династия, длящаяся сотни лет, а в восточных странах и того больше; как ему рассказывал ханойский посол: последняя вьетнамская династия императоров Ма Динь правила

восемьсот лет. А в династии будущего престолонаследника готовят по выверенной теми же веками программе с самого младенчества. Главное — кровь одна, воспитание одно, характеры и ум одни и те же у уходящего с престола и вновь его занимающего. Неразрывная цепь. Но уж если разорвется, то это дорого стране обходится, как у нас при смене Рюриков Романовыми: Семибоярщина, безумный Борис Годунов, Смутное время... Но это исключение, которое подтверждает правило.

Достаточно отлажена на современном Западе президентская система смены власти и премьер-министерская в номинальных монархиях. Здесь наследника власти готовит даже не партия, это для оболваненных масс народа, а правящая верхушка страны. Но все равно работает отлаженная система подбора преемника.

У нас же есть многомиллионная, действительно всенародная партия, без лицемерного «демократического» антуража, есть и — куда от этого деться? — правящая верхушка, но нет главного: системы подбора преемников. Нет, преемника, конечно. Ибо коллегиальная власть, управление страной не в традициях нашего народа, исторически привыкшего к «царю-батюшке». Даже если тот именуется генсеком, председателем Верховного совета. Традиция — тонкая вещь. Субстанция, как любил говорить Ильич. Ее декретом не отменишь, не переизменишь. Только навредишь. Традицию можно изменять постепенно, не дураломством.

Вот поэтому у нас в тридцатых годах сравнительно быстро получилось с коллективизацией... хотя и здесь много дров наломали ретивые,

но глуповатые исполнители. А-а-а, все одно на меня свалят. А получилось потому, что крестьянство вернулось к своей исконной, тысячелетней общине, от которой их не смог отлучить ни Столыпин-вешатель со своими хуторами и отрубам, ни ленинский декрет о земле — земля, значит, крестьянам.

А вывод из такого сравнения прост: надо так же умело использовать в новых условиях и традицию единоначальника, ответственного хозяина страны. Но... а вот здесь круг досадливо замыкается: нет опыта «престолонаследия» в советской стране; как и кому передавать нелегкую шапку Мономаха? И как застарелая ревматическая боль-докука: где взять преемника?

*Он, на палку опираясь,
Выйдет, внуками любим,
И, весельем загораясь,
Улыбнется молодым.*

Может, следуя библейскому наказу, а библия вобрала в себя весь предыдущий опыт человечества, отбирать такого, семижды семьдесят раз предков «на вшивость» проверив? Усмехнулся, вот она — практическая генетика: проверить в цепи предшествующих поколений: нет ли вырожденцев, кровосмесителей, шизофреников, маньяков, извращенцев? Все ведь это, вся эта зараза, раз попав в родовую последовательность, неизбежно передается по наследству, порой всплывая и через десять-двадцать поколений. Вспомнились читанные еще в молодости книги Ломброзо и Макса Нордау. И эти шумные, с громогласными оргвыводами скандальные сессии ВАСХНИЛ, совсем недавние. Он вни-

мательно читал книги-стенограммы этих сессий, на которых Трофим Лысенко яростно сражался с вейсманистами-морганистами. А чего сражался? — И так всем известно, что за народным академиком весомая прибавка урожая, грамотная селекционная работа — и все в масштабах страны. А за этими... морганистами только пустопорожние словоизлияния. Но и самого Трофима Денисовича его лжедрузья навроде академического членкора, обществоведа Презента изрядно подставили: гороховые законы, генетика — проститутка империализма! Нет, генетика вовсе не проститутка, и Мендель не шарлатан. Но не надо все так сугубо теоретизировать, впадая в средневековую схоластику. Правильность той или иной генетической теории рано или поздно будет доказана. Наука не останавливается в своем развитии. И будущее покажет — кто прав в вопросе о хранилище генетической информации в организме: сосредоточена ли она в каких-то отдельных «клубочках», как утверждают вейсманисты-морганисты, или каждая клетка растения, представителя фауны несет ее в себе, как утверждает Лысенко*?

Нет, все это смешно — по наследственности проверять. Только в простудном ночном возбуждении, когда мысли по всей голове в беспорядке, сталкиваясь, мечутся, такое может привидеться. Да это и, так сказать, технически невыполнимо. Во-первых, наши выдвиженцы не голубой крови, не дворяне с родословной, даль-

---

* Прав оказался Трофим Денисович Лысенко; всего через пять лет от описываемых размышлений Вождя Уотсон и Крик в 1958 году открыли структуру ДНК — носителя генетической информации. — Прим. авт.

ше деревенских деда-бабки не докопаешься. Тем более, троцкисты в двадцатых и неразумные комсомолы в тридцатых церкви все разорили, крестильные книги на самокрутки пустили. Во-вторых, мигом тебя с Гитлером уравниют: дескать, товарищ Сталин то ли в старческий маразм впал, а может, и вовсе перенял арийско-расистскую методу бесноватого фюрера... хотя не сомневаюсь: меня и так со временем с Адольфом в правах «уравниют».

И как это себе можно представить? — Дается поручение Лубянке, а тамошние работники пятого управления, соскучившись за последние спокойные годы по боевым делам, такое сотворят, что и Ежову в его запойных снах не привиделось бы. Заодно и внеплановую чистку устроят. Лет пять потом расхлебывать придется.

А если серьезно, то жалко терять преданных и умных людей, сделай он хоть самый прозрачный намек, даже не словами, а действиями: мигом кому надо уберут с этого света. Примеров уже предостаточно. Мироныча самым грубым, примитивным образом убили, как только он после Зиновьева стал решительно наводить порядок в Ленинграде. Погубил я и славного Чкалова, когда решил сделать его наркомвнудел. Вот и Андрей Александрович — и опять Ленинград! — в пятьдесят с небольшим как-то странно ушел из жизни. А ведь товарищ Жданов умнейшим был человеком, даром что в роду его учителя сплошь, а отец и вовсе в Мариуполе состоял инспектором народных училищ. И здесь он намек дал, расширив его зону ответственности в ЦК в конце войны, после чего и четырех лет не прошло...

И так долго можно вспоминать-перечислять этот скорбный мартиролог: кого замаскировавшиеся троцкисты убили, а других встревожившиеся потерей теплых мест карьеристы оболгали, подставили, рассорили с ним.

Странное порой — а чем дальше, чем чаще — возникает ощущение: он полноправный хозяин страны, а в определенном смысле и трети всего мира. Его слово — закон, благо слово это выверено и произнесено после всестороннего обсуждения с руководством партии и страны. И в войну отнюдь не только на плакатах «За Родину, за Сталина» значилось. И Лубянка не даром свое повышенное жалованье получает. Народ на него молится почище чем на сохранившиеся и им восстановленные церкви. Кстати, этим же народом ранее разрушенные. Но в то же время это странное ощущение контроля над ним. Как акулу рыбы-прилипалы ведут, не давая отклоняться. Кто они эти контролеры, что не дают подготовить к преемству власти надежного и умного человека? — Избалованная старая гвардия, троцкисты, масоны, сионисты, сверхагенты империалистических разведок?

И так его отслеживают с двадцатых годов, когда он сумел-таки оттеснить Иудушку от власти. Именно тогда он забеспокоился, даже осторожно поинтересовался у академика Бехтерева, которого вызвал проконсультироваться по поводу сохнувшей руки, конечно, косвенно, о навязчивых мыслях. Относительно руки тот его почти успокоил: следствие застарелого артрита. Излечить полностью нельзя, но периодически проходить процедуры, например, во время отдыха на юге, желательно. «То есть совсем не

отсохнет, Владимир Михайлович, да?» — Академик улыбнулся: «Не отсохнет, товарищ Сталин. А навязчивые мысли... как вам сказать? Это и чисто поведенческим быть может, в той или иной степени свойственным в определенных жизненных ситуациях почти всем людям. А если патология, то это видно по клиническим проявлениям еще с отроческих лет, с переломного возраста. Этого ни от кого не скроешь; такой несчастный человек стопроцентно исключается из обычной, нормальной социальной жизни».

Да, долго он потом себя за глупую неосторожность корил. Со временем понял, что это никакая не навязчивость, но расплата любого, взявшего в свои руки большую власть. Расплата постоянным ожиданием удара, но неясно с какой стороны. Со временем же и приучил себя к холодному, безэмоциональному ожиданию таких ударов. А с Бехтеревым вышло неприятно. То ли он кому без задней мысли в голове рассказал об энциклопедических интересах товарища Сталина, а ведь академик очень уважительно к нему относился и вообще, в отличие, например, от Павлова, горячо принял советскую власть. А скорее всего его странная смерть под новый двадцать восьмой год. Совсем немного времени прошло после той консультации с рукой. По его негласному распоряжению расследование провели квалифицированно: смерть от острого отравления, причем ядом, намеренно заложенным в банку с консервами из академического пайка. И еще известно ему стало, что Бехтерев, увлеченный своей работой, зачастую питался сухояткой, побыстрее, часто обходился на ужин хлебом и консервами. Кто же яд подложил — не

сумели выяснить: *ОГПУ-НКВД* еще только опыта в тонких делах набирался.

А в западной прессе — с Лубянки переводы доставляли — уже поползли паскудные слухи: академик обследовал Сталина и поставил диагноз паранойи.

*Но вместо слов благодарных,
Какие певцу говорят,
В чашу с вином изгою
Собратья подсыпали яд.*

— Это уже о Бехтереве. Только после войны, когда нам досталось кой какие из секретных гитлеровских архивов, Берия по своей инициативе приказал подготовить справку о загадочной смерти академика. Тот сам себя в капкан загнал, приняв от немцев дар троянского коня — самую совершенную по тем временам аппаратуру для исследований психики человека, заключил с ними хорошо оплаченный договор на исследования по направленному психическому воздействию на большие массы... Истинно великие ученые в жизни как дети! Итоги работ Бехтерева достались ведомству Геббельса, а самого академика отравили — и концы в воду.

...Одно время часто посещали мысли: не выбрать ли преемника из военной кочечки, из прославленных маршалов войны? Те же Жуков, Рокоссовский, Василевский, Конев. Да нет, Жуков с Коневым слишком прямолинейны, долго не усидят: подставят те же Маленков с Хрущевым, а старая гвардия дружно проголосует за победителя. За лишнюю медальку и госдачу в два этажа. Ну, им простительно, они уже на покое; вот привязалось: «Пора на пенсию — в сенат».

Отсортировал и Василевского; хороший человек, знающий, но он классическое «второе лицо», хотя умело сам командовал и 3-м Белорусским фронтом и главкомом громил Квантунскую армию. Дольше всего он почти что усилием воли склонял себя к выбору Константина Константиновича. Вон как умело сейчас он вечно раздранную Польшу в руках держит — и как министр обороны, и как зампреда Совета министров. Но душа Рокоссовского — это обсуждению не подлежит — не в Польше, а на настоящей родине этого чистокровного поляка, в СССР.

Так-то оно так, но как раз польское происхождение и погубит его в нашей русско-хохлацкой «вышке». Усмехнулся тогда: сам себя за нос водишь, товарищ Сталин. При чем тут польская национальность? — Просто подсознательно, а значит верно, понимает: нельзя во главе сверхдержавы ставить профессионального военного. А тут и давнее высказывание Эйзенхауэра услужливо в голове вертится. Хотя и сам боевой генерал, этот мистер Дуайт как-то в порыве откровенности выразился в том смысле, что генералам нельзя доверять не только управление государством, но и полностью отдавать им на откуп ведение войны. Хорошо, правильно сказал и своей политической деятельностью сам себе подтвердил. Не очень удачной, если хуже не сказать.

Да это секрет полишинеля; он это и без Эйзенхауэра сам прекрасно знает. Чудно все же человек устроен! Сам знает, что нельзя даже Рокоссовского на свое место ставить, а вот поди-ка — для убедительности нужно на сомни-

тельный авторитет американского генерала со-
слаться!

Где Киров? Где Жданов? И Фрунзе, даже
если он тоже в душе и по характеру военный?
А потом что это ты, Иосиф, все о себе да о
преемниках. Забыл — кто тебя Вождем сде-
лал? Народ тебя выбрал из многих, поверил
тебе, доверил себя тебе. Ты о народе-то двух-
сотмиллионном подумал? Ты, товарищ Сталин,
не со Спасской башни, не с колокольни Ивана
Великого посмотри на своего возможного пре-
емника, а переоденься, загримируйся, смешайся
с народом, походи среди него.

*Ходил он от дома к дому,
Стоял у чужих дверей
Со старым пандури из дуба
И с песней нехитрой своей.*

И слушай, слушай, слушай — что говорят
люди: рабочие и колхозники, пехотные лейте-
нанты и капитаны, ученые-атомщики и инжене-
ры, миллионы вдов Великой войны, столько ее
же инвалидов и раненых. Пройдя же всего две-
три деревни и небольшой районный городок, все
и поймешь. Разве народ наш при всей его дис-
циплинированности душой, не внешне, конечно,
воспримет на его месте бабаподобного лиса Ма-
ленкова, пьющего Булганина, совсем распоясав-
шегося от привалившей безнаказанности шута
горохового Хрущева? Улыбнутся, досадливо
махнув рукой, дескать, пропала страна, узнав о
верховенстве лихого рубаки Ворошилова. Моло-
тов, Каганович, Микоян... — это совсем не
серьезно, даже не смешно.

Куда ни кинь — всюду клин, — то есть,

остается только Лаврентий. Но разве он заслужил, чтобы товарищ Сталин отдал его осознанно на заклятие? Хотя, может, и вывернется на первых, самых опасных шагах. Если, конечно, поведет себя правильно и осторожно. Возможно, и народ его воспримет. Все же чужая душа потемки, а душа Лаврентия очень сложная, многосоставная. Опять же мингрелец после грузина. — Не будет ли это перебором?

...Самое обидное, что когда меня не будет, и здесь чертей навесят: сам, мол, ревниво отыскивал возможных преемников и отодвигал их подальше. Собирался, значит, вечно жить и царствовать. Ну, господь и их простит, раз по-другому не могут.

Но где же взять преемника? — Вопрос открытый, скорее всего нерешаемый.

ВСЕ ЖЕ СТАРИНА МАРКС БЫЛ ПРАВ... ПОТОРОПИЛИСЬ

Одно хоть как-то утешает: не хвастаюсь, но такой разбег стране дал, такую мощную экономическую, политическую, нравственную базу мы с нашим народом создали за тридцать лет, что если после меня высшим руководителем окажется не полный идиот или прямой враг, замаскированный троцкист, то такого наследства хватит для поддержания статуса страны в мире и улучшения жизни народа лет на сорок-пятьдесят. Вот она — спасительная мысль: за эти годы, а это большой в современной истории срок, ну... один, два, даже три неудачных воспреемника окажутся в Кремле, но здравый-то смысл должен же возобладать в верхушке гос-

руководства и партии? Да-а, товарищ Сталин, настоящим ты русским мужиком стал, раз на авось надеешься. Хм-м, а что остается? Да потом и авось — это не «орел-решка» при подбрасывании монетки, а вполне наукой одобряемый подход: саморегуляция сложного механизма, как пояснял по какому-то важному поводу ему, Лаврентию, адмиралу Кузнецову и Василевскому ракетчик Королев. Хорошо им, академикам, все умеют объяснить, растолковать, обосновать. Заодно и самих себя успокоить и настроить на получение Золотой звезды на грудь!

Хм-м, мы тоже не лыком шиты, сами на кителе имеем звезду с серпом и молотом. Единственную ее и носим. Потому что за личный труд дана. А вторую, что за войну, пусть себе Георгадзе в ящике стола держит: не взял а брать не буду, ибо войну не я выиграл, а двести миллионов ее сломали; хорошее слово — сломали, мудрое, как все от народа идущее.

Маркс вот академиком не состоял, не положено было у немцев и тогда сына раввина в академики или действительные тайные советники производить, тем более крестами с бриллиантами награждать...

Вот вспомнил о Марксе — и еще одна проблема, не хуже постоянных досадливых мыслей о преемнике. Да, совсем я русским стал — у русских чем человек старше годами, тем разумнее становится. Это не национализм, просто русские — державный народ, с глубокой историей. И у других державных народов к старости умнеют. Не в том смысле, что память лучше становится, нет, естественным образом, наоборот, слабеет, приходится и слова все чаще с

усилием вспоминать. Но умнеют, мудреют в смысле более глубокого понимания, осознания неких фундаментальных истин, которые в более молодом возрасте таковыми им же не казались.

Сколько копий было сломано им с сотоварищи в дореволюционные годы на тайных сходках, в тепло натопленной избе в Курейке и других ссылках, на малочисленных тогда съездах РСДРП, а после революции и перипетий Гражданской на уже тысячных съездах партии, на пленумах и всевозможных бюро-заседаниях в части утверждения Маркса об успешности перехода к социализму *только* в результате мировой революции. Причем Маркс не обязательно — это в поздних его работах — имел в виду вооруженную революцию, восстание.

Его уже тогда брало сомнение, что социализм может победить в отдельно взятой стране или группе стран, на чем уперто во всех дискуссиях стоял Троцкий. Кажется, и Ильич сомневался, это из его дореволюционных книг и статей в «Искре» четко прослеживается, но успех почти бескровного Октября и недюжинные способности Троцкого убеждать — Геббельс бы позавидовал — склонили Ильича к «отдельно взятой стране». Даже не принял во внимание, что тот же Иудушка до начала двадцатых годов, до позорного поражения РСФСР под Варшавой и еще более позорного Рижского мира, а перед этим неудач в Венгрии, Германии, Эстонии и Персии, являлся не менее убедительным, прямо-таки яростным сторонником Маркса, мировой революции: «На погибель всем буржуям мировой пожар раздуем!»

Вне всякого сомнения, умом ихний бог

Троцкого не обделил. В отличие от его соплеменников Зиновьева и Каменева, его марионеток. Скорее всего он в период убежденности в правоте Маркса не просто на авторитет молился, но осознал правоту основоположника научного социализма — если только, конечно, не выполнял «заказ» масонов, сионистов и вообще неведомых нам доселе тайных сил.

А вот с легкостью необыкновенной в другую крайность перескочил — так это уже точно заказ, за исполнение которого ему была обещана вотчина размером в 1/6 земной суши. С прилегающими к ней морями и половиной Северного Ледовитого океана.

Что он, тогда не имеющий никакой власти нарком национальностей и секретарь партии — тогда действительно едва не технический секретарь, — мог противопоставить риторике Иудушки и уже сложившемуся убеждению Ильича? Да и что он мог сказать? — Дескать, товарищи, Маркс-то прав, социализм может устойчиво победить только при условии его всемирности. А мы, мол, коммунисты-большевики, власть в огромной стране взяли, белую контру и Антанту в деревянные бушлаты поодевали, но вот незадача — не смогли устроить мировую революцию. Поэтому, товарищи, давайте на неопределенное время отложим наш социализм, вернемся к капитализму и будем ждать — согласно руководящим указаниям геноссе Карла Маркса — настоящей мировой революции.

...Даже Ильич бы не возражал против помещения товарища Сталина в Кащенко — до свершения мировой революции.

Но время дебатов и политических баталий

закончилось, началось время действий: пятилетки, индустриализация, коллективизация, укрепление военной мощи, война, восстановление, строительство океанского флота, создание ядерного оружия, семимильное развитие науки и образования. И отступили прежние сомнения: мол, Маркс прав в общем, умозрительно, а Ильич оказался первопроходцем и на практике показал, что частное не отменяет общее, что оказалось возможным построить социализм в отдельно взятой стране, к которой сейчас еще целый ряд стран присоединился. А со временем и пойдет, и поедет, и весь мир — уже по Марксу — станет единым царством социальной справедливости.

А вот недавно снова все повернулось вспять в его размышлениях. Откуда в нем это упорное сомнение в очевидном, вера в правоту сугубого теоретика Маркса? Здесь даже не конспирология тайных сил, управляющих ходом мировой истории, начиная с Великой Французской революции, роль свою играет. Нет, это стариковская мудрость к нему пришла, по-русски мыслить начал. И еще два существенных момента. Может, даже и определяющих в этом сложном вопросе. Один из них — влияние среды начала жизни: детство, отрочество, юность. Хм-м, прямо как у Льва Толстого получается. А второй — это и есть наступившая политическая, житейская и любая какая угодно мудрость.

Родился-то и вырос не в традиционной русской общинности, а на Кавказе, где господствует аульный принцип — историческое наследство от специфики этих мест, где людей тысячи лет разъединяли горы. И в крови, в этих дискуссионных генах — все это в юном Сосепо Джуга-

швили имелось. Этой кровью и генами он всецело осознавал аульный принцип: каждый род, семья только для себя, каждый человек имеет только свое мнение. И гордится этим — отсюда и вошедшее в обиход: гордый кавказец! Словом, личностный или семейно-родовой индивидуализм.

Когда он еще в семинарии впервые прочитал Марксов «Манифест» и несколько других его работ, то бы потрясен гениальностью отца социализма — особенно в отношении утверждения о мировой революции, как единственном пути в социализм — для всей планеты. И по юношеской непосредственности, юношеским, не натренированным еще в тонкостях анализа, разумом спроецировал утверждение Маркса на окружающий его мир, очерченный горами и долинами Кавказа. Попробуй один аул провозгласить у себя социализм — и что будет? — Соседние села тотчас объединятся, хотя бы на время, и сотрут с лица земли изгоя. А в рамках племени, национальности? — Ту же взбунтовавшуюся Мингрелию или горных сванов тотчас вернут к «правильной» жизни соседи: грузины, абхазы, аджарцы. И ставшую в одночасье коммунистической Табасарань в Дагестане все ее двенадцать языков во главе с аварцами и даргинцами голодом заморят, огородив карантином...

И на том же Кавказе советскую власть удалось установить для всех вместе только внешней, русской силой: в Закавказье создав несколько формальную ЗСФСР* «под сенью

---

* Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика — так именовалось объединение Грузии, Армении и Азербайджана до образования СССР.— Прим. авт.

дружеских штыков», а на северной стороне от Кавказского хребта разместив 11-ю Красную Армию.

А вот что касается стариковской мудрости, то именно она позволяет ему несколько по-другому, в корень, смотреть на ранее бывшие события и судьбоносные решения молодой советской власти.

...Кащенко Петр Петрович не Кащенко, но *НЭП* Ильич, все же, вводил, убивая далеко не одного зайца, не только из экономических соображений, но и чтобы сбить невероятный темп перехода от капитализма к социализму. Как у него сейчас на второе «полное собрание сочинений» потаенных мыслей набирается, так и у Ленина их было явно предостаточно. В том числе и о задачах *НЭП*а — гениальном ходе Вождя революции, по своей значимости для будущего построения социализма в стране равновесным самой революции, выигранной Гражданской войне и образованию *СССР*.

Понятно, что Ильич даже полнамека ни ему, ни особо доверенным из старой гвардии не сделал относительно тайных задач новой экономической политики, но сейчас, по прошествии трети века, это явно видится: Ленин намеренно затормозил наш стремительный разбег в сторону социализма, на время вернул стране хотя и жестко контролируемого государством, но главного врага советской власти, власти социального равенства — частную собственность на средства производства и торговлю. Экономика экономикой, но подспудный смысл этого шага никто не понял: даже умный Троцкий. Что уж тут говорить о рядовых партийцах? — Кое-кто из них

действительно от отчаяния застрелился, запил, разочаровался во всем и вся.

Зато были выпущены пары, излишне скопившиеся в мчавшемся с двойной скоростью курьерского паровоза, у которого намечена только одна остановка — в коммуне, в коммунизме.

Но откуда такой пессимизм, товарищ Сталин? — А это не пессимизм, это признание гениальной правоты Маркса. Ведь ход истории только в школьных учебниках, составленных по кастрированной пролеткультовцем Покровским отечественной истории, ясен и прямолинеен в своей последовательности. Так по ней получается, что первые стихийные большевики уже выпускали подпольную «Искру» при Владимире Красное Солнышко, а Болотников (кстати, польский холоуй), Стенька Разин и Пугачев примеряли кожаные тужурки «комиссаров в пыльных шлемах».

Да и пролеткультовец Покровский имел достойных предшественников в своей ученой специальности. Прежде всего Карамзина, который по негласному заказу обслуживаемых им царей так переписал историю Российского государства, что получалось: семьсот с гаком лет князья и цари из Рюриковичей своими *приборами* груши отрясали, воду мутили и брели без цели, мечтая о том сладостном времени, когда бразды правления возьмут в свои шлезвиг-голштинские руки цари и императоры Романовы и приведут все дела в идеальный порядок.

Но Карамзин и Покровский — работники по найму, препарировали историю под заказ: первый — императора Александра Павловича, а второй — комиссии Луначарского — Круп-

ской. Но в том-то вся беда, что и относительно независимые Татищев, Соловьев, Костомаров не избежали все той же прямолинейности и последовательности в цепи событий истории. Да и западники, те же Мишле, Томас Карлейль, французские энциклопедисты все туда же смотрели. А история, расширенно понимаемая, петляет во времени почище самого хитроумного зверя или его жертвы, запутывающих по снегу свои следы...

Несомненно, гениальный Маркс это хорошо понимал. И, делая умозаключение-вывод из своей теории перехода к бесклассовому обществу *только* всеми странами вместе, он, конечно, имел в виду непрямолинейность этого перехода. Будут страны-провозвестницы, как наш СССР ... усмехнулся: и примкнувшая к нему на первых порах Монголия, а в сорок третьем году горная Тува — Лаврентий с Курчатовым настояли: там залежи урановой руды под будущую атомную бомбу.

Будет ситуация равенства сил между капитализмом и социализмом, но будет и временное поражение социальной идеи. Увы, возможно, и нашу страну это не минует. Надо холодно ожидать любой удар. Ко всему надо быть готовым. Активно защищать себя, но и не роптать на очень крутые извивы истории.

А что ход истории в направлении всемирного социализма будет он каким извилистым, запетлеванным, хорошо видно из мировой, преимущественно европейской, истории 20—40-х годов этого бурного века, а именно: выбор историей наиболее жизнестойкой модели социализма.

Ведь вовсе не случайно в первой четверти этого века в потрясенной мировой войной Европе сформировались и государственно оформились три варианта перехода к социализму. Конечно, первым и наиболее впечатляющим стал наш интернациональный социализм с четко поставленной целью: построение коммунизма. Не менее мощным, по темпам построения таким же стремительным, как и у нас, явился германский нацизм, то есть национальный социализм*, социализм для одной нации, объявленной избранной. Хм-м, поэтому — хотя это, конечно, не главное — быть может новая избранная нация так жестко и жестоко повела себя в отношении другой, богоизбранной по Ветхому Завету нации. Наконец, это и третий вариант социализма, не сугубо национальный, но и не интернациональный: итальянский фашизм — с целью создания социально ориентированного государства.

Конечно, разъяснять нашему народу раньше и сейчас различие между итальянским фашизмом и гитлеровским нацизмом — значило бы только запутать его и ослабить действенность нашей пропаганды. Поэтому с легкой руки не очень грамотных газетчиков тридцатых годов (а сейчас они разве грамотные?) и произошло смешение понятий: немецкий нацизм перекрасили в фашизм, который, правильно говоря, по политическим устремлениям расходился с нацизмом. И исторические «маскхалаты» у них слишком разнятся: у Гитлера с его партайгенос-

---

* Напомним наименование нацистской партии: Die National-Sozialistische Arbeiter Partei Deutschland — Национал-социалистическая рабочая партия Германии.— Прим. авт.

сами — возрождение рунического варварства германских племен, объединенных Германом Херуском; у Муссолини — римская тога.

...Да вдобавок в Восточной Европе у сателлитов Третьего рейха просматривались свои социальные течения: в Венгрии, в Австрии до аншлюсса... в Румынии сильно шумел капитан Кодряну... как его? Да ладно, не тот фрукт, чтобы вспоминать. Наши евразийцы из парижских и пражских эмигрантов что-то там горячились. Георг Лукач, раскольник западных компартий — видите ли, ему не нравилась и сейчас не нравится наша якобы большевизация этих партий!

История — она, конечно, проститутка, но в смысле препарирования и переписывания уже прошедшего, но в текущий, зримый момент она есть движитель общественно-экономического и политического бытия. И не хуже самого деятельного ученого профессора и академика сначала все на многих лабораторных опытах проверит, а затем нужное ей выберет. Так и здесь получилось все как по писаному, но, увы — писаному по всей земле Европы людской кровью... И моменты щекотливые случались: той и другой стороне как-то приходилось разяснять солдатам, почему во встречном бою сталкиваются бойцы с красными флагами; только у нас с серпом-молотом, у гитлеровцев со свастикой, памятной нашим еще по кредиткам-керенкам. И у нас для политруков соответствующая инструкция была Главпуrom составлена, а их «политфюреры» все больше напирала на жидов-коммунистов, маскирующихся под «священным красным знаменем социализма».

Большой кровью, столкнув руками англо-американских империалистов СССР и Германию с ее сателлитами, история выбрала нас, наш интернациональный социализм как наиболее жизнестойкий, наиболее социально направленный. Но одновременно и предупредила: мировой капитализм еще ох как силен, лицемерен и двурушен. Спиной к нему никак нам поворачиваться нельзя — сразу нож под лопатку всадит!

Но великий эксперимент, лабораторный опыт большой истории продолжается; правда, в условиях нашей круговой обороны. Сколько мы продержимся? — Уже называл себе эту цифру: лет сорок-пятьдесят. Силой нас не возьмут, так хитростью. А они великие мастера на пакостливые хитрости: многовековая школа Макиавелли, Меттерниха, Пальмерстона, Биконфильда да Чемберлена с союзничком, мать его..., Черчиллем.

Не хочу думать о плохом, но ведь чую, чую, как многоопытный старый барс, что прав Маркс... поторопились. С другой стороны, кто-то ведь должен был обозначить: время капитала, время людоедского частнособственничества близко к закату. История нас выбрала той жертвенной дивизией, что должна первой пойти в атаку на смертельного врага человечества, прорвать передовую линию его обороны, закрепиться — и пасть смертью храбрых, не дождавшись подмоги. Но ведь оборона-то прорвана, вражеские доты и дзоты взорваны, ближний тыл врага хорошо пристрелян, фланги справа и слева обеспечены. И когда в штабах выработают диспозицию, и уже не жертвенная дивизия, а фронт в составе не одной армии перейдет в генеральное

наступление, то врагу крышка! А главный удар пройдет как раз через тот самый плацдарм с разрушенной оборонительной линией, где раньше выдвинулась жертвенная дивизия.

*Ты знаешь твердо: трудник или воин,
Кто в прах повержен был и угнетен,
Еще Мтацминды будет удостоен,
И пусть надеждой будет окрылен!*

И тебе, Сосепо, рано еще мечтать о своей Мтацминде, хотя вроде и заслужил ее; заканчивай свои февральские болячки и в составе той жертвенной дивизии расстреляй по целям весь свой боезапас.

...Нет, точно, расскажи я это своим соратникам, так и до Кащенко дело не дойдет: верный соратник Семен Буденный мигом сбегает до дома, благо недалеко от Кремля квартирует, сорвет со стены свою шашку с георгиевским темляком, вернется и снесет мне голову. И правильно, между прочим, сделает: не сей панику прежде времени, не смущай народ, не нарушай приказ № 227 «Ни шагу назад!».

Главное — опыт нашей страны ни в коем случае даром не пропадет. Без опыта построения и побед СССР вся мировая история бы остановилась и выхолостилась.

ГРУЩУ О БУДУЩЕМ

...Но и без опыта СССР капитализм все одно себя исчерпает. Исчерпал бы. Когда прочитал еще перед войной «Закат Европы» Оствальда Шпенглера, написанную с чисто немецкой обстоятельностью, с выкладками, с подроб-

ными таблицами^{*}, взял в руки карандаш и прикинул: да, капитализм в мире вряд ли перевалит за двадцать первый век, в крайнем случае за середину двадцать второго. Но — твердо, теперь уже архитвердо уверен, что кончина частнособственнической формации и переход к окончательному социально ориентированному строю произойдет во всем мире, по Марксу. — Не по Ленину, Троцкому во второй его ипостаси... и не по вашему покорному слуге. Увы и к сожалению. Но не потому я сожалею, что не по-моему получится, манией величия не страдаю, а потому только, что даже вину какую-то, что ли, испытываю: слишком много стране предстоит испытаний. Стране, которая не без моего участия и усилий втянулась в великий опыт истории. Грущу о будущем.

Нет, СССР не останется в эти 150—200 лет островом социализма, дожидаясь конца капитализма-империализма. Не позволят силы мирового зла, сомнут. Здесь во мне не идеалист, но многоопытный практик говорит. Да и мировую историю хорошо знаю, поэтому и примеривал ее на нашу страну. Почему это Ильич решил и меня убедил: мы несколько поправим старину Маркса и построим навечно социализм в отдельно взятой стране. А к нам постепенно примкнут и все остальные. Так сказать, от Северного до Южного полюса...

Убежденность — качество полезное для

---

^{*} В отличие от того давнего, первого издания знаменитой книги на русском языке, современные, коммерческие издания выходят без таблиц — иначе сверхприбыли не получается... — Прим. авт.

политика и революционера, но история не меняет законов своего движения, тем более при переходе от одной формации к другой. Это диалектика Гегеля Георга Вильгельма Фридриха, а диалектика не досужее изобретение умного немца, но выверенное учение, которое даже злейшие и умнейшие враги диалектического материализма даже не пытаются опровергнуть.

А раз история не меняет своих законов, то почему переход к новому социальному строю должен по своей запутанности отличаться от предыдущих смен формаций? Далеко ходить не будем, все одно и то же, возьмем переход от феодализма к капитализму. Да, Англия и Голландия тогда являлись провозвестниками. Но Голландия не в счет; во-первых, только-только от Испании отложилась, во-вторых, мелкая слишком страна. И даже Англия, будущая «мастерская мира», тоже не в счет: отъединена морем от Европы и как-то там умело смогли сочетать, кстати до наших дней, черты феодализма и товарного капитализма.

Все кардинально решалось именно в материковой Европе. И провозвестником здесь была Франция. Это только в школьных учебниках истоки капитализма относят к Голландии и Англии. В отношении форм собственности на средства производства, вывоза капитала позднее и прочей экономики-финансов такое первенство допустимо. Но ведь переход к новой общественно-экономической формации всегда ставит ударение (хм-м, хотел сказать по-ленински «акцент», но вспомнил о борьбе с космополитизмом) именно на первом слове. Так вот, роль общественного, то есть социального, идеологи-

ческого и политического в своей совокупности, движителя новой, капиталистической формации сыграла как раз Франция. Даже из того видно, что второе название формации происходит от французского «буржуа» — ведь не от однокоренного немецкого «бюргера», не от каких-либо английских и голландских самоназваний частных собственников, верно?

Вот Франция... Начали с разрушения Бастилии, казни короля и лозунгов о свободе-равенстве-братстве, а завершили созданием нынешнего классического государства буржуа и рантье. А в первые полвека от своей, действительно Великой, революции не мытьем, так катаньем, более всего через революционные и наполеоновские войны, нескончаемыми парижскими баррикадными боями обуржуазили-таки всю континентальную Европу. В конце концов царскими займами и Российской империю туда же втянули. Попутно через Парижскую коммуну провозгласили и скорую кончину капитализма.

Вот Франция — истинный создатель мирового капитализма. Вот вам и соотношение базиса и надстройки. У Ильича, да и у Маркса, все это слишком просто представлено было. И у меня в «Кратком курсе»; не упрощал я, работая над катехизисом социализма, ибо сам был того же убеждения. Но простота хуже воровства. Нет, не так все просто. Но это вновь из области потаенных размышлений. Еще рано, еще не время этот вопрос обнародовать — хотя бы в среде академиков-обществоведов. Не дай, бог, с тем же Презентом, что около Трофима Лысенки вьюном вьется, на эту тему разговоры разговаривать.

Опять же, возвращаясь к исходному: а разве движитель буржуазного строя Франция так прямо взяла и от феодализма шагнула в капитализм, попутно отправив на гильотину миллион ихних контриков? — Как бы не так: от революционного Конвента к Первой империи Наполеона, потом к реставрированной монархии Луи-Филиппа — с коротким перерывом на «сто дней», затем ко Второй империи Наполеона Третьего... Парижская коммуна, президентская буржуазная республика. Все через революции, через баррикады, казни. И маятник грядущего капитализма туда-сюда полвека качался. Заодно всю Европу раскачивал. Так раскачал, что после череды волнений 1848-го года Западная Европа дружно шагнула в капитализм. Окончательно — до его естественного окончания, что еще предстоит.

Не сомневаюсь, что и Ильич не раз и не два задумывался: неужели и нашей стране, подобно Франции, предстоит пройти такой же путь, что уготован и движителю капитализма, и передовому отряду социализма? Но если и думал (думал, конечно, думал!), то заставлял себя, вцепившись левой рукой в правую, ни словом, ни намеком этого не выдать. Даже еще в эмиграции, до революции, в нестесненных государственностью и ответственностью ситуациях Ленин напрочь отвергал доводы Плеханова, Мартова и других своих постоянных оппонентов о перенесении реалий становления капитализма в Европе на грядущий переход от него к социализму, где «роль» Франции будет исполнять уже их Россия.

Больно, больно и мне думать о возможных терниях. Грущу о будущем, скорее всего — не-

избежном. Марксова правота. И есть ли лучик надежды на смягчение этих терний?

*Тебе я сердце с трепетом открою
И руку протяну,— мне не до сна,
Когда в ночи в душевном непокое
Тебя я вижу, светлая луна.*

Но главное — нельзя явно предупредить свой народ, вообще никому и никогда никакого намека. Это все равно как если бы он во время войны отменил приказ № 227. Страшная тайна, аллюр два креста.

Сложно сейчас фантазировать на тему: каким образом свершится в двадцать первом — двадцать втором веках этот всеобщий переход к единому мировому социальному государству. Но вот как произойдет (не дай, бог!) контрреволюция в СССР, как страна на достаточно длительное время уподобится Франции Луи-Филиппа после Ватерлоо — здесь ломать голову нечего.

Да и противники наши не скрывают методов разрушения СССР: не раз и не два перечитывал декларативную доктрину Алена Даллеса и директиву Совета национальной безопасности США. Хм-м, Лаврентий очень гордился: эти тексты сорок пятого и сорок восьмого года легли ему на стол еще до того, как с ними ознакомилось руководство США и сам президент. Умеем если захотим, а хотим мы многого, — но все исключительно на благо страны.

Самое ужасное, или паскудное скорее, состоит в том, что без железной руки, врагов, в том числе потенциальных, карающей, но преданных людей привечающей, к власти в стране подберется всякий сброд, который и упустит эту

власть, прямо в руки врагу ее отдаст за понюшку махорки. Да им поможет это сделать и взращенная врагом легальная агентура; она, как плесневый гриб, мигом наплодится.

Но главную роль, увы, сыграет сам наш народ. Даже не сам народ, а опосредованно через него вмиг возрожденный, доселе глубоко нами упрятанный, но нарочно возрожденный предателями при власти биологический атавизм — инстинкт частнособственничества. Против биологического инстинкта сложно устоять, если ему злонамеренно дают полную свободу. И он захлестнет всю страну с такой ужасающей быстротой и размахом, так заполнит души и головы до этого бескорыстных бывших советских людей, что даже насквозь торгашеский, частнособственнический Запад... да и Восток с ужасом и отвращением будет взирать на трагедию духа и воли 1/6 части земной суши.

...Это как у запойного пьяницы: год трезвым, чистый телом и мыслями, воодушевленным и верящим искренне в свою светлую жизнь ходит, едва не приплясывает и напевает, но вот дорвался до злодейки с зеленой наклейкой и пошло-поехало. Уже через пару-тройку дней видим мы отдаленное подобие человека, почти свинью: внешне и внутренне. И похохатывает соседка Клавка по коммуналке, что мстя по каким-то бабским обидам жене этого бывшего человека, и подсунула ему ту разгонную бутылку.

Да, бабы-бабы! Именно они первыми бросятся в накопительство и не мытьем, так катаньем всех своих семейных собьют с панталыку и сделают добытчиками денег — нового символа существования.

А наемные борзописцы из когорты второй древнейшей профессии круглые сутки, годами, десятилетиями будут вдалбливать и вдалбливать бывшему советскому народу, что СССР был химерой и держался единственно «сталинскими репрессиями и расстрелами, чистками и постоянными угрозами». И так далее.

Пройдет лет двадцать-тридцать контрреволюционной власти, подрастут и займут лидирующее положение поколения, иной жизни уже не знающие. И все. До новой революционной ситуации, до реставрации социализма, но уже в мировом масштабе. Это как реставрация, уже окончательная, буржуазного строя во Франции после Парижской коммуны и франко-прусской войны. Очень явная аналогия.

Итак, народ наш выдержал испытание голодом, непосильным многолетним трудом, самой кровавой в истории войной, но, скорее всего, не выдержит испытания сытостью и относительным покоем. А они наступят уже лет через десять-пятнадцать, учитывая взятый нами разбег.

Но самое-то обидное, даже скулы сводит, что хитроумные враги разрушат нашу страну именно тогда, когда мы фактически уже построим реальный социализм. Ах, как обидно: за страну, за идею, за народ... и за себя тоже. Увы, мимо законов истории не проскочишь. И проклятый Иудушка: как навозная муха отложил ты свои семенные яйца по всем углам и закоулкам. В каждом поколении неизменно возрождается твое потомство! Где ж на них верных Меркадеров набрать! Я не кровожаден, но в смертельных ситуациях другого выбора нет.

Главное, этим новым поколениям, детям

контрреволюции, уже невозможно будет объяснить, что построили мы социализм первые и на голом месте. Да еще в такой специфической стране: сто народностей и наций с уровнями цивилизации едва ли не с каменного века до европейской. Еще существеннее, что ведущий, русский народ не похож ни на какой другой в мире: сочетание мужественности и детской доверчивости, жертвенности и опять же какой-то почти детской страсти к отличиям-побрякушкам и так далее. На сто человек не более двух-трех мерзавцев, но зато каких!

И вы скажете, что в такой стране можно было построить практический, не декларированный, не показушный социализм — социализм не для собственного возвеличивания, уподобления Христу, а для сотен миллионов, — оставаясь таким либеральным доброхотом? Этаким дедушкой Ильичем, адаптированным для букварей школьников первой ступени или всесоюзным старостой с бородкой клинышком, вручающим безостановочно ордена ударникам труда, да?

Сюда же добавить, что за считанные десятилетия пришлось ломать все тысячелетние традиций государственности, а главное — прививать отрицание накопительства и частнособственничества в «пользу» социального равенства и справедливости. В одном повезло: не пришлось учить народ коллективизму, без которого институт социального государства немыслим. Повезло, потому что русский крестьянин и в двадцатый век вошел общинником; даже отец кулачества, вешатель Столыпин, не смог разбить сельскую общину. А это до девяноста процентов русского населения России ко времени револю-

ции. И рабочий класс, пролетариат, не говоря уже об армии, не отошел в душе от общинности. Смешно было слушать теоретиков Мартова с Зиновьевым о сугубой пролетаризации русского рабочего. А он-то, рабочий, хорошо если во втором поколении в городе живет, да и то норовит на посевную и жатву в родную деревеньку сбежать! Да и Горький явно поспешил в революционное межсезонье деклассировать часть народа, ставших челкашами. Но он человек творческий, увлекающийся...

Почему-то, оценивая крупных государственных деятелей, почти все пишущие, читающие и обсуждающие ударяются в крайности: либо либерал, либо же диктатор. Меня всенепременно отнесут не просто к диктаторам, но с эпитетами кровавый, коварный... хорошо хоть не трусливый! Я не был и не есть ни тем и ни другим. Не жестоким, но необходимо жестким. Не Наполеоном, не Талейраном, не Калигулой, даже не Ильичем. Троцким тем более. Никем. Только собой — в нужное время и в нужном месте.

*Когда луна своим сияньем
В ночь озаряет мир земной,
И тусклый свет за дальней гранью
Мерцает бледной синевой...*

Тяжелую ты, Сосепо, ношу на себя взвалил: тусклый свет, что вдалеке мерцает, усилить в тысячу крат и осветить страну и еще много земель и стран еще невиданными, судьбоносными идеями. Или идеалами? Ну кто я после этого? — Конечно, тайный идеалист. И моя жесткость, непримиримость, неуступчивость, беспощадность к смертельным врагам и есть оборот-

ная, немедальная сторона идеализма. *Per aspera ad astra** — из семинарской латинской премудрости. Ну и аминь на этом. Кто-то очень умный и мудрый сказал: мне не важно что думают обо мне, главное — что я о себе думаю. Это не мания величия, а трезвая и объективная самооценка деятельного человека, полностью поглощенного раз навсегда выбранной целью. То есть, целеустремленного и в итоге-то приносящего пользу. Не себе,— людям, большому народу большой страны.

...А как исполнится на практике предсказание Маркса о всемирной социализации? Вряд ли об этом знает даже конспирологическое тайное мировое правительство, о котором много ораторствовал в семинарские годы Жора Гурджиев. Явно начитавшись этих колдунов йогобрахманов, Блаватской и других сумасшедших. Но сумасшествие — палка о двух концах: с одной стороны безумие, с другой иногда и немислимое прозрение.

Главное и малоутешительное то, что не будет бодрой, почти бескровной всемирной революции где-нибудь в двадцать втором веке, а скорее всего — отмирание мирового капитализма-империализма и *вполне управляемый* переход к социальной мировой организации. Возможно по необходимости заполнить образовавшуюся после такого отмирания пустоту. А природа пустоты не терпит. Это Лейбниц с полной ответственностью заявлял.

То есть, революция — в этимологии этого слова — будет, но не с баррикадами, а чисто канцелярская. И не будет накануне ее никаких

---

* Через тернии к звездам (лат.).— Прим. авт.

«верхи не могут, а низы не хотят». Скорее всего к дню «икс» власть на Земле сосредоточится в руках ста семей.. или двухсот семей. Власть политическая, а главная — финансовая, экономическая. Они же ставшее легальным тайное мировое правительство. Поскольку же к тому времени все работы на планете будут выполнять механизмы, которые будут конструировать и обслуживать считанные проценты населения, а остальное большинство составят бездельники на госсодержании и обслуживание их халдеи, то будет ста семьями принято решение об упразднении уже условных классов, сведении частной собственности к личной — с определенной градацией: бездельникам меньше, конструкторам машин и их обслуге больше. Словом, как у нас сейчас.

Сто же семей, оставив за собой верховную контролирующую власть над миром, захватив пару сотен тысяч прислуги — от садовников и проституток до дипломированных политиков и деятелей искусств — уединятся от серой многомиллионной массы в каком-нибудь райском месте, желательно на средиземноморском острове. На всякий случай остров — единственный на планете — будет иметь сверхнадежную систему противовоздушной обороны, а по воде, да вокруг кругами будут рассекать лазурное море корабли единственного в мире флота. То есть, получат отступное на себя и на всех своих потомков по нисходящей. Со временем все выроются и со скуки перебеют друг друга. А на Земле воцарится предвещенный Марксом социализм, потом коммунизм... Ох и скучная жизнь настанет. Я бы застрелился от такого светлого будущего.

Истинно говорил Боэций, стоик и первый

схоластик в Древнем Риме, он же и философ-скептик, что жизнь человеческая имеет самооправдание только при стремлении к цели, но теряет его при достижении. Зачем в Древний Рим ходить, когда на книжной полке стоят тома Горького и две книги Николая Островского.

Что-то я совсем расфантазировался. Вроде как Алексей Максимович, а может, и кто другой из пишущей братии говорил: «надо отличать фантазию как жанр литературы от собственно фантазий автора». Первое — писательская техника, второе — чистой воды маниловщина, самый простой по исполнению уход от действительности. Присущ идеалистам. Значит, и я туда же.

...Но все упирается в одно: проклятая частная собственность.

ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ О ЦЕЛИ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ ВООБЩЕ

И слава бывшему богу, как ерничают наши агитпроповцы, что мне не суждено увидеть достижение нашей цели. Но как притягательно в редкие часы ничегонеделанья этак вольнолюбиво поразмышлять о высших целях человечества. В чем они? Понятно, не в накопительстве, не в проклятой частной собственности. Ах, какая же зараза! Но биология дело серьезное. Мы тридцать пять лет прилагали и сейчас прилагаем невероятные усилия для искоренения частнособственничества. Да, мы заставили этот инстинкт уйти в глубокое подполье человеческого мышления. А чтобы загнать его туда пришлось ввести государственную собственность на все. Без како-

го-либо исключения. Оставив только ничтожное число единоличных крестьян и мелких ремесленников. Почему оставили? Во-первых, есть люди, где-то один-два на сотню населения, у которых аллергия на коллективный труд. Наказывать их вроде не за что, а переубедить нельзя. Пускай их! Во-вторых, в нашей огромной, неравномерно населенной стране есть места, где и колхоз не из кого организовать, и «холодный» сапожник один на два десятка верст. Единоличники поневоле, так сказать. Да, еще некоторым зубным врачам дозволено по патенту сверлить-работать. Но это мировая привилегия зубодеров.

Но вот загнать-то загнали в подполье, в подсознание, как говорил давным-давно академик Бехтерев, но как закрепить? Для этого и ста лет явно недостаточно. А без закрепления будет постоянно довлеть угроза контрреволюции.

Несомненно, одна из целей цивилизации и вообще развития, эволюции человека и есть избавление, полное уничтожение в себе частнособственничества. То есть, на самой вершине своего совершенствования человек вернется в каком-то смысле в свое детство. Это как старики впадают в детство. А человечество-то начинало свой путь с сугубо, хотя и родового, племенного, но коллективизма и общинной собственности. Даже при феодализме это в определенной степени соблюдалось, ибо князья, графы, бароны и прочие поместные властители владели землями с пахарями, городами с ремесленниками и купцами, но это была не частная собственность на все, но предтеча собственности государственной. То есть, человек докапиталистический, как и наш социалистический, тем

более будущий, коммунистический, твердо стоял на ногах и думал головой, на то ему природой и даденной. Но человек капиталистический, особенно в высшей его империалистической стадии, есть полный идиот, у которого все естественное наглухо перебито одной лишь жаждой накопительства любым путем. Этот их *business* не щадит никого: если надо — сестру в публичный дом продаст, отца в тюрьму посадит, мать в богадельню сдаст, друзей предаст, тем более перед убийством не остановится человек капиталистический. Значит, он стоит на голове, а думает желудком ненасытным. Сам я придумал или читал-слышал? А-а, неважно.

Вот почему у нас *ни-ка-кой* частной собственности быть не может. Ведь уже после *НЭП* а правая оппозиция, профсоюзники, Томский со своей компанией, даже всегда державший нос по ветру власти Бухарин, что-то вякали насчет пользы ограниченной частной инициативы, строго контролируемой собственности. Дескать, надо дать послабление в мелочной торговле, ширпотребовском ремесленничестве... Да-да, дай только поблажку: коготок увяз — всей птичке пропасть.

Но все же, говоря высоким философским штилем: какова цель цивилизации и самооправдания существования человека? Философия, философия... Она тоже такая разная. В революционно-подпольной молодости все мы были поглощены, целиком охвачены марксизмом с его немецкими корнями и — в определенном смысле — ветхозаветным, иудейским фатализмом. Последнее не только и не столько от раввинского происхождения и воспитания Маркса. Просто к середине прошлого века классическая

германская философия, которая по провидческим словам классика вместе с Людвигом Фейербахом подошла к своему концу, исчерпала свой доселе могучий потенциал. Как это ни покажется странным, но эта классическая философия мощно возрастала в Гейдельберге, в Кенигсберге, вообще в «Германии туманной», когда имела определенную свободу выбора. А как только Гегель все расставил по полочкам, все свел к железной логике диалектики, все расписал в своих многотомных философских энциклопедиях логики, религии, права и так далее, то свободы выбора-то и не стало. Приток свежих умов упал. Это как у нас в первые послереволюционные годы: поначалу — вольница, все в восторге в революцию идут: братишки в бушлатах, перепоясанные пулеметными лентами, мастеровые в чуйках и с винтовками, пехота, только что было дезертировавшая с позиций, бывшие местечковые обитатели из-под Пинска, Рошелей, Лохвиц, Витебска, из Одессы и Кишинева в кожанках, при маузерах. Затем централизованное укрепление законопорядка, дисциплины — и каждый уже при своем деле: субординация, четкие команды и их исполнение. Новая власть пришла и укрепилась надолго. Вольница закончилась.

Вот Гегель повязал германскую философию логикой — и иссякла классическая философия. Но опять же природа не терпит пустоты, а по-русски: свято место пусто не бывает. Поэтому взятый германскими умами мыслительный разгон растекся ручьями и ручейками: от европеизированной каббалы до ницшеанства. Из этой невообразимой мешанины немецкой классики и хаоса волюнтаристских надстроек вышел в пер-

вой четверти двадцатого века и наш пролетарский марксизм-ленинизм, и германский нацизм, да и итальянский фашизм.— Все те философские практики, которые история и избрала для проверки жизненности той или иной вариации социализма.

А старейшие философские традиции Франции и Англии уже к последней четверти предыдущего века выродились в идеологическую служанку — и проститутку по совместительству — буржуазного строя, а в Англии и Северной Европе — в самого зловещего, потребительско-накопительского протестантского, особенно кальвинистского, капитализма.

Самая молодая, невезучая и доселе невостребованная третья отрасль европейской философии, конечно, русская. Точнее — русский космизм: от Розанова, Федорова, Флоренского до активных участников создания нашей советской науки — Константина Эдуардовича Циолковского из патриархальной купеческой Калуги и академика Вернадского.

...Конечно, масса всяких восточных философий, черт ногу в них ломает. Тогда уж и всякую эзотерику следует воспринимать и космогонические фантазии Жоры Гурджиева... его «Беседы Вельзевула со своим внуком» до трети страниц так и не смог дочитать. Пусть их восточные люди и исповедуют, эти восточные философии. Вот Мао Цзедун заменил конфуцианство марксизмом, но когда-нибудь наряду с Марксом и Лениным уживется в Китае и воскресший Конфуций. Как в Японии 20-х—40-х годов древний синтоизм не мешал спускать на воду авианосцы и бомбить Пирл Харбор. Сло-

вом — кесарю кесарево, а нам бы в своей европейской корзине разобраться.

Как же наши-то, европейские философы трактуют цель и оправдание создания природой человека?

Германская диалектика с историческим материализмом Фейербаха и опирающийся на них наш марксизм-ленинизм отвечают на этот сакраментальный вопрос просто: совершенствование человека во времени бесконечно, финальной цели не имеется, а само совершенствование — движение регулируется тремя правилами диалектики Гегеля. И все. Наш упрощенный во всех отношениях марксизм, что называется для широких и неискушенных в умственных упражнениях масс, за цель декларирует построение коммунизма по раннему, несколько фантазирующему Марксу: деньги переплавим на золотые унитазы,* от каждого по способности, каждому по потребности,** никаких классов кроме школьных, полная гармония интеллектуального и физического труда... словом, и возляжет волк рядом с овечкой. Этого пока нам достаточно. А

---

* Невольная параллель: все же наши «олигархеры» в период накопления первых миллиардов, бандитские авторитеты и крупно хапающие высокие чиновники вспомнили-таки студенческие лекции и семинары по научному коммунизму и завели себе золотые и серебряные унитазы.— Прим. авт.

** Заметим, что ограниченный эксперимент по реализации этого силлогизма Маркса — единственный в мире и истории — был проведен в 60-х—70-х годах в Баренцбурге на Шпицбергене, на территории поселка советской угольной концессии «Арктикуголь». Автор достаточно беседовал об этом эксперименте с бывшими шахтерами-концессионерами.— Прим. авт.

мне? Поздно на старости лет начинать философствовать. Да еще если пока не собираюсь уходить с хозяйства на территории 1/6 части суши и вообще трети мира с концлагерем.

Поручить нашим ученым умам в академических ермолках? Лаврентий возьмет под козырек, засекретит, соберет их на полном гособеспечении в спецакадемгородке и — так они такого наворотят, по привычке оглядываясь на «Краткий курс», что чертям в аду и ангелам в раю станет тошно. Разучились на академпайках и руководящих указаниях от ЦК думать.

В оплоте классической философии, в разделенной Германии не до умствований. В нашей неметчине народ бодро строит социализм. Благо это им-то несложно, уже один при фюрере построили, навыки имеются, только и пришлось антураж слегка сменить: фольварки в кооперативы сельскохозяйственные переименовать, полицию в фольксполицию, заводы-бетрибы в фольксбетрибы, «Майн кампф» заменить на «Капитал» и полные собрания сочинений Ильича и мои. Впрочем, мои еще не все напечатаны, политиздат только до двенадцатого тома дошел.

А западные немцы настолько запуганы оккупантами, особенно французскими — за их позор во Второй мировой, только-только по репарациям расплатились, а теперь Израилю, созданному мною — как же я обмишурился? И на старуху бывает проруха — пожизненную контрибуцию выплачивают, так что им еще долго не до философствований будет.

О протестантской философии накопительства ничего сейчас, даже по прошествии почти ста лет с момента ее буржуазного переоформления,

нового сказать нельзя: служанка, проститутка и наемный адвокат. Этой псевдофилософии доллара и фунта стерлингов некогда и незачем размышлять о цели цивилизации и предназначении человека. Главная задача этих «*философов*» — обоснование безудержного накопительства. Тьфу! Противно о них и думать.

Проще антибуржуазным, маловлиятельным западноевропейским течениям. Те же экзистенциалисты: уже под сто лет от Кьеркегора, которого в семинаристские еще годы читал, и доморожденного Льва Шестова до нынешних Хайдеггера с сотоварищи — им все яснее ясно: путь человека в никуда. И нечего голову ломать. Сейчас же во Франции их молодая поросль появилась, литературная: Сартр, Камю, их единомышленники. Что ж, в литературной, беллетристической форме легче головы людям дурить.

Не особо размышляют о предназначении человека в чем-то схожие с экзистенциалистами и левые нынешние европейские марксисты: Георг Лукач и Маркузе. Все то же у них от смысла слова «экзистенца» — существую и достаточно этого. Только с добавкой: существую и борюсь. Но борьба без цели — это главный лозунг Троцкого. И получается, что дело Иудушки живо не только в старых его кадрах в Европе, Америке и тайных у нас, но его по сути пропагандируют и левые марксисты? Нд-а-а, пора бы товарищу Горезу активизировать своих идеологов. И Тольятти следует со своими коммунистами-анархистами поработать. С ума сойти с таким хозяйством. Это я о себе.

Куда ни кинь взгляд в историю — нынешнюю, прошлую и даже будущую, — всюду на-

тыкаешься на сплетенные Иудушкой паучьи сети. Вот и с русскими философами, особенно космистами. Ведь именно он, паскуда, уговорил уже больного и не совсем понимающего в реалиях политической жизни Ильича организовать «философский пароход». Грех некоторый на мне, не до философов было, текучка заела, тоже согласился тогда. Дескать, попутчиков малонадежных с возу — кобыле легче.

А вот еще в конце тридцатых и в конце сороковых все чаще стал вспоминать о том пароходе. Ведь если двое лишь из оставшихся в стране, да и то не из «громких» имен, так сказать, младшего поколения, — Циолковский и Вернадский — так много нам пользы принесли? Да-да, практической и научной пользы, не пустопорожного разглагольствования. Константин Эдуардович, будь он в двадцатые-тридцатые помоложе и не потеряй слух, да отбрось свою провинциальную скромность, будь настойчивее, боевитее, так опередил бы самого Вернера фон Брауна. И не немцы бы Лондон и Ковентри своими «фау» забрасывали, а мы Берлин, Гамбург и Киль.

А провидческий гений Владимира Ивановича в части созданной им теории биосферы и ноосферы — то есть будущего человечества — еще не пришло время оценить. Не говоря уже о созданной им практической науке биогеохимии. Ха-ха, молодец такой был Вернадский, в чем-то на Павлова похожий. Этот демонстративно крестился в советских присутственных местах и на пиджак вешал попеременно советские и царские ордена, а Владимир Иванович как до революции, так и после нее работал себе и работал,

совершенно искренне особо не замечая какой строй за окном его лаборатории и кабинета. Ни разу в своих книгах не то что осанну советской власти не воспел, а слова «материализм» не употребил! Уважаю работающих, мыслящих и не лебезящих перед властью людей.

Как же он замечательно в научной прессе припечатал этого идиота, академика Деборина, попробовавшего залаять на него! И кто же Деборину команду дал? Для того мы и держим таких идиотов от общественных наук, чтобы они лаяли на настоящих врагов, а не на полезных, хотя бы и независимых людей.

И не вышли Иудушка из страны цвет нашей философской, общественной, естественнонаучной мысли, так сейчас бы не пришлось содержать на повышенном жалованье эту орду бездельников, карьеристов и — подозреваю — скрытых троцкистов, угодливых, лицемерных, держащих кукиш в кармане. Презент, Деборин, Берг... По-фински прямолинейный Куусинен, хотя Отто Вильгельмович и хороший человек.

А наши философы, останься они в СССР, презирая в душе троцкистских выкормышей и дельцов от общественной и иной науки, составили бы здоровую, патриотическую альтернативу марксизму. Не враждующую, а как это у западников говорят? — Да, конструктивную альтернативу. В конце концов и наш кондовый марксизм ума бы набрался у наших философов, и они бы «подтянулись» к диалектике. В итоге к сегодняшнему дню мы бы впервые в истории России-СССР имели бы философскую, естественно-философскую научно-практическую школу мирового уровня. Конечно, марксизм-ленинизм —

самое передовое учение на планете, но... несколько однобокое.

Все, все наперед тогда знал Троцкий, в уме ему не откажешь. Умный враг — семижды враг. Вот и обрезал нашу науку по самым вершкам и корешкам. Как же он ненавидел наш народ! Нет, надо со временем как-то увековечить Рамона Меркадера. В том числе и за долгую мексиканскую тюрьму.

Вот кто задумывался, нет, постоянно думал о цели цивилизации, о предназначении человечества, так именно наши космисты. Особенно Николай Федорович Федоров. Надо же? — Скромнейший служитель в Румянцевской библиотеке... Такими они и были: и Федоров, и Циолковский, и другие. Как вчера было: доставили по его распоряжению из управления *КВЖД* только что изданную в Харбине «Философию общего дела». Отложил на пару дней все дела и читал.

...А лет через пять попался в руки сборник работ Вернадского о биосфере и ее будущем. Но домыслить тогда не позволило наступившее тревожное время, потом война... словом, не до выяснения цели эволюции было, выжить бы стране.

Цель же человечества Федоров и Вернадский определяют вполне ясно, научно и основательно, хотя и каждый по-своему. Федоров литературно, Вернадский сугубо научно, хотя и замечательным русским языком, без псевдонаучных выкрутас, без наукообразия того же Деборина и Презента.

Во многом эта цель гармонирует и с марксистской идеологией. Только в марксизме — коммунизм, а у космистов — общее дело. Впро-

чем, это одно и то же. Главное — в достижении цели она не оправдывает средства ее достижения. Потому и общее дело, потому коммунизм. И нет разделения на прошлое, нынешнее и будущее. Даже самое далекое — не то что по векам и тысячелетиям, но и по миллионам лет. Будущее это каким-то образом смыкается с прошлым; жизнь на Земле не имеет начала и конца в обыденном понимании. Но это в случае, если человек выйдет в космос. Даже не в прямом смысле, хотя это и не исключается, но осознает себя частью общего для всех жизней во Вселенной космоса. Как это Циолковский называл? — Да, животный космос.

Для буржуазной же науки, даже для лучших ее представителей, скорее свойственны финализм, то есть, окончание рода человеческого на Земле, завершение, так сказать, его биологической и социальной миссии. Здесь вариантов столько, сколько думающих о финале голов. От космической катастрофы вроде стократ увеличенного тунгусского метеорита до всемирной бойни *N*-ской мировой войны до последнего бойца. Это как Гитлер в апреле-мае сорок пятого требовал: до последнего мальчишки-фаустпатронника из гитлерюгенда.

Наиболее умные из них все больше склоняются к вырождению человечества снова в обезьян. «Голыми мы в этот мир пришли, голыми и уйдем», — библейское. А медики напирают на пандемию абсолютно смертоносного вируса. Кстати, селекционированного самим же человеком. А ну их, эти страсти, не к ночи будь вспомнаны! Да еще и сам с простудой, быть может, вирусной...

А завидую я все-таки, хотя и втихомолку, всем этим мечтателям а академических шапочках-ермолках, что за пожизненное повышенное жалованье, квартиры в «высотках» и ордена к юбилеям в свое удовольствие размышляют о светлом будущем. Наши-то все больше напирают на правоту марксизма-ленинизма-сталинизма... бог с ними, пусть мое имя используют; да хоть имя Ворошилова, веселого Булганина — главное чтобы без упоминания Троцкого было.

Вот уйду на пенсию и определюсь академиком по разделу мечтаний-размышлений о будущем человечества!

РУССКАЯ, СОВЕТСКАЯ НАУКА. КОСМОС И БЕСКОНЕЧНОСТЬ МИРА

Мечтать не вредно, как говорят в Одессе. Особенно на всем готовом. Может, это и есть одна из земных, материальных, так сказать, причин того, что в средневековой Европе большинство ученых-мечтателей по совместительству являлись монахами, священниками? Даже епископами, как Николай Коперник. А что не мечтать? — Амуничка казенная, харч тоже, даже не всегда постный, есть и дни разговения. И для организма польза.

Астрономия и космогония — самые мечтательные из наук. В Курейке, в седьмой своей ссылке, нашел у сожителя — Якова Свердлова тонкую книжку, брошюру, кажется, из серии

«Жизнь замечательных людей»^{*}, о Блезе Паскале. Сугубый практик по жизни, Яков Мовшевич сам удивлялся: как и где она попала в его дорожно-каторжный сундучок? Но разъяснила хозяйка их избы Перепрыгина: дескать это не нынешний ее постоялец Яков книжку привез с собой, а лежала она у нее в доме от давнишних «постояльцев» — еще после японской войны и бунтов на материке: Слава-эсдэк и Ваня-эсер^{**}, что часто ругались «за политику»...

В брошюре — комментированная автором биография Паскаля и некоторые его изречения-

---

^{*} Обычно создание серии «ЖЗЛ» приписывают Горькому. Но Алексей Максимович только ее возобновил (как и «Литературную газету»). Серия же издавалась еще до революции, издателями — если не ошибаюсь — братьями Сабашниковыми в виде тоненьких брошюр карманного формата. Стоили они гривенник-пятиалтынный и были рассчитаны на гимназистов старших классов и особенно на учащихся реальных училищ; посвящались великим ученым. — Прим. авт.

^{**} Действительные обстоятельства и реальное историческое лицо: Баланюк Иван Евдокимович, дед моей жены. С 1906 года активно участвовал в эсеровском движении, был выслан в Вологодскую губернию, затем в Курейку. Отбыв срок, в 1913 году окончил в Москве Константиновский межевой институт. Работал землеустроителем-геодезистом, после Октябрьской революции — начальником милиции в станице Павловской (Краснодар), нотариусом, старшим землеустроителем краевого земельного управления Азово-Черномоского края (1929—1938 гг.). В ежовщину арестован по ложному доносу и расстрелян 07.03.1938 г. в Краснодаре (См.: Книга памяти жертв политических репрессий в Тульской области 1917—1987 гг. Т. 3. — Тула: Гриф и К, 2006. — С. 124). В вологодской ссылке Иван Евдокимович проживал в одной избе со ссылкой же Скрябиным, то есть Вячеславом Михайловичем Молотовым... Истинно мир тесен. — Прим. авт.

афоризмы. Особо запомнилось: «Меня страшит бесконечность и тишина бездонного космоса».

Сразу живо вспомнилось далекое, а с другой стороны — по медленности и тягучести ссыльного времени, — вроде и не очень время юности, когда после исключения из семинарии работал подсобником вычислителя-наблюдателя в Тифлисской физической обсерватории. Год с небольшим работал, пока по мою душу охранка с обыском в обсерваторию не нагрянула. Так началась моя подпольная жизнь...

Часто приезжавшие из Москвы, Харькова и Новороссийского университета приват-доценты и профессора, особенно летом, с интересом на меня посматривали, узнав что Сосепо — несостоявшийся поп, изгнанный из семинарии по политическим своим увлечениям. А один из харьковских доцентов даже подарил ему втихую пару книжек, кажется Кропоткина и что-то народовольческое.

Как-то прочитал ему пару своих, пятилетней давности, еще семинарских стихов. Особенно доценту Карпухину понравилась строфа:

*Ты, как всегда, в серебряном сиянье
Без устали над сумрачной землей
Плыви, пронзая тучи мирозданья
И разгони туман и мрак густой.*

«Мечтатель ты, Иосиф. И поэтом будешь значимым. Космическое у тебя мышление. Это замечательно. Работай и дальше в обсерватории: наука, поэзия... и революция, конечно, — все это хорошо совместимо. Главное — чаще смотри на звезды, сопоставляй преходящее, часто суетное земное и вечное небесное».

...Когда в тридцать восьмом Лаврентий разгребал навороченное пьяницей и извращенцем (а ведь из слесарей, из самых пролетариев!) Ежовым, то работал рьяно. Понятно, что и себя старался показать на новом месте, но мой приказ в первую очередь вернуть из лагерей и тюрем ученых, конструкторов, инженеров и армейских командиров исполнял скоро и толково. По два-три раза на день приходил со списками на освобождение и возвращение по прежним местам работы и службы.

В одном из списков по научной части остановил карандаш напротив фамилии Карпухин: те же инициалы, из Харькова.— И утвердил, далее не читая, весь список, хотя Берия и лопотал что-то о сомнительных, но умолк на мои слова: «На добро добром отвечают». Без пояснения.

Но уже скоро мне пришлось любоваться звездами только во время ссылок, а когда они закончились, то и вовсе времени на них не осталось. Не космос и *бесконечность* мироздания, а наука, дающая практический выход, без которой стране не устоять в этом, уже *конечном*, злобном и агрессивном мире — вот что меня занимает уже тридцать с лишком лет. Словом: практика есть критерий истины. Истины выживания, истины построения социализма. Пусть даже в отдельно взятой стране. Не по Марксу. Впрочем, уже и не в одной. Хотя бы даже, исключая Китай и Корею с Вьетнамом, остальной наш соцлагерь — европейский — и держится нашей волей и штыками. В чехлах, правда. И дай бог их оттуда не вынимать. Это как опытная мать тщательно пеленает свое дитя, пока не подрастет немного и научится своими

ручками-ножонками владеть. Чтобы себя же случайно не поранить.

От прежнего режима мы получили добротную науку, и за предельно короткий срок лапотная Россия семимильными шагами догнала невообразимо далеко вырвавшуюся вперед Европу и Америку. Чего стоят открытия Менделеева, Попова, Доливо-Добровольского, Умова, математиков Бугаева, Лузина, Цингера и Некрасова. Тогда же взяли научный разгон Вернадский и старший из братьев Вавиловых — жалко не уберегли в военное лихолетье. Сам не досмотрел. Благодарить мы здесь должны императоров Александров — Второго и особенно Третьего. Seriously они помогли, не зная об этом, будущей советской стране! Создали сеть университетов, научных центров. Мы вот, исходя из идеологических установок, все пишем про промышленную отсталость царской России. Но так ли это на самом деле? Когда немцы в пятнадцатом году применили под Верденом газы, то русская химическая промышленность за год с небольшим построила или перепрофилировала около ста заводов, где наладили серийное производство боевых отравляющих газов и выдали «на гора» несколько миллионов противогазов! А в Туле за такой же срок соорудили огромный завод, который уже в шестнадцатом году покрыл потребность фронта в пулеметах-«максимах».

Это как развеселившийся раз в застолье Клим предложил тост за Николая Второго, создавшего революционную ситуацию в стране.*

---

* В новейшие времена более известным стал римейк-анекдот: Хрущев предложил сделать Николая II Героем Советского Союза за то же деяние... — Прим. авт.

Но все же нам в науке и технике пришлось начинать почти с нуля. Особенно в технике, в промышленности. Уже не семимильными, но семижды семимильными шагами начали мы подготовку кадров инженеров и ученых — одновременно с разворачиванием индустриализации СССР.

Были, конечно, и досадные потери: сразу после революции, в безвременье Гражданской, в базарно-мелочные годы НЭП'а не сумели закрепить, оставить в стране многие светлые умы. Те же Сикорский и Зворыкин создавали в Америке вертолет и телевизор. Много глупостей и внутри страны допустили из-за малой грамотности руководителей-выдвиженцев. Из грязи в князи. Отсюда и недалёковидность, и комчанство, и просто человеческая глупость.

Недавно вот читал доклад, подготовленный Минсвязи по развитию радиовещания и массового телевидения. По последнему запросил уточняющую справку от Псурцева с изложением истории вопроса. Любопытную справку принесли. Оказывается, одновременно со Зворыкиным в СССР инженер Катаев* создал практическое телевидение: сначала электромеханическое, затем электронно-лучевое. И только война и послевоенные напряженные годы восстановления страны позволили США вырваться в этой области вперед. Впрочем, не намного и не надолго.

Но и Катаева на первых порах никто у нас слушать не хотел: пустяки, мол, детская забава. Заинтересовался я тогда первым советским телевизором — электромеханическим. Велел По-

---

* Семен Исидорович Катаев прожил долгую жизнь в науке и технике. До солидных лет (ум. в 1991 г.) активно работал в области телерадиотехники. — Прим. авт.

скребышеву позвонить в Минсвязи. Но там руками развели: дескать, Катаев сделал только один, опытный работающий экземпляр. А где он? — Никаких письменных свидетельств не сохранилось.

А через полгода после того проводил у себя в Кремле коллегия оборонщиков по новой технике. В завершении ее рассказал для нравоучения об истории с первым нашим телевизором. Присутствовавший свадебным генералом Ворошилов, как бывший наркомвоенмор — вот святая кавалерийская простота! — воскликнул:

— Так я его у Катаева в начале тридцатых забрал. Для испытаний.

— И как испытывал?

— А отвез на дачу и из комнаты по нему смотрел: кто входит во двор.

— Так его в музей связи надо сдать.

— Да там что-то в нем сломалось, велел адъютанту в сарай отнести.

— Ну и?..

— А потом сарай перестраивали, все барахло прежнее выбросили.

...Вот и работай с такими новаторами в использовании достижения науки!

От прежнего же режима достались нам крупные ученые в фундаментальных знаниях. К тому же преданные советской власти. Или принявшие ее искренне, без барской снисходительности, спеси и фордыбаченья, без показной независимости того же Ивана Петровича. Хотя Павлов — свет науки, его ум и дела на-амного перевешивают и царские ордена на сюртуке, и чуть ли не молебны с хоругвями перед физиологическими съездами.

А были, да и посейчас трудятся, крупные ученые, что сами активно революцию делали, в Гражданскую на позициях, на партработе. Вот под Царицыным в восемнадцатом встретился с Штернбергом. Он кумом меня в шутку назвал, узнав об обсерваторской моей короткой работе. Сам-то уже известным астрономом был и геофизиком. Не только в России, но и в Европе его знали. Как сам рассказывал: прославился он в их научном мире своими исследованиями по движению земных полюсов: географических и магнитных. С конца прошлого века, между тем, в нашей партии, а в семнадцатом руководил в Москве военно-техническим комитетом, в Гражданскую — не последний человек в политбюро Красной Армии.

Жаль, рано умер Павел Карлович, в конце войны простудился: воспаление легких. В память о верном товарище и большом ученом поддержал присвоение его имени Астрономическому институту Московского университета. Сколько таких светлых людей у нас было. И сейчас есть.

Конечно, наш агитпроп не устает подчеркивать: советская наука — наше создание, а царская? — Да так себе: три-четыре громких в Европе имени. Но так надо. Пока надо было. Теперь другое время пришло, пора собирать побиблейски камни. Наконец-то после войны восстановили в правах слово «русский», начали и уже не первый год восстанавливаем имена и дела великих и выдающихся русских ученых. Хватит их делить на наших и не наших, советских и царских. Власть и политическая система меняются, а страна, ее народ теми же остаются.

Только последний глупец или парткарьерист не понимает или не желает понимать этого.

Однако и о достижениях советского периода в науке, в индустрии мы должны говорить с гордостью, даже несколько хитрить: дескать, царевы министры ушами хлопали, а мы вот, молодцы такие, в считанные годы лампочку Ильича, почти тай, в медвежье углы продвинули, *БАМ* почти построили, да война помешала.* Транссиб опять же в Среднюю Азию ударно построили, на Кольском полуострове крупнейшее в мире месторождение апатитово-нефелиновых руд разработали. Да мало ли чего еще?

Старшие же поколения и историки науки и техники знают, а народ пока рано еще оповещать, что вовсе мы не на голом месте страну индустриализировали. План *ГОЭЛРО*, включая все разведочные работы, сложнейшие расчеты и проекты десятков электростанций, не комиссия Глеба Кржижановского в считанные месяцы разработала, а много лет в 1910-х годах назначенная царским правительством комиссия до тошно разработала. Кстати, с активным участием Кржижановского. И Красина тоже.

Как и проект и изыскания по *БАМ*'у и Транссибу тоже после Японской войны были выполнены. Но как и нам Отечественная, так и царю Империалистическая помешали все пораньше сделать. И Ферсман еще до революции апатиты открыл.

---

* В годы войны и даже до ее начала уложенные уже рельсы *БАМ*'а были сняты и перевезены для устройства рокадных дорог на линиях фронтов, в том числе вдоль Волги к Сталинграду и у границ Персии-Ирана.— Прим. авт.

Конечно, проекты одно дело, а их реализация совсем другое. Но ведь умно и дотошно разработанный проект — это половина дела. Так негоже нам от всего бывшего до нас отрекаться, используя его на всю катушку.

Но вот чисто советские достижения — так это машиностроение, танковая техника и вообще вооружение, большая химия, а особая гордость наша — авиация. Про атомную бомбу и не говорю. Военный флот еще требует много внимания и затрат, но и он скоро уже станет океанским: с линкорами и авианосцами. Зато давно действует Главсевморпуть, руководимый человеком-легендой Иваном Папаниным. «Самый северный еврей планеты!» — Таким заголовком пестрели западные газеты после дрейфа *СП-1* в Ледовитом океане.

...А все эти достижения стали возможными при сочетании опыта выдающихся старых русских ученых и инженеров, хотя бы и немногочисленных по сравнению с Европой и Америкой, и энергии молодой, уже советской поросли. Совершенно верно, разумно и вовремя мы, еще не оправившись от разрухи Гражданской, взяли за всеобщую грамотность, за рабфаки, а главное — за десять лет, даже меньше, удесветрили число институтов. Главное — впервые в мире опробовали — и убедились в своей правоте — совершенно новую, нашу советскую систему высшего образования: вместо классических университетов специализированные институты: политехнические, отраслевые технические, физические, медицинские, педагогические, институты культуры. Только такой крутой поворот и позволил нам в кратчайшие сроки насытить страну

специалистами для скорейшей индустриализации, подготовки к круговой обороне, качественного скачка в сельском хозяйстве, в культурном развитии.

...Ишь расхвалился, расхвастался! Знать, действительно страна расправила крылья.

*Когда, величьем Родины взволнован,
Ты трепетал от ликованья весь,
Твои звучали песни так, что словно
Их пели людям ангелы с небес.*

Распелся, товарищ Сталин. А оттого распелся, что сейчас, в середине века, СССР в самом прямом и полном смысле ни от кого не зависит, а для полного равенства с миром капитала чего не хватает? И много, и не очень-то по сравнению с совершенным: не хватает по количеству атомных бомб, авианосцев и линкоров, первой водородной бомбы в мире и межконтинентальных ракет. Но все это уже активно проектируется, делается. Курчатов и Королев под опекой Лаврентия, который хоть черта из-под земли приволочет, если только понадобится, Келдыш, Яковлев и Туполев работают без отпусков. Скоро и первый спутник в космос выйдет, а спецы Королева и Челомея уже кабину под космического летчика на ватмане вырисовывают! Уже реальны первые атомные электростанции, ледоколы и подводные лодки.

Скоро совсем и людей от пуза накормим: в ВАСХНИЛе не только ломают словесные копыта лысенковцы с вейсманистами-морганистами. Хватит нам с деревенского мужика три шкуры драть. И так на нем выехали в тридцатые годы и в войну тоже. Селекция, разумная коопера-

ция, ирригация и мелиорация, выверенный севооборот — все уже пошло на село. Но, конечно, страна наша выстояла только благодаря индустриализации, первым пятилеткам. Не отрицаю — сталинским пятилеткам, не скромничаю...

Нет, чего-то утаиваешь, хитришь, товарищ Сталин! Не только энтузиазм освобожденного народа, мудрость партии и твоя, не такая уж пустая, голова сделали индустриализацию. Помогли неожиданные-негаданные внешние обстоятельства и нечеловеческое напряжение всей страны. Проститутка-история первое как бы забудет, а за второе приклеит мне ярлык тирана и кровопийцы.

Это уже не мечтательная наука, это суровая практика.

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ: ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Да, в великом переломе две составляющие: внутренняя и внешняя — по отношению к СССР. Хорошо бы, конечно, если только вторая была. Увы, пришлось все соки из страны, прежде всего из крестьянства, вытянуть. Но без этого пришла бы погибель всей стране, всей нашей великой идее социального государства. А разве иначе бывает, бывало в истории становления нового строя? Это как подросший, оживший мужик в деревне, что наследует отцово хозяйство, если он не младший сын. Нужно отделяться, рубить себе избу, не один год маяться в отхожем промысле, собирая на коня, корову, другое обустройство. Опять же целину распахи-

вать на неуродном месте, опять же по два раза в год телегу за телегой навоз возить. И много чего другого. Кажется мужичку: все, силы иссякли, сердце вот-вот остановится, рухну не дойдя до порога. Но вот осилил же, устроил хозяйство, унавоженный суглинок сам-шесть урожай дает, дети подрастают, а поп Исидор каждый год за серебряную полтину очередного младенца в купель окунает. Расправил мужик плечи, а ведь молод еще — и работается уже легко, и в жизни смысл появился.

*Тогда с души прогонит тучи
И мрак, который в ней царит,
Надежда силою могучей
И к жизни сердце возродит.*

Так у людей бывает. Всегда: мужик ли ты хлебопашец, поэт, ученый... даже чиновник-выжига, взяточный судейский, даже вор. К добру ли, к злу человек себя готовит, но обязательно проходит тяжелый путь становления. Хм-м, что-то ты, товарищ Сталин, добро и зло в категориях уравниваешь? Или вспомнил знаменитую диссертацию Чернышевского? Скорее всего, недавно просмотренную книжку по современной буржуазной этике, что в Академии наук по отобранному мною списку издали для служебного пользования. Да, в этой их этике, как и у Чернышевского, и добро, и зло одинаково имеют градации от посредственного до в высшей степени превосходного.

...Тяжело крестьянам пришлось в годы перелома, но разве остальным в стране легче было? А тут еще подряд два засушливых года в Поволжье и на Украине.

Сколько мы тогда продебатировали в Совнарком и в ЦК: как облегчить эту нагрузку на крестьян, без хлеба которых никакую индустриализацию не вытянуть, начав не закончить. Много было как умных, так и глупых предложений высказано. Сам перечитал труды Чайнова, Несмеянова, земских авторитетов в области землеустройства, севооборота, сельхозкооперации. Не раз и не два устраивал встречи с ведущими учеными ВАСХНИЛ и «Большой академии». Правильную установку с самого начала — не хвастаюсь — отстоял; надо исходить из решения двуединой задачи (хотя по народной мудрости за двумя зайцами не угонишься): сделать сельское хозяйство товарным и высвободить для строек пятилетки индустриализации миллионы бывших крестьянских рабочих рук.

Отрицательный результат — тоже результат. Так говорят люди науки. Такой полезный нам отрицательный результат, за исключением минимально-достаточного заселения Алтая и Приморья, дала столыпинская реформа: и русский мужик не тот, и климат другой, нежели в Европе и Америке, поэтому единоличное сельское хозяйство даже при мощной господдержке (а где ее было тогда взять?) у нас не выйдет на товарный уровень. Это ведь Столыпину многократно говорили земские кооператоры. И в царском правительстве тоже разумные люди нашлись, отговаривали царя. Но перевесила необходимость заселения востока страны. Здесь Николай вспомнил завещание своего умного отца, так решительно начавшего русскую экспансию на Тихом океане. В кои-то века достался России умный царь, заявивший: в Европе нам

делать нечего, надо поворачивать в восточную сторону. Правда, Николашка и загубил все достижения Александра Третьего...

Итак, только общинная кооперация с агрономией и механизацией, гарантированной государством.

Но и здесь мнения разделились: взять за образец земскую кооперацию, сочетающую индивидуальное, получастное с определенной плановостью, регулируемой в рамках Госплана? Или пойти путем полной коллективизации-обобществления? — Поставленной изначально задаче отвечал только этот путь. Как по каждой его отдельной составляющей, так и по их совокупности. Заодно решалась и некая сверхзадача: социальная гармония двух основных советских классов, рабочих и крестьян. Тем самым оба класса становились пролетарскими: индустриальным и сельскохозяйственным.

Вместе с тем переход к полной коллективизации-обобществлению, в отличие от земской кооперации с элементами планирования, был очень ответственным для исполнителей и психологически сложным для крестьян. Но в итоге общинный тысячелетний дух русского народа победил все сомнения и прямое противодействие кулачества. Теперь дело было за тракторами, заводами для производства которых строили высвободившиеся, излишние в коллективизированном сельском хозяйстве, крестьяне.

...Нелегко, не легче коллективизации, даже намного труднее, далась нам индустриализация. Может, она и заглохла бы еще до конца пятилетки, но неожиданная помощь пришла оттуда, откуда мы ее не то что не ждали, но и во сне

помыслить не могли. Кстати, наш агитпроп по сию пору об этом наглухо молчит. Так надо, так патриотично. И мне бог велел рта на этот счет не раскрывать до поры до времени.

Придет это время — то ли мы с довольной усмешкой, а может, временно пришедшие к власти троцкисты — со злобой и паскудными ухмылками будут говорить одинаковое: империалисты помогли нам создать советскую индустрию!

Здесь надо отдать должное, как ни странно звучит от меня это признание, Троцкому с Ильичем. Когда Конгресс САСШ принял рекомендации своим промышленникам (сам закон приняли позже) о выводе с территории Штатов вредных химических производств, в первую очередь азотно-туковых, то владелец концерна «Петролеум оксидентум» Арманд Хаммер живо вспомнил еще нью-йоркское знакомство с проворным Левой Троцким, который теперь в советской России при живом Ленине играл первую скрипку. Списался или созвонился с ним по трансатлантическому кабелю и предложил серьезную сделку.* Сделка сделкой, но Ильич сразу

---

* О подоплеке этой грандиозной сделки догадывались, а специалисты просто знали еще в советское время. Я в достоверности истории этого проекта убедился случайно. Мой знакомый работал в химическом НИИ в Туле. По профилю своих занятий как-то он ездил в командировку на один из химкомбинатов «Азот» (их в СССР по проекту Хаммера к 80-м годам было запущено около полутора десятков). По сути командировочного задания у него возникла нужда ознакомиться с первичной документацией по одному из техпроцессов — «кальками», как говорят в промышленности. Из службы техдокументации ему принесли не обычную, принятую у нас размахренную папку чертежей в обложке из тонкого по-

понял пользу проекта для разрушенной Гражданской войной страны.

Дальше началась торговля Хаммера с Ильичем под дирижерством Иудушки. А «ценитель русской культуры» зачастил из-за океана в Москву. Азотно-туковое производство — это взрывчатка, удобрения и много чего другого вплоть до моющих бытовых средств. А в начале этой цепочки стоит вредное для всего окружающего производство азотных химикалий в огромном объеме. Это тяжелый химический синтез. А тонкая химия, получение готового продукта — уже вне территории СССР.

У Хаммера — готовые проекты комбинатов, строительные и начально-эксплуатационные инженерно-технические кадры и — главное — оборудование. У нас — ни того, ни другого, ни третьего, и денег ни копейки-цента. Договор о разделе продукции едва не на вечные времена — это половина оплаты. Еще четверть — хаммеровский кредит. А оставшееся — будьте так добры! Капиталист слезам и обещаниям не верит.

рыжелого картона, а аккуратный том размером метр-на-полметра в кожаном переплете с непотускневшим от времени золотым тиснением: названием концерна Хаммера. Очевидному нельзя не верить. В новые времена американцы уже не удовлетворились разделом продукции, а прибрали эти «Азоты» в России и в бывших союзных республиках в полное уже владение. В Тульской области были построены и сейчас работают два таких комбината: Новомосковский «Азот» — построен в 30-е годы и Щекинский «Азот» — в 70-е годы. Крупнейший Новомосковский комбинат теперь полная собственность «Проктер энд гэмбл» — мирового монополиста производства стиральных средств. Истинно сказано: услуга дьявола, в данном случае Троцкого, рано или поздно окажется вредом или кабалой. — Прим. авт.

«Хрен возьмешь с тарелки деньги у по-па!» — Присказка еще семинарская. Но заво-ды Хаммера ведь только начало; стократ боль-ше средств потребуется на полную индустриали-зацию. А бедной стране не жить. Никогда я не осуждал даже в мыслях Ильича, все его окру-жение, даже Троцкого в той ситуации, за един-ственно возможное принятое решение: обобрать церковь, музеи, реквизициями и «торгсинами» взять все ценности у населения. Некоторое уте-шение, что церковь сама себя высекла, став со времен патриарха Никона лакеем самодержавия, музеи со временем заполним произведениями нового, советского искусства, а ценности имеют-ся среди населения лишь у представителей быв-ших эксплуататорских классов. Не до диплома-тических церемоний и интеллигентского сюсю-канья. И не хочу себя перед потомками оправ-дывать, что решение было принято без моего решающего участия. И кто я тогда был-то? — Второстепенный нарком по национальностям, а тогдашняя должность генсека она и была бу-мажно-секретарской.

Реквизиции, реквизиции... Но разве на по-горелом месте, собираясь ставить новую избу, хозяйка не продаст свои скромные драгоценно-сти: обручальное колечко, монисто, что муж к свадьбе подарил, да перешедшие ей от матери серебряные сережки с простенькими лазоревыми камушками? И никогда потом мужа не попрек-нет этим, а тот постарается и колечко новое, и сережки ей купить. Так-то и здесь.

...Никому стороннему, почти всему руково-дству партии и правительства ни тогда, ни сей-час, а может, и в долгом будущем и в голову не

придет: почему, начав с Хаммера вовлекать капиталистов в нашу индустриализацию, мы это дело вроде как замедлили до конца двадцатых годов? Но ведь не вроде, а действительно замедлили. И это, не выпячивая свою роль, уже *при мне* было. Все-таки тогдашняя старая большевистская гвардия еще в почетных царьков не превратилась; еще троцкисты не подставили под расстрельщиков Ежова наших выдающихся марксистов-экономистов. А те сумели убедить руководство страны, что из анализа тенденций в деятельности капиталистического мира в Европе, но особенно в Америке, опирающегося как на законы Маркса, так и выкладки современных авторитетных западных экономистов, следует: гениально предугаданный Марксом, первый в истории, мировой кризис империализма вот-вот грянет. И опять же по Марксу: кризис перепроизводства, как внешняя сторона медали, будет следствием более глубокой причины — финансово-спекулятивной, перекашивания всемирной капиталистической системы из-за обострения неравномерности ее развития. А причина последней — выход из этой системы 1/6 части мира, СССР и неопределенность результатов мировой бойни.

Дело-то нехитрое ждать удобного момента. Любой разумный хозяин это туго знает: собираешься избу рубить — перекантуйся с семейством в холодной времянке со слабо греющей буржуйкой, но дождись когда цены на лес, кровельную щепу-драпку, гвозди и другую строительную халду-бурду собьются до доступных.

Так и получилось к первой пятилетке. В Америке депрессия, Европа в унынии, а три

страны, пользуясь невероятно удачным моментом, спешно становятся на ноги. Это все кажется случайным совпадением, но нет, это сама история ставит опыт на СССР, Германии и Италии в выборе пути к социальному устройению общества.

Но у немцев и итальяшек своя свадьба, пока нас не касающаяся (ох, как еще коснется скоро!), а мы всю кризис капитализма использовали. Все к нам из Америки за терпимые деньги потекло: безработные в САСШ высококлассные инженеры пароходами в Ленинград и Одессу прибывают, а за ними население целых поселков при крупнейших стройках пятилетки — техники и рабочие с многолетним стажем работы в ведущих корпорациях Америки.

Банкротящиеся фирмы мировой известности идут на любые уступки, соглашаются на недопустимо низкие проценты при неприлично долгих сроках погашения кредитов. А в итоге самолетами с посадками в Париже в Москву в Генплан доставляют тонны технической документации. В портах того же Ленинграда, Одессы, а также Мурманска, Архангельска и Владивостока разгружаются сотни тысяч тонн металлоконструкций.

А в это время на местах будущих новостроек тоже сотни тысяч пока еще неквалифицированных рабочих, недавних крестьян, как муравьи с лопатами и тачками, сравнивают холмы, роют под фундаменты котлованы площадью с городские кварталы, строят бетонные заводы огромной производительности.

Сталинградский тракторный, Магнитку, Днепрострой строят американцы. С американ-

ским же оборудованием. Но и мы не лыком шиты, не в колонии живем: возрожденные царские еще заводы, тот же Ленинградский металлический и десятки, сотни других реконструируются, начинают выпуск своих уже гидротурбин для ГЭС, турбин для ГРЭС, доменного оборудования, сталепрокатных станов, кузнечно-прессового оборудования и всевозможных станков для машиностроительных заводов, выпускающих тракторы, автомобили, танки, дальнобойные орудия, самолеты, крейсера и подводные лодки.

Все продумано, все в Генплане просчитано: первая пятилетка — первая волна, у капиталистов учимся, их технику используем; вторая пятилетка — уже запущены в ход «заводы заводов», основа нашей будущей индустриальной самодостаточности. Так от «американского» Бобрикстроя, будущего Сталиногорска*, Сталинградского тракторного, турбин Днепрогэса мы скорыми шагами перешли к уже собственной индустрии.

...Особо благодарить империалистов, США и Антанту не будем; мы сто́крат «переблагодарили» их в Отечественную войну; потом за ними должок был за интервенцию Гражданской и содержание на коште белой контрреволюции, за экономическую блокаду двадцатых, и еще один сейчас впрок должок набрали за «холодную войну». Квиты, господа империалисты. Нам же оправдываться не в чем. Маркс и Ленин так нас учили: использовать для построения социализма

---

* Ныне город Новомосковск Тульской области; см. примечание выше: нынешняя вотчина американской «Проктэр энд Гэмбл». — Прим. авт.

любую трудность, промашку капитализма, даже порой идя им на уступки, если таковые в настоящем и будущем не угрожают нам чрезмерными сложностями и возможностью военной или ползучей реставрации частнособственности.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Я далек от мысли, что индустриализация и коллективизация есть лишь заслуга руководства *ВКП(б)* и Совнаркома. Тем более исключительно моя. Это был подвиг всего нашего народа, в котором еще живо горело воодушевление революционных и военных лет. Нет, конечно, революционное наследие и сейчас действует, и еще долго будет действовать. Но я имею в виду именно воодушевление. А по человеческой природе воодушевление не может длиться вечно. Рано или поздно оно, не меня своей сути и побуждающей идеи, переходит в более спокойную форму. Что, в свою очередь, означает: идея настолько закрепилась, что стала привычной. А о привычном уже не задумываются, руководствуясь им в обыденной жизни.

Народ народом, но теоретики князь Кропоткин и Прудон, сугубый практик Нестор Махно, что называется, от первого лица показали: анархия не мать порядка, но надуманная химера. Личность в истории закономерна. Я уж от первого лица могу это засвидетельствовать.

Почему-то у историков, да и в разговорах на коммунальных кухнях, если там все бабы не переругались, и никакие разговоры не ведутся, принято сравнивать выдающихся личностей, да-

же разнесенных во временных эпохах. Ладно, бабы и слабопохмеленные мужики в линиях майках в коммунальных квартирах, но историки-то? Ученые мужи в академических званиях и с окладами?

Когда в различных собраниях достаточно узкого круга руководства возникал этот вопрос о сравнении «степени великости», я всегда говорил о глупости, неправомерности такой постановки вопроса. Поскольку же никак не удавалось найти емкое, как физическая или математическая формула, краткое обоснование этой глупости, то я просто переводил разговор на другую тему. Если разговор шел за столом по какому-нибудь поводу, то ограничивался шуткой: мол, славы бубны за горами, но у нас в дуду дудят.

Незадолго до начала войны в приватной беседе со Ждановым после обсуждения дел серьезных тоже возник вопрос о сравнении исторических личностей. Андрей, хорошо разбирающийся в искусстве, в музыке тоже, привел удачное сравнение, суть которого в следующем.

Жданов, по его словам, недавно на отдыхе в Крыму крутил ручку приемника и «поймал» запись второго концерта для скрипки с оркестром ре-минор Генриха Венявского. По всей видимости настроился он на Би-Би-Си, а понимая наполовину разговорный английский, Андрей Александрович из предваряющих пояснений диктора понял, что это запись тридцать пятого года Лондонского симфонического оркестра, а солист — тогдашняя знаменитость Яша Хейфиц.

По словам же Жданова, общавшегося по делам службы с ленинградскими и московскими

музыкантами и композиторами, в том числе с Прокофьевым и Шостаковичем, излюбленная тема спора у них — кто лучший скрипач: Паганини или Хейфиц? То есть, кто из них «второй Паганини» или первый, в смысле второй, Яша Хейфиц? Но как их можно сравнить? — Хейфиц — вот он со своей чарующей скрипкой: в лучших концертных залах Европы и Америки, на граммофонных пластинках, на радио. А о Паганини только письменные свидетельства его современников, заромантизированные истории его жизни у Стендаля и нашего Виноградова.

На первый взгляд может показаться: да, отзвучавшую музыку никак нельзя сравнить с живой, сегодняшней. Более повезло представителям других художеств — от скульптуры и архитектуры до литературы. Если, конечно, сохранились памятники этих художеств.

Вроде бы есть основание для сравнения личностей в политике, военном искусстве. Но так ли это? Ибо мы судим о прошедшем по результатам, действие которых ощущаем и сейчас. Самое существенное — великие государственники, политики и полководцы если и оставили после себя письменные откровения, то посвятили их второстепенным — для нас, понятно — сторонам своей деятельности. Наполеон в своих мемуарах, что сочинял на Св. Елене, написал некое подобие комментированной тактики встречного боя... А наш великий Александр Васильевич? — Оставил после себя десятистраничную «Науку побеждать», в которой все подчинено одному лейтмотиву: «Пуля дура, штык молодец!» И еще пару сотен писем, что издала

наша «Академия».* А там в основном переписка со своим родственником, карикатурным литератором графом Хвостовым о домашних делах, прошения Румянцеву и Потемкину о пенсии для семей погибших при штурме Измаила младших офицеров и записки интендантам о нехватке гречки для солдатского котла и скорейшей доставке «трех бочек аглицкого темного пива»...

А жизнеописания великих людей у историков — от античности до наших времен? Те же «Жизнь двенадцати цезарей» Светония? Совершенно верно и горько написал его римский коллега Тацит... еще с семинарских лет в памяти отпечталось: *«Если историк льстит, чтобы преуспеть, то лесть его противна каждому, к наветам же и клевете все прислушиваются охотно; оно и понятно: льстец мерзок и подобен рабу, тогда как коварство выступает под личиной любви к правде».*

Итак, вроде остались сочинения самих великих в истории, тома их жизне- и подвигоописаний историков, но... при их чтении не возникает ощущения соприсутствия с этими великими, с их мыслями и устремлениями. Получается взгляд со стороны в глубь веков. Пусть даже немногих десятилетий — все одно, нет достаточной базы для взаимного сравнения.

---

* Издательство «Academia» (Москва — Ленинград) а 20-х—30-х гг. специализировалось на изданиях памятников истории и литературы. Книги этого издательства отличались хорошей полиграфической базой и изяществом оформления: толстые томики уменьшенного, «карманного» формата, веленевая бумага, переплеты с тиснением — матерчатые, даже холстинковые с цветной раскраской-тиснением. Эти книги высоко ценятся у современных коллекционеров.— Прим. авт.

Пожалуй, единственное исключение — Макиавелли, его великолепный «Государь», одна из полутора десятков моих настольных книг. Кстати, когда придет время плевать на мою могилу и мои дела, припомнят мне востроглазые щелкоперы этот изящно изданный «Академией» томик Макиавелли. И, разумеется, изданный перед войной «для служебного пользования» «*Mein Kampf*», который я заставил проштудировать все наше партийное руководство и наркомов. Даже лихих кавалеристов Буденного с Ворошиловым.

Эти г...нюки — имею в виду, конечно, щелкоперов — с каждого свободного клочка газетной бумаги будут кричать: смотрите, потопственные жертвы сталинизма, у кого брал уроки иезуитства в политике и кровавой жестокости бывший «отец народов»? — У прожженного нравственного изувера Макиавелли и всемирного убийцы Гитлера!

Что ж, они всегда на срочной службе, труженики второй древнейшей... И вообще — глупейшее занятие сравнивать по чинам и количествам выигранных сражений — в кабинетах и на поле боя — личностей истории. Опять же говорю от первого лица. Поэтому мы и используем для агитпропа и политпросвета определение отцов марксизма: личность, вне всякого сомнения, есть непрменный атрибут движения истории, но не фатально и индивидуально predetermined личность, наделенная от бога или дьявола (это о Троцком в первую очередь) некими сверхкачествами (а это из фантазий Гитлера), а недюжинная личность, проявившая себя в нужном качестве в нужное время и в нужном

месте. Под местом понимаются исторические, политические, экономические и прочие обстоятельства.

Правда, при этом не уточняется: как эта личность себя поставила в нужное время и место? Если речь не идет, конечно, о явных ставленниках, марионетках и прочей шушере. Да этого народным массам и знать не надо. Они смотрят со стороны и снизу вверх, а запахи кухни, тем более политической, им не следует ощущать. Для их же пользы и непоколебимой уверенности в своем Вожде.

Для себя же отмечу два, нет... три существенных момента для формирования и утверждения личности в истории. Во-первых, реализация таким самовыдвиженцем раз и навсегда поставленной сверхзадачи. Во-вторых, опять же самосознание своих способностей — ума и человеческих качеств — решения этой сверхзадачи. Наконец, и в-третьих, правильное избрание стратегии, оперативного искусства и повседневной тактики борьбы за власть. Ибо только реальная власть позволяет свершиться исторической личности.

Еще одно существенное неудобство в жизни такой личности: он должен иметь даже не два, а три лица. Одно для «ширпотреба», для масс, ведомых этой личностью. Второе для ближнего окружения и при жизни этой личности. Наконец, третье — самопотаенное, а значит, и самое реальное.

Итак, для масс и ближней истории, пока и тебя не оболгали завистливые преемники власти, вырабатывается каноническая биография. Собственно, это даже не биография, а утвер-

жденный коллегиально документ истории. Вот и моя официальная биография обсуждалась на том историческом пленуме «вблизи» XVIII съезда ВКП(б), где было принято решение о героизации и идеализации имени «Сталин», которое с того времени стало уже не просто моей второй фамилией — после Джугашвили, — но отделилось от меня и стало символом. И к съезду, к его 60-летию такая биография была издана.*

Как и имя «Сталин», так и эта официальная биография, собственно говоря, отделилась от меня, стала символом, объединяющим народ.

Эта официальная биография, естественно, должна поддерживаться постоянными «вливаниями», публикациями различного уровня: от передовиц в «Правде» и «Известиях» до академических трудов. Но — все в русле канонизации. Здесь пример подал в тридцатых годах Лаврентий. Кто ему написал этот доклад размером со средней толщины книгу — неважно. И также не имеет значения, что в это время, в середине тридцатых, он явно выслуживался: крылья у него подросли, пора настала из захолустного Тифлиса перебираться в Москву. Но книга получилась убедительной... как убедительным является хорошо закрученный роман.

Итак, требуется второе лицо личности в истории: для ныне живущего ближнего окружения. Это лицо даже сложнее держать, как говорят

---

* Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография / Сост. Ин-том Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). — Ростов-на-Дону: Ростовск. обл. книго, 1940. — 127 с. (Одно из изданий). — Прим. авт.

китайцы. Тот же Лаврентий, кавалеристы Ворошилов с Буденным, почти весь состав ЦК партии и совнарком. Это сейчас. Но тридцать лет назад, когда я еще только шел к власти хозяина в стране, и в первые десять лет реальной власти окружение было другое: Троцкий, Киров, Фрунзе, Каменев с Зиновьевым, молодой еще Жданов, Орджоникидзе, Дзержинский и Менжинский, в среде военных чинов — Тухачевский, Блюхер, Егоров, Якир...

Перед ними еще можно было держать естественное свое лицо — ведь соратники, связанные накрепко друг с другом; неважно, что многие из них стали врагами — не моими, а советской власти в первую очередь. И они меня звали Кобой. Зачем же что-то корчить из себя перед ними? Это как в дворовой стайке пацанов один начнет важничать. И что с ним сделают? — Правильно, воспитательно морду набьют либо отвернутся насовсем. Но для нынешнего окружения, хотя в нем и остались из старой гвардии, лицо-то приходится именно держать, дистанцироваться не только внешне, на людях, но и в неформальном общении. Этого требует взятая мною на себя нелегкая роль исторической личности.

Это такая же игра, как игра политическая, дипломатическая и всякая иная. Наконец, реальное, самопотаенное лицо. Увы, здесь историческая личность беднее последнего нищего, который и вовсе не прячет своего лица перед всем миром людей. А для играющего роль исторической личности это табу. Даже наедине с самим собой, в своем кабинете: вдруг преданный Покребышев без доклада — он имеет на то раз-

решение — войдет, или кто даже с докладом, но я-то не успею надеть на лицо маску вершителя судеб трети мира, а?

Это не самоирония, не смех, а действительность. Только в самых что ни на есть потаенных мыслях, как сейчас, когда даже Старостин, Туков или Матрена Бутусова не посмеют, проходя коридором, даже взглянуть, не поворачивая головы, боковым зрением в сторону приотворенной двери в его комнату. Нет, не маскировка, не игра в прятки с самим собой. Просто ты уже не принадлежишь самому себе, и твое, вроде, лицо и не твое, а ты сам всего лишь его носитель. Такой живой памятник получается!

К черту эти шарады с лицами! И нечего петлять: первое, второе, третье... Все одно с усами и оспинами, со слегка рыжеватыми, увы, год от года редееющими волосами. Вот твое лицо-монумент, товарищ Сталин, повторенное в десятках, может, сотнях гранитных памятников на высоких пьедесталах по всей стране — от Владивостока до западных границ, а с севера на юг — от столицы Северного флота Полярного до Закавказья. Отштамповано в тысячах гипсовых бюстов по ленинским комнатам военных частей и красным уголкам заводов и фабрик, в аляповатых же бюстах во всех парках и скверах, в миллионах портретов — от сельсоветов и колхозных правлений до кабинетов министров и маршалов. Так надо. Историческая личность не должна быть суеверной и спокойно относиться к существованию миллионов отпечатков своего лица и фигуры в длиннополой кавалерийской шинели, разнесенных по огромной стране.

Не надо путать понятия: роль личности в истории, канонизированной исторической личности, и личности, на которую история взвалила непосильную тяжесть ответственности за ход истории в масштабах не только огромной страны, но в определенном смысле и за ход мировой истории на определенном этапе ее движения. И остаться символом для будущего.

Роль конкретного человека в истории — это и есть то самое «в нужное время и в нужном месте», но сюда плюсятся еще и человеческие качества. Причем такие, которые из обычного человека делают *личность*. Другое дело совсем — канонизированная историческая личность. Это уже монумент. Если первое — Наполеон с момента осады Тулона и до «ста дней», то второе — тот же Наполеон по сей день, начиная со Святой Елены и после Луи-Филиппа.

А третий — это ваш покорный слуга. Лихой вояка-политик Наполеон здесь не подходит. История, вообще говоря, на него не взваливала какой-либо непосильной тяжести. Она могла и «подождать» другого, быть может, и более умного, более проницательного в военно-политической стратегии человека. Но Бонапарт, любящий удачу до определенных пределов, например, стен московского кремля, брался за власть по-кавалерийски, хотя и был артиллеристом, вовсе не предполагая взваливать на себя эту самую непосильную тяжесть. Да и власть-то ему дуриком досталась. После заявки о себе под Тулоном и военно-познавательного путешествия к египетским пирамидам только ленивый на его месте не разогнал бы переругавшийся Конвент — некое подобие нашего Временного пра-

вительства Львова — Керенского — и вот он Вождь революционной Франции. И понеслось! Понятно, что его направляли масоны, коим время пришло начать разрушение европейских монархий. *Тайное мировое правительство впервые стало явью.* Хотя и конспиративной. А Наполеон стал предтечей Троцкого — всего через век.

А вот я добровольно взвалил на себя тяжесть непосильную. И это большая удача, что почти осилил ее, достиг вершины могущества советской страны: на верфях Николаева и Ленинграда заложены первые наши линкоры, а в ленинградских ЦКБ уже проектируют авианосцы. Атомные бомбы запущены в серию, на выходе водородная бомба. В космосе уже побывали наши собаки*, в самом конце пятидесятых — начале шестидесятых Королев планирует и полет человека. Нашего, советского человека!

И власть мне никто добровольно не давал, а я ее особо и брать не хотел: отторопь брала от предчувствия ответственности, тяжести шапки Мономаха и проклятий мне от будущей проститутки-истории... Даже от большинства будущего советского народа. Советского ли в той дальней перспективе?

Трудно, сложно даже не я шел к власти, а власть проверяла, ощупывала меня и выталкивала вперед, выделяя из сонма робких, опасливых, своекорыстных, бесшабашно отважных, слишком доверчивых, книжно-умных и просто дураков. Но был один враг-соперник, к тому же настро-

---

* Первый запуск собак с их возвратом на Землю состоялся в 1951 году. Имеется в виду простой вертикальный запуск-спуск ракеты. — Прим. авт.

ивший против меня уже глубоко больного Ильича, действительно умный, пронзительный и энергичный. Настолько в нем эти качества являлись в совершенном виде, что, не задумываясь, уступил бы ему узкую, не для двоих, тропинку к высшей власти, тем более, что при хвором Ленине он ею уже практически обладал, но при условии уверенности: эти качества он всецело употребит для блага страны, ее народа и построения советского социализма.

Но вот эту-то уверенность Лейба дезавуировал своими делами: непоколебимая уверенность во всемирной революции и ее перенесении из России; несостоятельность этого к концу девятнадцатого года после поражения советской власти в Германии, Венгрии и Прибалтике, понимали уже многие. А Троцкий все митинговал. И всех настораживала его постоянная конфликтность; жить он не мыслил без фракционной борьбы и оппозиционности. Его перманентная революция и движение без обозначенной цели — главное, ввязаться в драку, а там как получится — все заставляло очень серьезно задуматься: а на чью мельницу льет Иудушка воду?

...Не хвастаюсь, не горжусь и с собой унесу, что одним из первых для себя раскрыл сущность этой мельницы. Оправдываться не при вык, тем более на будущее; все одно проститутка-история все сведет к примитивной борьбе за власть между мною и Троцким. Умные-то люди всегда истину будут знать и помнить, но на одного умного, самодостаточно мыслящего, приходится с десяток, если не больше, кутят с пеленой на глазах, что ориентируются в ходьбе только на размахиваемый мамкой хвост.

Конечно, не я один дошел до истины. Все же в двухсотмиллионной стране, не говоря уже о всем мире, умных людей достаточно. Особенно среди писателей таких провидцев много встречается. Хм-м, на этот счет *мало уважаемый* нашим агитпропом Андрей Платонов* с юмором писал, что-де и среди интеллигентов иногда попадаются — этого отрицать нельзя — на редкость умные люди... А вот *уважаемый* мною Булгаков, при всех его странностях и закидонах, так прямо писал, что Троцкий — Антихрист. Хорошо, Лаврентий разрабатывает еще не напечатанное и меня просвещает.

Антихриста не Антихриста, но исполнителя некой тайной силы. Может, ее масонством правильнее именовать, сионизмом? — Вот это и есть то тайное правительство, выпущенное в плавание по миру Французской революцией. Так и получается, что с самого начала я не только ответственность за будущее страны взвалил, но и противопоставил себя мировому Антихристу, его тайному, а где надо, и очень даже явному воинству.

...Личность — история — человек с его силой и слабостями. От первого лица говорю, а значит не лукавлю.

ИУДУШКА ТРОЦКИЙ: СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА; ВРАГ ЗАТАИЛСЯ

Будущие историки — наши, не зарубежные, те давно нас треплют, — когда агитпроп

---

* Рассказ Андрея Платонова «Фро». — Прим. авт.

потеряет нюх, или контра временно к власти придет, будут без конца издеваться: и это народная революция? — Пролетарская и крестьянская, вызревшая в недрах руководящего чаяниями масс *РСДРП*? А на самом деле ее сделали две группки профессиональных политиков, что давно забыли как выглядит русский рабочий или крестьянин, а всю войну отсиживались подальше от военных позиций. Одна группа прибыла с разрешения кайзера в plombированном вагоне через Германию, а потом и нейтральную Швецию. Другая же припутешествовала на трансатлантике из Нью-Йорка. Одну — с Ильичем во главе — благословил, снабдив и деньгами, Вильгельм Второй, другую — с Троцким — наверное, напутствовали американские банкиры и раввины. Едко историки-щелкоперы говорить и писать будут, да еще если такие козыри на руках!

...И попадут пальцем в небо, исключая роль *РСДРП*: мы, конечно, большую работу провели и перед революцией девятьсот пятого года, и перед Октябрьской, но это мелочь по сравнению с делами эсеров. Они — истинные творцы обеих революций, а Первой — почти единственные исполнители.

Насчет же plombированного вагона и нью-йоркского парохода... Сам-то с собой могу быть откровенным: те и другие прибыли на готовенькое, но лихо возглавили уже все подготовленное. Конечно, свою толику внесли в бочку пороха, а факелы вовремя взяли и подожгли ее.

Если с «пломбирванными» все ясно: заграничное руководство русским революционным движением, вне России в девятьсот десятые

годы оказалось, вообще говоря, не по своей воле. А вот тайну нью-йоркского парохода, скорее всего, навсегда унес с собой Троцкий. Такие люди, а более всего их хозяева, имеют не то, что многовековой, но и многотысячелетний опыт сугубой конспирации. То есть, мы, как говорится, «не вхожие» в тот таинственный круг, можем видеть только результаты их таинственной целенаправленной деятельности. Несомненно, приглядевшись зорко, и методы, и, так сказать, технику их деяний правильно охарактеризовать можно. Но цель этих действий, главное направление стратегии? — Увы, все это за пределами знания людей вне того таинственного круга. То есть, неведомо всему населению Земли за исключением микроскопических долей процента от него. Да-а, стратегию нам познать не дано, но основы их тактики и оперативного искусства со временем приоткрываются. Порой и не грех поучиться у них этой тактике и оперативности... Без их пакостной первоосновы, конечно.

Как называть тех, кто насылает на мир, на нас в том числе, сонмы этих иуд вроде Троцкого? Особенно активно и агрессивно они шлют их в мир после знакового для них события — Великой Французской революции. Ими же совершенной. Но и задолго до нее эти посланцы ада наличествовали. Тот же родоначальник имени — Иуда Искариот. В средние века это розенкрейцеры, в восемнадцатом веке — масоны. В нашем же столетии их склонны называть сионистами. Но в том смысле, что они не отождествляются с собственно еврейским народом, даже не всегда сами семитского происхождения. А еврей-то как раз у них в наибольшей кабале,

чем другие нации. Такой вот парадокс. Когда пресловутый «еврейский вопрос» потеряет свою остроту — не зря я им воссоздал Израиль! — где-нибудь в двадцать первом веке этих таинственных исчадий ада и слуг Антихриста другим именем будут отмечать. Например, сверхлюдьми. Но не гитлеровским *Uebermensch*, что неблагозвучно, а по-американски: супермен, что то же самое.

Вечно изменяясь — это явление остается самим собой. То, что сионистов — в широком и конспирологическом понимании этого слова — не следует, не нужно и неправильно отождествлять со всем еврейским народом, это не мое лукавство, а обоснованная, выверенная наша позиция. Мы ее и не скрываем. И Голде Меир, когда она приехала после создания Израиля к нам (мы сразу обрадовались — благодарить!), Молотов ей четко объяснил нашу позицию: мы четко отличаем понятия вашего сионизма, как символа воссоздания еврейского государства, *алии* по-вашему, и мирового сионизма — наднационального, а по сути интернационального течения, скорее, заговора со скрытой целью в среде крупнейшего финансово-спекулятивного олигархата. Это и Маркс предвидел, но по раввинскому своему происхождению поопасался как-то терминологически связать его с еврейством. Ибо все великие и выдающиеся умы ветхозаветного народа постоянно держат в голове несчастную судьбу Баруха Спинозы...

А окрестить всех без разбора евреев сионистами — не в смысле алии — это такая же глупость, как приписывать братьям-украинцам некую генетическую вредность. А они не более

вредны и упрямы, чем великороссы. Хрущ как-то за доброй чаркой привезенной из своей командировки в Киев перцовой горилки дурачился. Дескать, вот в ВАСХНИЛ'е Трофим Лысенко все бьется по вопросам генетики с внучатыми племянниками Вейсмана и Моргана, а лучше бы все они помирились, выпили вот такой горилки и занялись исследованием генетической вредности моих хохлов. А знаете, товарищи? Ведь они, вопреки сложившемуся поверью, очень не любят сало, а едят. Едят, черти! До косопузия и ожирения жирнящую грудинку лопают, лопают. А почему едят? — Так они начали его хрумкать назло басурманам — туркам и крымчакам.

А для них, как вы сами хорошо знаете, для мусульман-то, свиньи и собаки есть самые оскорбительные твари. Если у них два аула поругаются вусмерть, так по ночам лазутчики к своим врагам пробираются и собачью голову к воротам аульной мечети приколачивают. Наши же козаки еще до Богдана Хмельницкого, когда в основном не ляхов, а турок с крымцами лупили, как осадят бусурманскую крепостцу, усядутся на рвы, куда стрелы и пули не долетают, вынут из сум шматы сала, кусают его, от противности горилкой запивая, гогочут. Мусульмане не выдержат, выбегут из ворот — тут им и карачун!

...Вот тот же Никита — шут шутом гороховым, а ведь себе на уме? Не потому что хохол, конечно, а ведь троцкистом партийным был. И хотя вроде искренне с ними расплевался, к нам по доброй воле перешел, полезных дел побольше глупостей — и на том спасибо — сделал в серьезном масштабе... а ведь рано или

поздно снова в нем троцкистское нутро проявится. Троцкизм — зараза похуже моровой язвы. Причем не только в отношении нас, большевиков, в отношении СССР — страны, которой он почти-что овладел, но не удержался, потерял от ощущения всевластия осторожность, и был пинками изгнан.

А вся дальнейшая деятельность Троцкого, которого буквально распирало и рвало блевотиной бесконечных статей, брошюр и речей, направленных даже не столько против СССР, сколько против самой идеи, самого факта реального существования социализма в его советской, коминтерновской форме? И его паскудный IV Социинтерн! — Он по-прежнему выполнял социальный заказ невидимых хозяев. Впрочем, уже к середине тридцатых годов некоторые из них «засветились». — Прежде всего ультрареакционные круги САСШ, связанные с самой верхушкой империалистической финансовой олигархии.

Много было у нас, у нашей страны врагов в короткой сравнительно истории СССР. Не меньше и сейчас осталось. И еще больше будет: внешних и внутренних. Да-да, классовая борьба усиливается по мере приближения к победе социализма. Но почему именно Троцкий, троцкизм был и есть нашим главным, смертельным противником? Да потому что Иудушка — это тот же поп Гапон, но во всемирном масштабе. Если попа того эсеры запросто нашли в домике между станциями Озерки и Шувалово Финляндской железной дороги и повесили, то за Лейбой пришлось охотиться долго и изощренно:

от штурма мексиканских коммунистов*, бывших интербригадцев в Испании, до итоговой, тщательно продуманной на Лубянке операции Рамона Меркадера.

Убийство политического противника — крайний, христиански порицаемый шаг, но сколько, а главное чего нужно ждать? Иудушка не евангельский Иуда Искариот, у него своя правота, которая запрещает ему подыскать подходящий осиноый сук... Есть ситуации, которые, как у повздоривших гусар, требуют дуэли со смертельным исходом одного из них.

Опять же будущие наши историки-борзописцы, а западники уже давным давно, все сведут для обывателя к личной вражде двух претендентов на главенство в стране. Все мерят по себе! А очень умные из них в ту же дуду дудят, ибо выполняют социальный заказ своего «агитпропа». Наедине с самим собой не лукавит даже дипломат уровня Меттерниха, не говоря уже о грубом и прямолинейном, как в сердцах подачи Иудушки и по-бабски мнительной Крупской говорил Ильич, кавказце Сталине... Конечно, пресловутая «кавказская гордость», точнее — закавказская, нашептывала: хватит обитаться в кресле второстепенного наркома по нацпросам или писарчуком-генсеком. И никакая

---

* Вооруженное нападение на дом-крепость Троцкого в Койоакане 24 мая 1940 года, предпринятое мексиканскими коммунистами, подробно описано активным участником нападения, выдающимся мексиканским художником Давидом Альфаро Сикейросом в его книге (русский пер.): Меня называли лихим полковником. Воспоминания. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1986. — С. 217—230. — Прим. авт.

это не кавказская гордость... всегда раздражало меня: дескать, верблюд двугорбый, индеец с перьями в ушах, а кавказец гордый!

Во-первых, голова на плечах работает и здоровья еще на десяток Куреек хватит, значит работать могу долго и плодотворно. Во-вторых, какие-никакие, но заслуги имею: почти двадцать лет на подпольном положении, тюрьмы, семь ссылок, участие в пленумах и съездах четко на стороне правоты Ильича; кропотливая, выматывающая организационная работа, самая низовая, самая сложная. И при этом нужно иметь стратегическое мышление. Ничего не хочу сказать об Ильиче, руководстве партии — у каждого свои обстоятельства, своя роль в подготовке революции. Но я не то что десятилетиями, а и неделями в безжандармной загранице не жывал. Берлинское пиво и французские вина не смаковал в беседах о будущем новой России. На средиземноморском курортном Капри с Горьким и молодым итальянским социалистом Бенито Муссолини в шахматы не играл.

Безо всякой обиды, конечно, но... Заслуги и в советской стране никто не отменял. И так ли я стремился к высшей власти? — Если и шел на встречу с ней, то только по той причине, что враги сопротивлялись, а друзья по партии раступались. Иные даже по робости, но не меня боялись, а опасались идти в верховные: не справятся, не удержатся. Многие же просто по характеру и воспитанию своему спокойнее, увереннее чувствуют себя на вторых ролях. Осознают: здесь они полезнее общему делу, нужнее стране.

Но главный импульс — это упорное сопротивление врагов — и врага из врагов Троцкого.

Соппротивление дает истинному бойцу азарт. Главное же в азарте — не подменить цель мотивом.

Троцкий — вечно живая миллионноголовая гидра. Бродя бы центральную голову отсекали в смертельной схватке, но остались другие, в том числе и у нас затаились. Все же тайное становится явным; проявится рано или поздно и гидра троцкизма. Вот что тревожит меня. И не только меня. Известно: исторически гнездо троцкизма у нас свилось в Ленинграде, расплзшееся при Зиновьеве, — ведь и Мироныч, и Андрей Александрович* остро чувствовали запах этой гидры. Может, и острее чем я за грудой дел, за кремлевскими стенами, так сказать. Главное — бесстрашно и деятельно эту гидру изводили. Увы, за что и заплатились жизнью: Кирова «сработали» грубо и демонстративно, Жданова более хитроумно.

Они срубили у той гидры несколько сотен голов из миллионов, а троцкисты — всего две из десятка лишь моих верных и надежных... Счет явно неравный, как говорит свихнувшийся на своем футболе-хоккее Васька.

Уже тридцать с лишком лет все пытаюсь четко оформить, как с юности привык, кратко и ясно прежде всего для себя: в чем смертельная опасность троцкизма? В чем его неиссякаемая сила? Почему мы не можем сразу и решительно его уничтожить, — не физически, что проще,

---

* Жданов Андрей Александрович (1896—1848), родился в семье инспектора народных училищ в Мариуполе Екатеринославской губернии (в советское время город назывался Ждановым). Один из наиболее верных соратников Сталина; после XVII съезда ВКП(б) — 1934 года первый секретарь Ленинградского областного и городского комитета ВКП(б). — Прим. авт.

хотя и не комильфо, а идейно, морально — и в глазах всего народа, при его полном, искреннем одобрении? Как, например, мы отмежевались от других наших союзников по подготовке революции, по Гражданской войне: меньшевиков, эсеров, анархистов, различных радикальных группировок? Размежевались не по причине стремления к полному единовластию, а потому что стремились увести страну от раздора, от бесконечной фракционной борьбы-междусобойчиков. Мы бы и потерпели это подобие королевского польского сейма — все же соратниками были, — но сами поставлены внешними и внутренними врагами в такие условия, что малейшее замедление, малейшее отклонение от четкого курса на скорейшее построение социализма могло все едва начатое погубить. Не до либерализма.

Правда, особого греха на душу нашей партии (не обо мне речь, я тогда всего лишь рядовым руководителем значился) Ильичу брать не пришлось. Анархисты на совести наркомвоенмора. Да эти лихие головы не то что с Троцким, но и со своим идейным прародителем князем Кропоткиным горшки бы побили. Особенно махновцы после Крыма. Такая у них судьба: анархия хороша в словесных баталиях интеллигенции — что-то вроде острого соуса пикан или сыра пармезан за обедом. А на практике она нежизнеспособна. Только в России и то лишь среди матросов, очумевших от воли после корабельного мордования офицерами-остзейцами, а также в Диком поле среди его колоритного, гуляйпольского населения, народный анархизм сумел пару-тройку лет погулять и помереть с шиком презрения к суматошной русской жизни.

Вроде левые эсеры одно дело с нами свершали, но круто отвернулись сразу после Октября и стали врагами. Несдающимися. Впрочем, их понять — опять не для агитпропа — можно: революцию они подготовили и фактически сделали, а тут их оттерли от главных ветвей власти. А как бы мы себя в их шкуре повели? Это из категории тех вопросов, про которые говорят: история разберется, кто более прав. Опять же надо держать в голове, что за эсерами, начиная с «Черного передела», едва не полста лет целенаправленной, прекрасно организованной борьбы. И не столько на страницах листовок и подпольных газет, отпечатанных за границей, сколько в самой гуще народа, а если надо, то с револьвером и бомбометанием.

А если смотреть глубже, то наши пути с ними все одно должны были разойтись после революции. Причина же взаимной непримиримости сугубо идейная, политическая: мы сделали ставку на пролетарскую диктатуру, они — на крестьянскую Россию. И все этим сказано. Эсеровская модель народного, крестьянского социализма не просто противоречила учению Маркса — Ленина, но и самой диалектике перехода от капиталистической формации к социализму. Тем самым, отстранив эсеров от руководства и реальной власти, мы спасли страну от реставрации капитализма, пусть даже в мелкобуржуазной форме, и расчистили путь к реальному социализму. Как люди в основном умные, уже в начале двадцатых годов многие эсеры искренне приняли нашу правоту и «разоружились».

Про меньшевиков и говорить нечего. Все эти Церетели и Аксельроды с сотоварищи име-

ли голос в пору дореволюционной кружковщины и мало кого представляющих заграничных съездов вроде бы единой *РСДРП*. После революции на меньшевиков просто внимания не обращали, даже если они и пытались о себе напомнить в пору бурной фракционности.

Но вот троцкисты — это явление совершенно иного порядка.

СОЮЗ РЕСПУБЛИК В СССР — МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Нарисуем такую, диковатую вообще-то, картину: на одну условную сторону поставим нашу партию и ведомый ею *СССР*, всех бывших попутчиков и союзников — от анархистов до правых эсеров, наших врагов-белогвардейцев, врагов чужеземных — от белочехов в Сибири до антантовских интервентов в Одессе, Баку, Мурманске, Архангельске, Владивостоке, японцев в Приморье и китайских милитаристов в Маньчжурии... Все же представим такую невероятно живописную картину. А на другой условной стороне — Троцкого с его клеветами и последователями. И придем к совершенно уж сумасшедшей мысли, достойной, на первый взгляд, постояльцев Кащенко, но тем не менее убедительной и в основе своей верной. Даже диалектически выверенной, а именно: все действия первой условной стороны по-человечески понятны. Хотя у каждого своя правда — она же неправота для другого. Извечная история; уже не проститутка.

Но «троцкистская» сторона действует непонятно, запутанно и с неведомыми целями —

для всех непонятными и пр. То есть, для нас, для наших союзников и попутчиков, а также для белого движения и впоследствии эмиграции в Берлине, Праге, Париже, Белграде и Харбине. Непонятны их действия и для Антанты. На Уолл-стрите, может, и понятны, но там деньги и секреты в невскрываемых сейфах хранят. Патентованных. Такое впечатление создается, что Троцкого и троцкизм породили взвездные силы. Истинно Антихрист! Как все же Булгаков-то писал? — Да-да в том смысле, что Троцкий еще молод, но мерзостнее тысячетлетнего дьявола. И являет он собою лик сатаны, а настоящее имя его Аполион, что по-гречески значит губитель.

Верно, все верно сказал Михаил Афанасьевич. Потому я его в числе немногих и выделял среди пишущей братии. Главное, независимый, но без контры и тухлого либерализма, а с другой стороны — поталантливее будет многих из верноподданных льстецов.

...Все же, хотя и без истины в последней инстанции, вывод-то не такой уж ясный и простой, как бы хотелось: троцкизм — это почти правдоподобно маскирующийся под социалистическое движение козырный ход высшей иерархии транснационального финансового империализма с масонской подоплекой, стремящейся к полному господству над миром путем разрушения или предельного ослабления крупнейших держав мира, исключая США с ее западноевропейскими клеветами-наговорами. Это сейчас.

Да! Именно так. Не иначе. Но зачем понадобился такой, слишком уж экзотический, требующий огромных денежных, временных и прочих затрат? А затем, что не все сделаешь вой-

нами, даже мировыми, денежными подкупамии власти и даже целых народов, политическими уступками и послаблениями. Далеко даже не все. Особенно если речь идет о СССР, опекаемых нами странах народной демократии в Европе, восточных соцстранах. Говоря же шире, речь идет о мировом социалистическом движении. Вот истинная суть троянского коня троцкизма. И его мощные деньгами и влиянием прародители и вдохновители. И уже совсем просто, зная истину, объясняется неутолимое стремление самого Троцкого к мировой революции с перманентным ее развитием. Отсюда и странный — в свете диалектики — лозунг троцкизма: главное не цель, а движение.

...Здесь же и кроется величайшая опасность многоликого троцкизма. Прогнозируя длительную схватку с нами, Иудушка в короткие годы своей почти полной власти и влияния на увядающего Ильича успел заложить немало мин замедленного действия. Вроде тех боевых, что использовали в Империалистической ловкие на хитроумные штучки немцы. Пакостные штучки в честном бою.

Вот такую долговременную мину успел заложить Лейба в форме союза республик при создании СССР.

Не только я, но и другие товарищи из руководства ВКП(б) и РСФСР были несколько удивлены новыми нотками в голосах Троцкого и его сподвижников. Именно тогда, уже начиная с двадцатого года, Ильич поставил вопрос о форме объединения советских республик в единое государство, де-факто, конечно, уже имевшее место быть. Вопрос с государственно-юридичес-

кой стороны ставился следующим: единое государство должно территориально, географически и геополитически*, используя только что появившийся в Европе термин, стать восприемником царской России; при декларированном равенстве всех входящих народов негласно, что называется «не называя по имени», ведущей должна стать великорусская нация в самом тесном культурно-этническом союзе с Украиной и Белоруссией. Самым сложным оказался вроде бы второстепенный момент: форма учета фактора многонациональности населения страны. Тем более, что при царях как-то все само собой обходилось, не акцентировалось, сложностей не доставляло. Это показала, кстати говоря, Империалистическая война: даже не подлежащие воинской повинности мусульмане Северного Кавказа, Причерноморья и Нахичевани, нынешнего Азербайджана, действительно добровольно всю войну сражались в составе Дикой дивизии и ряда других формирований.

И в Гражданскую этих же кавказцев без особых усилий 11-я Красная армия замирила. Единственное восстание в шестнадцатом году подняли казахи, когда десять тысяч их поверстали в стройбат на прокладку мурманской железной дороги.

В решении этого-то вопроса в проекте создания СССР мне пришлось участвовать напрямую: как наркомнацу. Причем в тесном контакте с руководством Украины, Белоруссии, За-

---

* Данный термин, равно как и наука геополитика, принадлежит генералу Карлу Хаусхоферу, в двадцатые годы послу Германии в Японии; ему приписывают политическое учительство Гитлера и соавторство «Майн кампф». — Прим. авт.

кавказской Федерации и Туркестана. И даже они, вроде как «по представительству», тот же Петровский, заинтересованные в сохранении де-юре титульности национальностей своих республик, с удивлением отмечали новые лейтмотивы в песнях Троцкого.

Действительно, этот певец всемирной революции, не хуже как Киплинг — певец британской империи, над которой не заходит солнце, еще не отойдя от проектов советизации Польши, Прибалтики, Турции и Персии, не говоря о Европе, продолжая твердить о скорой Мировой советской социалистической республике, где нет, говоря библейскими словами, «ни еллина, ни иудея», а есть только пролетариат и малосознательное пока крестьянство, вдруг поддержал чисто теоретический лозунг о праве наций на самоопределение.

Уже и Ильич о нем несколько вяло и неуверенно вспоминал, оговариваясь, что практика — критерий истинности. Кстати говоря, вне всякого сомнения Ильич был прав — и похоже даже несколько гордился этим — с отделением Финляндии, которую он сам отпустил, и Польши: баба с возу — кобыле легче. Другое дело Прибалтика — почти закрыла нам «окно в Европу». О Финляндии уже мне в тридцатых годах пришлось сожалеть: слишком лихо Ильич подмахнул жалованную грамоту финским парламентариям, не помыслив в суете первых после-октябрьских дней о будущих стратегических интересах СССР. А надо было бы ему даже в той суете-спешке выслушать мнения военных и промышленных специалистов. Они много чего знали наперед.

...Расхлебывать же пришлось мне. Тяжелой военной кампанией отбирать от «Финляндии по-ленински» Выборг и острова на входе в Финский залив — плацдарм обороны Ленинграда и всего Северо-Запада, дождавшись договора с Рейхом. А вот Петсамо с выходом Суоми к Баренцеву морю, нынешние Печенгу, Никель и Заполярный, мы миром с Маннергеймом получили только в сорок четвертом. А в тридцатых годах пришлось в невероятных усилиях разрабатывать норильский никель — металл войны и тяжелой промышленности, химии тоже, вместо того, чтобы с десятикратно меньшими затратами ресурсов и времени, при действующей мурманской железной дороге, при мягком гольфстримовском климате (на 70-й широте!) и незамерзающем море наладить производство никеля и многих других полиметаллов в Петсамо! Маху дал Ильич. Вместо нас северофинским никелем почти всю войну питалась немецкая промышленность вооружений... Миром с Германией перед войной вернули и Прибалтику. Польша же она и есть Польша — сплошные хлопоты в любом ее политическом качестве.

Но как Иудушка вцепился в это исчерпанное себя, уже полузабытое право наций на самоопределение? Зная прекрасно его прагматизм, лихо маскируемый революционной разухабистостью, многие наивные решили: поддерживая союзный характер будущей политической организации страны, Троцкий ищет себе союзников в лице республиканских руководителей. Отчасти так и было, но только через два-три десятилетия начали проявляться истинные причины столь резкого поворота всемирного интернационалиста к такой решитель-

ной защите права наций на самоопределение. При этом, извиваясь ужом, порой и полностью противное этому говорил, а истинные свои намерения доводил окольно, через клеветов.

Сам же Лейба в то время как бы растроился, в трех лицах представал. Одно лицо поделовому обещало республиканским руководителям максимальную их полноту власти в своих гетманствах, княжествах и ханствах. Здесь он обрел союзников.

Другим же ликом сатаны в необязательных ситуациях туманно вспоминал об интернациональном единстве будущей советской страны и приоритете общего советского, социалистического перед узконациональным, местечковым, центробежным.

Но наибольшее коварство исходило от третьего ликоявления Антихриста: дескать, страна наша уже есть единой, навсегда останется фактически такой, социализм советский нерушим, никому и в голову из нормальных людей не придет требовать какой-то самостоятельности и отделения. А республиканское союзное устройство — всего лишь формальность*, скорее

---

* Не так много времени утекло от бурных словесных, но порой и танково-расстрельных событий рождения молодой российской демократии. А баталии на съездах и заседаниях Думы сутками транслировались по радио и ТВ всей страны. Вспоминается, как в таком режиме «онлайн» решался вопрос о наименовании нового государства: Россия или Российская Федерация. Поначалу проголосовали за первое. Но тут в бой ринулись «звезды» этой самой демократии, которые едва не с рыданием убеждали переголосовать за второе: дескать, все это чистая формальность, но не будут обижены представители «ста языцей». — Прим. авт.

нужная не нам, а для примера зарубежным пролетариям и трудовому крестьянству, изнывавшему под гнетом капитала. И принятая нами политическая форма государственного устройства будет зовущим маяком для них. То есть, на самом деле, чисто формальное право на отделение на деле тотчас обернется правом на вступление в СССР других государств, становящихся социалистическими, число которых... Здесь Иудушка, извернувшись вокруг себя семикратно, садился на своего всемирно-революционного конька, с которого его сбить уже невозможно.

...Хм-м, добровольное вступление. Дождешься. Это Прибалтика с ее лимитрофами, Западная Белоруссия и Украина, Закарпатье со Львовом и Бессарабия добровольно вступили? Хорошо без войны, воспользовались мы ловко и вовремя германско-польской войной, а Антонеску поскрипел вставными зубами, но стерпел: другой расклад в Европе наступил в тридцать девятом году. Даже ничейную Туву в сороковых годах из-за ее урановых залежей заняли при ворчании аборигенов. Хотя и числилась, как и Монголия, за нами по разряду народной республики.

Я же до последнего настаивал только на культурной автономии, но слишком малую — по сравнению с Троцким и Зиновьевым — роль я тогда исполнял. Пришлось в итоге и мне состоржничать и рукоплескать образованию СССР в троцкистском варианте. Говорят, грузины люди по натуре вспльчивые, оттого грубые, неуживчивые с соседями, а потому не могущие вести тонкой политики. Хм-м, будь у меня тогда побольше силенок, не гляди без оглядки в рот

слабеющему Ильичу лучшие мои сподвижники Фрунзе и Орджоникидзе, так и можно было бы вместо «права на самоопределение» провести мою культурную автономию. А это мною была задумана большая хитрость. На пользу стране в будущем, конечно.

Ту же Украину, подначенную националистами от Грушевского до Петлюры на «самостоятельность и независимость», с полным правом и даже поддержкой всего ее населения легко было развести, раздробить на пяток этих самых автономий: от русского Донбасса и вообще Новороссии до присоединенных в тридцать девятом Прикарпатья и Закарпатья. Пара десятков лет таких автономий — и никто, никто уже не вздумает поднять знамена с лозунгом единой и неделимой Украины.

То же самое со Средней Азией: разбить Туркестан по границам бывших ханств, эмиратов и оазисов. А вот Закавказскую Федерацию следовало бы сохранить как единое культурно-автономно-территориальное образование. Учитывая христианско-мусульманскую перемеживаемость *ЗСФСР*, историческую неуживчивость и взаимное недоверие закавказских народов и племен, различный их культурно-цивилизационный уровень, можно бы было вечно играть на этих противоречиях в рамках некоей наднациональной культурной автономии, конечно, без — упаси боже — конфликтов. И твердо при этом знать: никогда они друг с другом не договорятся в таком серьезном деле как попытка отсоединения от *СССР*. Да такая мысль вряд ли у здравых людей в Закавказье появится, учитывая наши хорошие отношения в двадцатые годы

с кемалистской Турцией и иранским шахом — историческими врагами армян и грузин. Да еще имея в тылу протурецких азербайджанцев.

Увы, с таким умным противником, как Троцкий, не имея достаточных сил и поддержки, не получилось. Да и Лейба мигом разгадал все мои «грузинские тонкости». Мигом натравил на меня своих газетных и политических шавок с бронбойным аргументом: мол, великодержавный шовинист Сталин вознамерился воссоздать самодержавную империю с закабалением и угнетением национальной окраины русским народом - природным черносотенцем! Такое в те годы трудно было отбить.

С момента образования СССР самой потаенной мыслью, из тех, что не доверяются собственной фуражке, является упразднение союзных республик, допуская только культурную автономию. Чтобы и мыслей никаких не возникало, отказаться даже от наименований типа АССР; вообще изъять внутреннее наименование «республика».

В конце Отечественной войны, точнее в сорок четвертом году, когда исход войны стал совершенно ясен, и Красная Армия вышла к границам, наступил самый удобный момент для трансформации СССР просто в Советскую Социалистическую Республику, а еще лучше и конкретнее: Советская Россия.

Действительно, ни до этого, ни сейчас, а скорее всего, и в ближайшие пять-семь лет (дожить бы!), более удобного момента не случилось. Не случится... Не случится?

Ах, как же я не воспользовался этим моментом? Всеобщее, главное, искреннее принятие

нашим народом нового государственного устройства обеспечено.— На фоне выигрываемой Великой войны, боевой и трудовой сплоченности всех народов и наций страны, даже некоторая перемешанность их в результате эвакуаций, потоков беженцев, рассредоточения по Востоку страны — от Волги и Урала — промышленности. Все, все играло нам на руку в Великом Объединении Страны.

К тому же наступила черед переименований во всех отраслях жизни: в армии, в политическом устройстве, в государственном руководстве. Погоны офицеров, избрание церковного патриарха, роспуск Коминтерна, готовящееся изменение названия партии... Все это подготовило народ — и без того отвлеченный величайшим напряжением войны от внешних атрибутов любого характера — к замене условного уже республиканского деления к чисто географическому зонированию. И царьки советские за время войны поутихли. Наступило время, о котором когда-то сочинял в семинарии и писал стихи:

*Ты в черном небе — и светлее стало.
Сияй, лучами бледными — играй
И светом ровным, словно покрывало,
С любовью озари мой отчий край!*

И кто бы возразил мне, маршалу скорой Победы! Даже не Сталину-человеку, но *символу Сталину!* Это многого стоит. А за обоснованием такого судьбоносного решения, причем не надуманного, а выверенного жизнью и историей, дело не станет. *Советская Россия* есть высшее развитие социального государства, в

котором понятие нации уже практически подменено понятием «единого советского народа».*

Оставалось только сделать шаг, например, к микрофону всесоюзного радио. И уже был близок к этому шагу. Если и остались в стране последние троцкисты, то ни слова не промчат. Не то что от страха перед ведомством Лаврентия, а от страха перед собственным голосом, собственными мыслями. Даже набело — не начерно! — продумал будущее административно-территориальное деление Советской России. Понятно, не забыв «включить» в нее, кроме границ тридцать девятого года, Восточную Пруссию, бывшее финское Петсамо, может, и Шпицберген, на Востоке — Сахалин, Курилы, Порт-Артур, часть Маньчжурии, также, может, Корею и Хоккайдо... И на Средиземном море бессрочно арендуемые под базы Средиземноморской флотилии территории — Триполитания, анклав на Кипре, в Югославии и Албании. Что касается неисконных наших территорий и баз — здесь бабушка надвое сказала; все зависит от того, успеют ли до окончания Второй войны американцы запустить в дело атомную бомбу или не успеют. Лаврентий огорчает: близки уже к испытанию, империалисты.

А само деление, не мудрствуя лукаво, представил с учетом как опыта Российской империи, так и новых реалий середины двадцатого века.

Во-первых, не просто разминировать троц-

---

* Это сталинское определение, естественно, не ссылаясь на источник, далее в варианте «новая общность — советский народ» приняли в качестве политической идиомы Хрущев и — особенно — Брежнев. Увы, это уже были только слова. — Прим. авт.

кистскую подкладку, но так тщательно продумать форму административного деления, чтобы не то что мину к ней подвести было невозможно, но чтобы она, эта форма, сама выполняла функции постоянно действующего миноискателя.

А во-вторых, как хороший хозяин по той или иной нужде-необходимости переустраивая свой дом и двор, прежде всего улучшают это свое хозяйство, делая жизнь своей большой семьи лучше, сытнее, чем раньше было, так и я, мысленно переустраивая карту страны, за основу держал практическую пользу — не только в политическом отношении, но экономическом, социальном.

*Да, воспарит душа поэта,
Ведь сердце бьется неспроста:
Я верю, что надежда эта
Сильна, божественна, чиста!*

РУССКИЙ НАРОД ВЕЛИК, ПОКА ЕГО ЕЩЕ НЕ ИСПОРТИЛИ

*Коль, тьмой кромешной истомленный,
Вернешься в скорбный край родной
И в полном мраке, изумленный,
Узришь луч солнца золотой...*

Вот такой золотой луч надежды все мы узрели в мае сорок пятого: половина европейской части страны в разрухе, жертвы войны неисчислимы, но впервые СССР уже никто не угрожает. А Берия с Курчатовым скоро обещают и «атомную точку над «и» поставить в нашем равновесии с миром капитализма.

И как уже всем известное, никаких возра-

жений и сомнений не вызывающее, выслушал на приеме наш генералитет мой знаменитый тост за русский народ. Но я утаил его окончание: русский народ велик, пока его еще не испортили. Не тот момент был, не тот контекст.

Вот на русский народ я и рассчитывал, до географических названий и городов продумывая, как идеалисты Томас Мор или Кампанелла, будущее устройство Советской России.

Даже социалистическое, многонациональное и — главное — интернациональное по духу и букве государство немислимо без государствообразующего народа, нации. Те же США, фактически являясь котлом, в котором переплавились едва ли не все нации мира — европейские, азиатские, африканские, имеют реальную, хотя и не декларируемую, титульную нацию. Даже две: английскую и ирландскую. Да еще итальянская мафия впридачу. Таково требование, категорический императив, говоря диалектически, движение истории. Таким оно и останется; по крайней мере в ближайшие век-полтора. О более долгих временах человеку не дано знать, но скорее всего сбудутся слова наивного в политике будущего времени идеалиста — героя «Поднятой целины» Михаила Александровича: все на Земле станут одинаковыми, этакими смугленькими.

Но до предвещанных мудрым казаком Шолоховым «времени смугленьких» (слава богу, это уже без меня) далековато. А нам те же диалектика и истмат сами повелели без обсуждений считать титульной нацией русскую. Даже не по преобладающей численности в стране, что, конечно, существенно, а по тем качествам, о которых я говорил в том историческом тосте...

Хм-м, вот, товарищ Сталин, уже, не стесняясь, себя в историю записываешь? Не себя записываю, а Вождя-символа. Это все-таки различные понятия. Хотя и единоперсонифицированные.

Так в чем же избранность русского народа, что позволяет нам на него безоговорочно надеяться в деле верховенства сейчас, в СССР, а тем более в запланированной Советской России? У наших врагов, прежде всего у троцкистских последышей, ответ, конечно, однозначен: русские по исторической натуре рабы, ста лет еще не минуло с отмены крепостного права. А раб в душе — холуй, прихлебатель и может существовать только под дубиной хозяина. Того же царя, а сейчас тирана, кровожадного Сталина...

Что ж, иного от них мы не ждали и не ждем. В том числе и за эти пакостные, оскорбительные для полутораста миллионов русских людей, высказывания получил Лейба Искарриот по шапке. В прямом смысле.

Русский народ никогда рабом не был. Он был и остается, исключая четверть века капитализации и столыпинского окулачивания на рубеже веков, не рабом, но общинником! И крепостное состояние, которое длилось-то всего триста лет — по сравнению с европейским рабством длиной за тысячу лет, являлось все тем же общинным. Поэтому не мы изобрели коллективизацию в двадцатых-тридцатых годах. Мы вернулись к ней после столыпинского безумия, когда этот вешатель захотел вместо либеральных помещиков второй половины прошлого века навязать крестьянам изуверов — эксплуататоров-кулаков.

А так мы все «слизали» с крестьянской

общины: колхоз — это сельская община и есть, общее пахотное хозяйство помещика и свой надел. Правда, для создания товарного сельхозпроизводства этот надел сокращен до сада-огорода. Председатель — это помещик или его управляющий. Предсельсовета — староста. Только, с учетом корректив социалистического строя, колхоз кормит страну прямо, а не опосредованно через помещика, который тоже кормит государство, империю натуральным налогом и продажей зерна. То есть, мы просто ликвидировали промежуточное звено — частнособственнического помещика.

Конечно, наш агитпроп не даром свой хлеб с маслом ест. Выполняя еще ленинский и троцкистский заказ, так расписали ужасы царизма и крепостничества, что сами эти слова иначе как ругательными новыми поколениями и не воспринимаются. Так надо было, да и сейчас пока к месту.

На самом же деле помещик нес прямую ответственность за своих крестьян. И обязанность их кормить из резервных запасов в годы неурожая. Кстати (не для агитпропа!), поэтому за всю историю России не отмечено ничего похожего на голод двадцатых годов в Поволжье и на Украине. — А вот этот-то голод как раз и есть следствие столыпинского разрушения общины! Вот как аукнулось-то... Да все равно спишут на советскую власть, на меня.

...И как ни силился наш вездесущий агитпроп в поисках ужасов крепостничества, но кроме гневных писаний шестидесятников-либералов вроде Добролюбова и Писарева только одну Салтычиху и выискал. Но ведь от сума-

спешших и помещичье сословие не заказано? А потом Екатерина с ней посуровее, чем помещица со своими крестьянами, обошлась: гнить до своего столетнего возраста в тюремной яме!

Итак, общинность — стержень жизни русского народа. Эта общинность-коллективизм естественно в период «царской индустриализации» в 1880—1900-е годы был перенесен бывшими крестьянами на заводы-фабрики. А в армии и флоте он никогда и не прекращался. В этой всеобщей общинности и залог успеха Октябрьской революции, причина столь скорого нашего перехода в социальное государство.

Но не только общинность-коллективизм. Хотя это основное. Великое качество русского, патриархального в своей основе, характера — его неиссякаемое терпение. Это я особо и искренне — от души отметил в том тосте. Не от пресловутого «рабства» это терпение, а от трудности постепенного, но уверенного освоения и обживания территории 1/6 мировой суши. Причем большая ее часть, как говорил Тимирязев, есть зона рискованного земледелия. Здесь наскоком не возьмешь, только упорным, терпеливым трудом, плоды которого, весьма скромные к тому же, начнут пожинать даже не внуки, а далекие правнуки.

Из коллективизма и терпеливости, чудным образом сочетаясь, вытекают порой — но только на первый взгляд! — и противоречивые качества русского народа: миролюбие и воинская доблесть, степенность и ловкость в делах, не требующих промедления. Здесь же добродушие и «злость на работу», ярость в бою; детская доверчивость и осторожность, недоверчивость к

новому и непонятному; трезвый расчет и срывная разухабистость: эх, пропадай моя телега, все четыре колеса! Одна на этом свете живем! Но при этом действенны пословицы, чисто русские: пьяный проспится — дурак никогда; пьян да умен — два угодия в нем. Истовая вера в бога (это о прежних временах) и упрощенное отношение к обрядовой стороне.

Вот этот момент кому как не мне знать: бывшему кандидату в православные попы, а теперь, вроде, и главному атеисту в мире.

И еще: природный ум и сообразительность, разумный скептицизм, выраженное нестяжательство. Наконец, русский народ, включая сюда украинцев и белорусов, самый образованный, а теперь и самый грамотный в массе своей в стране.

В будущей, надеюсь, не столь и далекой, Советской России именно русский народ будет государствообразующим. Особо мы декларировать не намерены, но и фигурой умолчания это не станет...

Однако — от самоочевидного на сегодняшний день к моим, пока только моим, планам внутреннего устройства Советской России — преемника славного, увы, требующего «ремонта», Советского Союза.

...Новая структура устройства нашей страны пришла в голову еще в тридцать втором году в Сочи, где в июле был в отпуске. Помнится, получил от Кагановича и Молотова весьма неприятную — для отпускного настроения — шифрограмму о росте хищений на транспорте. Ответил резко и по делу, а чтобы отвлечься и скоротать неожиданный дождливый вечер, взял

в руки книжку по занимательной математике Перельмана, днем купленную в местном когизе для Васьки-лодыря. Полистал и наткнулся на картинку листа Мёбиуса. Заинтересовался и внимательно прочитал пояснения в тексте. И подумалось: вот таким и должно выглядеть устройство нашей страны. Вроде разные стороны ее устройства не сливаются друг с другом во времени и пространстве, но в то же время постоянно переходят друг в друга, образуют в целом единое, самодостаточное, внутренне полностью согласованное — без разрезов, без деления на части.

Да-да, именно таким и должно выглядеть устройство новой Советской страны — Советской России!

Итак, все же никаких республик, только области. Даже края, как самоназвания, ликвидировать и в области перевести. Чтобы ни малейшего намека на какие-либо национальные, этнические консолидации в виде теперешних АССР, национальных округов в составе краев. Но при полном равноправии, или, лукаво говоря: при полном приоритетном равноправии.

А «лист Мёбиуса» суть одновременное, но не совпадающее в границах, деление территории страны как административное — области, военное — округа и промышленное — экономические зоны. В мирное время последнее есть основное. И здесь я опять же «слизал» с учебника географии Российской империи, по которому учился в семинарии; во время последних трех русских царей наличествовало некоторое условное деление: «пространство мануфактурное», «пространство степное» и так далее. А мы сде-

лаем уже четкое, экономически выверенное деление страны на промышленно-сельскохозяйственные округа.*

Все эти три деления должны, разумно, конечно, пересекаться, чтобы в каждой местности, городе... вплоть до деревень, одновременно присутствовали три власти: административная, промышленно-сельскохозяйственно-экономическая и военно-мобилизационная, причем центры этих властей не должны совпадать. Ну, естественно, и партийное руководство... но здесь у меня другие мысли, осторожное осуществление которых я начал на XIX съезде.

Кстати, этот «лист Мёбиуса» должен быть основательно просчитан совместно Генпланом, Генштабом и Верховным Советом. Ввиду важности, сложности и ответственности задачи создадим авторитетную, главное — умную, рабочую группу. Глушко из Киева поможет с расчетной техникой; без нее здесь не обойтись. И пора вообще заканчивать этот спектакль с «кибернетикой — проституткой империализма», начатый ушедшими в конце тридцатых годов в подполье троцкистами. Собаки, сумели под Ежова подставить целые институты, особенно харьковский, работавшие успешно по вычислительной технике. Весь мир над нами смеется. А ведь, не будь этих происков, сейчас бы не наши академии и профессора по-английски читали

---

* Эту мысль Сталин не раз высказывал в неофициальных беседах с руководством страны. Отсюда понятно, откуда Хрущев, не имевший ни одной своей здоровой мысли, взял идею совнархозов. Естественно, извратив ее и доведя до абсурда.— Прим. авт.

«Кибернетику» Винера^{*}, как говорил мне Вавилов, а западники по-русски или в спешном переводе изучали работы Глушко и «Тектологию» Богданова-Малиновского, истинного основоположника всего этого дела. Хотя его Ильич и припечатал как следует в своем «Материализме и эмпириокритицизме»...

Впрочем, инструкции Академии наук и агитпропу, чтобы поумерили свой пыл, уже даны. Так что скоро те же самые авторы-популяризаторы^{**}, что тискали брошюры про «проститутку империализма», уже выпустят новые: «Кибернетика — чудо социализма». Поганцы, конечно, но хлеб свой отработывают. Как это... кривизну, каюсь, давал, но только следуя линии партии.

Да, да, именно «лист» этого немчуры Мёбиуса Августа Фердинанда. По прикидкам получается, что число областей следует ограничить 60—70-ю, сохранив в том же виде только традиционные области-губернии Европейской России, а остальные — на юго-западе, Кавказе и в Средней Азии укрупнив. При этом исхитриться области на нынешних административных границах РСФСР с Белоруссией, Прибалтикой, Украиной, среднеазиатскими республиками, отчасти на Кавказе с той и другой стороны объединить. Таким образом между той же «русской» областью и областью с преобладающим украинским, белорусским, казахским населением расположится некая буферная — уже со смешан-

---

^{*} Первое издание вышло в США в 1948 году, Массачусетский технологический институт.— Прим. авт.

^{**} Такие и появились, сам в руках «разнополярные» книжки держал.— Прим. авт.

ным в одном административном подчинении населением. Как говорится: ни вашим, ни нашим.

По мнению военных, но не в связи, конечно, с планами трансформации СССР в Советскую Россию, в изменившихся после Второй мировой войны условиях поля боя число военных округов также следует сократить: не более пяти-шести в Европейской России, один в Средней Азии и два-три в Сибири и Приморье. Понятно, что флоты также сохраняют статус особых военных округов: сам флот и вся его инфраструктура.

По промышленно-экономическим районам Госплан недавно выкладки сделал. Но нужно и подкорректировать в соотношении с административным и военным делениями.

...Мечты, мечты, а ведь все могло стать реальностью уже в сорок четвертом. Здесь, каюсь, совершил ошибку, не учел всей хитрости империалистов и окормляющихся у них троцкистов — уже международного характера. И подловили меня хитрюги Рузвельт и Черчилль классически, поставив вопрос о создании международной организации, объединяющей... словом, создании ООН с продекларированными широкими полномочиями по обузданию возможных агрессоров и взаимной поддержки. И чтобы я окончательно попался в эти сети, предложили равноправное представительство всех наших союзных республик.

Разумеется, роль этой организации я почувствовал — предтеча уже не столь далекого единого империалистического правления миром, но что мне оставалось делать? Я все же не один в стране и в мире живу, чтобы отвечать

только за себя; отказаться, имея в виду преобразование СССР в Советскую Россию, от шестнадцати мест в ООН против тогдашнего всего капиталистического мира? Меня никто не поймет. А империалисты, поняв что я разгадал их тайный маневр, еще и на заговор международной изоляции нашей страны пойдут; это нам в то тяжелое время было вовсе ни к чему. Скрепя зубами, пришлось отложить великое преобразование страны. Теперь же пора это сделать. И я уже начал; первая «артподготовка» — XIX съезд партии с постепенным ослаблением партноменклатуры. Главное здесь — добиться перелома. И если меня за это не убьют, то путь к Советской России открытым станет.

...Но нужно думать и о более отдаленном будущем. Перекроить страну не так уж и сложно, намного труднее предохранить ее от перерождения пока еще не испорченной государственнообразующей, русской нации в этакого «среднеевропейца», еще хуже — «среднеамериканца». Без русского народа, какой он сейчас есть, хоть каждый год перекраивай страну — ничего уже не поможет.

А испортить такой доверчивый народ совсем просто; троцкисты на службе мирового империализма это хорошо знают. Русский народ нельзя покорить силой оружия, испортить его нрав и характер самыми тяжкими испытаниями и жизненными трудностями. Лесть и притворное восхищение его величием, пресловутой «загадочной русской душой» тоже не подействует. Даже спойть не удастся, ибо опять же: пьяный проспится, дурак никогда.

Одна опасность: все тот же проклятый био-

логический инстинкт частнособственничества. Как мы ни крепко загнали его в кувшин, выдерживающий давление в миллион атмосфер, но хитрож... троцкисты и его могут откупорить и выпустить джина. Прием прост: искусить народ сытостью и вещиизмом — а там и до алчности недалеко.

ОПЫТ ЦАРЕЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ; КАВКАЗ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ; НА ОКРАИНАХ СОВЕТСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Иной язвительно, как тот же Иудушка на заседаниях Совнаркома, скажет в том смысле: откуда это грузин Сталин так распрекрасно знает все тонкости русского характера? А оттого грузин по национальности, но русский душой Иосиф Джугашвили так хорошо знает государствообразующий народ страны, что ему есть с кем этот народ сопоставить. Ибо по жизни и по первой своей должности наркомнаца не менее хорошо узнал все другие народы и национальности России. Даже сибирские реликтовые племена в ссылках повидал.

Избави бог сравнивать национальности с позиций городской мещанки или купчика-лабазника: дескать, русские все пьяницы, цыгане — воры, евреи — торгоши и ростовщики, поляки спесивые и вздорные, хохлы упрямее дуба, а румынды — слащавые плясуны. Хотя, конечно, в той же просвещенной Европе не только бюргеры и мелочные торговцы, но и авторитетные люди, с мировой известностью, не стесняются в

этом вопросе. Как тот же Стендаль: «Все итальянцы певцы и предатели». А уж Ницше, даже со скидкой на его клиническое сумасшествие? — «В других частях света есть обезьяны, а в Европе есть французы».

Но почему-то принято именно русских именовать черносотенцами. Впрочем, это-то как раз понятно: кличку эту для русских распропагандировали Троцкий, ненавистник русских, и отчасти Ильич, тоже, как сложный полукровка, не всегда объективно отзывавшийся о титульной нации: до революции и после ее.

Глупый и недальновидный сравнивает нации по их недостаткам, а умный — по достоинствам. Это я перефразировал своего первого серьезного учителя жизни, семинарского отца Иракия. Только он поучал нас в части ненужности сравнения верований. Жора Гурджиев особенно грешил этим.

Самой историей суждено было русскому народу стать главенствующим на 1/6 части суши. Но и здесь *наш народ* оказался ни на кого в мире не похожим. Везде — главенствующий народ командует, распоряжается другими, ему подчиненными. Не говоря уж о европейских колониальных империях. И только русский народ, направляя другие нации в составе единого государства — не метрополии с колониями! — остается равным с ними, а то и добровольно проигрывая им в материальном плане. Так было при царях, а сейчас мы и вовсе активно цивилизуем все сто с лишком «языков», приближая их к себе, к Европе. Впрочем, заговорился, Европа теперь нам не указ.

А то, что агитпроп и учебники истории по

троцкисту Покровскому продолжают и сейчас горячиться об эксплуатации самодержавием окраинных народов, это пока нужно. Чем дальше будем уходить во времени от царей, тем меньше будем и говорить об этом. В тридцатые годы мы уже поправили основное: убрали из пропаганды и образования злобные определения русского народа как черносотенца, самодержавного холопа, помогающего царю эксплуатировать несчастные народы и племена окраин. Более того, агитпроп ограничился просто определением угнетающего народы самодержавия. Обобщенно все народы, что подразумевает и эксплуатируемый русский народ. Так пока надо.

Детски доверчивый наш народ в революции слишком дословно принял лозунг об отречении от старого мира. Да еще Гражданская война пролитой кровью отринула далеко недавнюю историю России. Но главный вклад здесь внесли, конечно, Иудушка с сотоварищи. Отсюда и предельный максимализм. А у пролеткультовцев до полного идиотизма доведенный: сбросим Пушкина с корабля истории!

Но в учебниках-то и в горячительных митинговых речах можно и несложно от всего отречься, считать что и человек, хомо сапиенс, появился в природе в октябре семнадцатого года. По старому стилю, по юлианскому календарю. И вообще хомо сапиенс — выдумка империалистов, а после мамонтов сразу, минуя эволюцию Дарвина, на свет явился хомо советикус в матросском бушлате, перепоясанном пулеметными лентами от «максима» выделки Патронного и Оружейного заводов в Туле...

На деле же даже диалектические законы от-

рицания отрицания и качественного скачка действуют только при условии непрерывности движения истории. Это и есть гелелевско-марксова спираль непрерывного развития, где каждый последующий виток суть повторение предыдущего, но на более высоком уровне развития.

Потому-то мы и наломали немало дров в двадцатые годы и в национальном вопросе, отринув напрочь громадный опыт царской России — первопроходца в этом непростом деле.

Взять ту же Среднюю Азию, Туркестан. До начала тридцатых годов Ворошилов целую армию гонял за басмачами. У нас уже ДнепрогЭС и заводы-гиганты строят, сельское хозяйство на индустриальный путь поставлено, вся страна учится в школах и институтах, а там, в песках, дикость и кровь, Средние века. По утрам рота красноармейцев окружает кишлак, ставят в шеренгу всех дехкан, велят штаны спустить. У кого зад красный, потертый — значит басмач, всю ночь на коне скакал. Им выйти из шеренги — и под расстрельные дула трехлинеек. А к вечеру уже все мужики кишлака в басмачах.

Здесь и мы в Кремле затылки начали чесать, вспоминать «проклятое прошлое», как Александр Третий замирил Туркестан с его Геок-Тепе, Бухару и Коканд и накрепко к империи присоединил. Рецепт оказался простой. Пара образцовых сражений, взятие Геок-Тепе, и вот уже туркмены дают Белому царю клятву в верности, а рота текинцев в чалмах и полосатых халатах, с саблями наголо перевозится в Петербург и становится личной охраной императора. В Геок-Тепе, в Бухаре, Хиве и Коканде вовсе без крови продолжает править свой хан

или эмир с гаремами, визирями и нукерами, гнущими спины дехканами. Как и сто, двести, две тысячи лет назад.

Более того, ханы и эмиры получают от Белого царя генеральские погоны на халаты, визири — полковничьи. Ханы и эмиры к своим юбилеям награждаются из Петербурга орденами Российской империи, только — с учетом политкорректности — сделанные по спецзаказу: кресты на них заменены восьмиконечными звездами, одинаково почитаемыми христианами и мусульманами. Эмир же бухарский в ответ шлет питерским министрам и военачальникам свои, бухарские звезды. Каждая размером с десертную тарелку.

Все довольны. Ханы и эмиры царствуют лениво — ибо воевать друг с другом теперь Белый царь не велит, да и надоело все сражаться из-за щедрых оазисов со времен Чингисхана и Тамерлана. Доволен и император: подбрюшье государства обросло солидным брюшком Средней Азии, куда уже не сунется алчная до чужого «англичанка». А в самой бывшей азиатской глухомани жизнь закипела: строятся шоссе и проектируется Турксиб (здесь цари не успели построить), возникают новые города с русским населением, крепости на границах с Персией и Афганистаном. Азиатские купцы — уже постоянные участники главнейших русских ярмарок, а наши — русские и татарские — налаживают плантации хлопка, который тысячами пудов везут в Иваново-Вознесенск. Готовый же текстиль, ситец, штапель и сатин продается во всех лавках Бухары, Хивы, Коканда...

Тысячами устремились в Азию, особенно в Бухару, из опустылевшей «черты оседлости» евреи; на новых местах они крепко берут в свои руки мелочную и магазинную торговлю, аптечное дело, живописно оживляя прежде дикие и пустынные городки. Жизнь кипит, все — азиаты разных национальностей, русские по гражданской и военной службам, приосанившиеся бывшие местечковые евреи, местные, русские, татарские оптовые купцы — довольны. И никаких никому национальных споров, разногласий и разночтений.

...Вот этот опыт удачный вспомнили мы в Кремле и порешили на малом Совнаркоме принять за образец стахановский. По-стахановски (заврался, Стаханов тогда еще не прославился) закончить басмачество в Туркестане, а главное — отсечь английскую агентуру и ихний форин-офис, без денег и посулов которого басмачество бы и не появилось.

Короче говоря, через «степной телеграф» довели до каждого главбасмача в пределах запланированных среднеазиатских республик и областей: либо вы со своими нукерами переходите на службу советской власти, оставаясь в правах руководителей на территориях влияния, или мы пошлем для отработки бомбометания Красный воздушный флот и армию, усиленную танками.

Одновременно командированные по своему ведомству муллы из Казани обрабатывали тамошних своих коллег, окормляющих басмачей. Главное — всех убедили в серьезности наших намерений и бесперспективности надежд на посулы англичан.

И случилось почти чудо. Через самый короткий период басмачество как класс исчезло. Как в тумане растаяло. Бывшие курбан-баши и алибек-ханы, в Казахстане старшие и младшие султаны, люди по-азиатски сметливые на практическую выгоду, мигом обменяли свои маузеры с дарственными надписями от короля Георга на партбилеты и должности первых секретарей обкомов и горкомов, облачились в европейскую одежду. Для контроля над ними и реальной работы вторыми секретарями и председателями обкомов поставили командированных партийцев и специалистов из центра. Как шолоховских двадцатипятипятитысячников. Кстати, и «тысячников» — партработников, агрономов, инженеров и хозяйственников туда же достаточно направили спешным порядком выводить Азию из феодализма в социализм. Турксиб и новостройки первых пятилеток довершили дело преобразования.

Главное, все хорошо в Москве продумали. Не оставили без работы начсостав и рядовых бойцов-нукеров бывшего басмаческого войска. Коль скоро они в своих воинских упражнениях подзабыли дехканское дело, то поверстали в милицейские. Даже писарей и толмачей не забыли: создали из них народную интеллигенцию. А наиболее задумчивых и мечтательных произвели в акыны и исторические сочинители. Когда Горький организовал Союз писателей СССР, то из них же и местные, республиканские союзы собрали. Сейчас уже заматерели, галстуки повязали, бостоновые костюмы надели. Кто-то уже в классики записался, на лацкане имеют звезды Героев соцтруда. Трехтомниками к юбилеям уже

брезгают, заявки на полные собрания поэм и исторических романов про эпоху халифата и борьбу с басмачеством — так сказать, из первых рук — в Гослитиздат направляют. Толстые журналы редактируют.

Кстати, зарубку в памяти: надо позвонить Фадееву, пусть по линии Союза писателей и кураторов из ЦК и Верховного Совета разберутся с азиатскими писательскими организациями: все ли там в порядке, надо кого поддержать, а кто левизну-правизну дают с намеком на национализм — тех пожурить, а то и намекнуть на несоответствие принципам интернационализма и соцреализма.

...Все же с Азией проще: и народ там в основе своей земледельческий, да и в одной орде батыевой довольно вместе пожил. Другое дело Кавказ, особенно Северный. Проще намного с Закавказьем. Христианские Грузия и Армения достаточно цивилизованы, да и мы поработали там еще до революции хорошо. И Баку — интернациональный город, почти что колыбель революции в Закавказье. Здесь тоже начали с царского опыта замирения, да еще как успешно! Истинно по-стахановски. Три царя полвека с лишком кавказскую войну вели, а наша 11-я армия за полтора года все решила с минимальными потерями. С обеих, что главное, сторон. Своих надо щадить, даже если порой тот за кинжал хватается. Нам с ними дальше вместе жить, а главное — воевать против внешнего врага. Потому и с наградами в одиннадцатой армии не щедро было: не беляки ведь, не Ан-

танта*, а свои заблудшие, да еще подначенные агентурой той же «англичанки» зло...чей, грузинскими меньшевиками, нахичеванскими мусаватистами и даже дашнаками. Вот уж где политика выше национальных, тем более религиозных интересов! — Это о дашнаках.

И другой, уже универсальный царский опыт на Кавказе использовали: хотя там царьков еще при Втором и Третьем Александрях мягко от власти отстранили, заменив русскими генерал-губернаторами, но тоже сделали реверанс. Но втихую: местные и так знают, а сторонним это ни к чему. На Кавказ люди отдыхать приезжают, альпинисты на Эльбрус там... Их на экскурсию ведут на местный винзавод, представляют им директора Джанибекова, Героя соцтруда, депутата и так далее. Джанибеков смущается, поправляет галстук, что-то говорит о соцсоревновании. Ушли растроганные экскурсанты из Челябинска, премированные за это самое соцсоревнование месячной курортной поездкой. А к директору винзавода с низкими поклонами вошли на планерку начальники цехов и бригад: «Дозволь войти, уважаемый Исмаил Джанибекхан, окажи нам милость тебя лицезреть и потревожить нашими глупыми докуками?» — «Заходите и по делу говорите. А ты, парторг хренов, опять не по чину себе долю на складе готовой продукции пробовал установить?» — Опустил долу глаза парторг, трепеща перед

---

* Увы, другие времена, другие нравы. В нынешние обе Чеченские войны с наградами, в отличие от скромных успехов «федералов», как раз дело обстояло хорошо. Только один генерал отказался от звезды Героя... — Прим. авт.

гневом Джанибекова — из старейшего княжеского рода Кавказа.

И так далее. Свои тонкости — от царева опыта — в Закавказье, особенно в Грузии. Захапали сколько могли: Мингрелию и Аджарию, Абхазию и Южную Осетию через Серго Орджоникидзе и других московских земляков. И меня в неудобное положение в годы нацаркоматства не раз ставили. А-а, уж Грузию-то с ее аппетитами, раздрайством и малоуживчивым с чужаками характером, вне всякого сомнения на меня спишут.

Восток — дело тонкое, а Кавказ, полу-Европа, полу-Азия, — дело не только сверхтонкое, но еще и дикое. И долго таким будет. Главное, гордятся своей дикостью: Дикая дивизия, дикая красота гор... Все же Закавказье — это почти цивилизация. С местным колоритом, разумеется. Опять же кое-на-что глаза приходится закрывать. Для общего дела и блага. А вот с собственно Кавказом царского опыта уже не хватает: век другой, страна и вовсе другая.

Еще с Серго в свое время долго головы ломали и вроде правильную стратегию нашли. Условно разделить Кавказ на три зоны по преобладающему характеру населения и промышленно-сельскохозяйственной ориентации. Проще всего с Осетией: народ православный и незазнобистый, более всего почетным считают службу в Красной Армии. О сепаратизме и не помышляют. Следует там хорошо поставить образование и сельхозобрабатывающую промышленность. Другое там проблематично развивать. Южную Осетию с основной, Северной, смысла соединять никакого: хребтом разделены, ника-

кой естественной связи. Это уж им исторически не повезло. Дело далекого будущего.

Вторая зона — Дагестан. Тем тоже неплохо: аварцы и даргинцы по своей численности, географии и предприимчивости там полностью правят бал. И, главное, крепко помнят клятву аварца Шамиля, данную царю в плену: никогда больше с русскими не воевать! Поэтому прикаспийский Дагестан, аварский и даргинский, индустриализовать по-серьезному, вплоть до машиностроения военного... А все эти мелкие горные народцы, вроде лакцев и табасаранцев, пусть живут ремесленничеством, сельским хозяйством и фольклором.

Третья зона и главная зубная боль: Чечня, Ингушетия, кабардинцы с балкарцами, адыги и черкесы... Особенно первые; эти вайнахи и самито чужаки на Кавказе. Академик Мар точно доказал, что по языку они из арабов и пришли на Кавказ из Иордании, когда все долины здесь уже были заняты. Только горы остались. Отсюда и характер у них сложился такой: воинственный, жесткий, нацеленный на добычу у соседей. А как иначе, если на горах ничего не растет, даже деревья на дрова надо по ночам в долинах воровски спиливать и к себе в аул поднимать.

До войны мы много чего перепробовали в этой зоне: чем занять полезным, ликвидировать все их бесконечные раздоры и исторические обиды. Определенных успехов достигли. Но, увы, война, как химическая лакмусовая бумажка, все наши недочеты выявила. Наши недоработки и упрощенный подход как раз к этой части Кавказа. Разумеется, их и крымцев выселение в Казахстан было необходимой и оправдан-

ной мерой. Правильнее — заслуженным наказанием. Иначе бы советский народ нас не понял, память миллионов и миллионов погибших возопила бы. Таковы войны двадцатого века, тем более — войны идеологические. Здесь либо мы их, либо они нас. Они нас — под корень! Поэтому и массовое предательство должно быть наказано. Даже если и невинные пострадают. Иначе нельзя было. Даже если мы в лице выселенных народов и нажили еще больших врагов, чем они нам стали во время предательства. С другой стороны важно посмотреть. Допустим, заменили бы мы массовые выселения наказанием предателей по факту. Их бы много набралось. А не больше бы мы эти народы таким массовым, но уже уголовным наказанием ожесточили? Вот в чем, вот в чем вопрос-то. В итоге выселением мы смягчили приговор явным предателям и пособникам немцев. Точно также мы поволжских немцев в прямом смысле переселением в Сибирь и Казахстан спасли. Спасли от неизбежности возможного выбора. Подумайте? — Гитлеровцы все же переходят на другой берег Волги под Сталинградом, занимают Энгельс, ставят своим соплеменникам выбор: принять германское подданство и влиться всем от восемнадцати до пятидесяти лет в дивизии вермахта, или под расстрельные дула? Поволжские немцы все это прекрасно поняли и зла на Кремль не держат... Но и нам ведь в дальнейшем это все расхлебывать.

Здесь царский опыт с массовыми переселениями поляков после очередных их восстаний в Сибирь не работает. Поляки, при всей их исторической вздорности характера, европейский

народ и даже славяне. В итоге они ассимилировались, даже повысили общий культурный уровень сибирского населения России. А кавказцы не смешиваются с аборигенами. Но ведь пройдет время, уже другие их поколения вырастут. Что-то они по-новому поймут, обида — с их точки зрения — поутихнет. Рано или поздно будут они возвращены на Кавказ. Но все равно это тоже мина замедленного действия. Особенно у вайнахов, особенно у чеченов. Ингуши, все же, более толерантны, да и к торговле склонны. А торговые нации к войнам и бунтам не привычны. Хотя бы ради своей торговой выгоды и возможности этим заниматься и жить.

...Ведь более или менее массовые выселения были проведены и в отношении западных украинцев. Но это скорее для их же пользы, чтобы отсечь от бандеровцев. Да и выселяли их в Центральную Россию, в промышленные города, где после войны была огромная нехватка рабочих рук. Давали им подъемные, строили целые пригородные поселки. Назад они сами уже не поедут, активно ассимилируются.

Но в отношении всей Украины в целом царский опыт тот, насильственный опыт русифицирования, запрета преподавания родного языка, то есть, малороссийского говора, близкого к южнорусскому диалекту, нам не подходит. И население, как в той же Франции или Италии, и выработанное разделение по географии проживания и историческим корням... — словом, здесь вопрос может быть решен только и одновременно с преобразованием СССР в Советскую Россию.

Другие народы и нации страны тоже внимания требуют, но скорее в сторону их циви-

лизования и подтягивания к общему уровню страны.

**«ЗАПАД ЕСТЬ ЗАПАД, ВОСТОК
ЕСТЬ ВОСТОК»:
НАШИ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ;
ПРОДОЛЖИТЬ ЭКСПАНСИЮ
АЛЕКСАНДРА III НА ВОСТОК**

*Твоя любовь к народу негасима,
И крепче этих уз на свете нет:
И в гордом сердце каждого грузина
Тебе воздвигнут памятник, поэт!*

— К чему это я вспомнил свое юношеское? А-а, стихи посвящены Эристави, а этот князь-поэт, как и Редьярд Киплинг, тоже размышлял о соотношении Запада и Востока, говоря об отчизне своей, Грузии. Когда-то и моей. Но и сейчас Восток и Запад я «делю» по Эристави, хотя он и князь, то есть, по агитпропу «эксплуататор трудящихся масс». Правда, на Кавказе далеко не все массы перетрудились. Раньше и сейчас. Опять же местный колорит: большинство пуп свой на непосильной работе надирать не хотят, а потому довольствуются — и вполне искренне — малым, но достаточно необходимым. Здесь грузины марку держат выше всех. Чем-то они на русских в этой нестяжательской философии похожи. Может, по причине одного и того же византийского православия? Только русским судьба-история и достаточно необходимого никогда не давала, и пуп надирать всегда велела. Грузии проще — с трех сторон горами закрыта от мира, а после Георги-

евского трактата «дружескими штыками» русских и четвертую — от персов — закрыли. Вот и расслабились.

А Эристави и Киплинг, действительно, с разных колоколен на границу Востока и Запада смотрели. Наш агитпроп ловко слямзил у серьезных исследователей-литературоведов, своих и зарубежных, основной лейтмотив «певца английского империализма»: Запад — суть обобщенная метрополия, среди которых главная — Англия, которая кнутом и пряником приобщает дикарей всего мира к цивилизации. Восток же, следуя давним и отжившим свое традициям, неразумно порой сопротивляется. Иногда поэтому приходится и сипаев привязывать к стволам пушек и разрывать на части, и миллионы «боксеров» в Китае полным интернационалом колонизаторов, даже Россия туда по глупости Николашки сунулась, перестрелять и перетопить. И много всяких других чудес наворотить.

Но это в крайнем случае, или когда торопиться надо: чтобы конкуренты по колонизации дорогу не перешли. Но чаще срабатывает пряник, то есть, деньги и должности в колониальной администрации. Очень туземцы уважают блеск золота и чиновничьи мундиры!

Вот все это и воспел Киплинг, романтик колониализма. И талантливо, сукин сын, воспел! Нашим домотканым Демьянам Бедным и европейски лощеным Эренбургам до него тыщу верст шагать и не дошагать...

Мы же Запад и Восток не противопоставляем друг другу, но объединяем. Ибо сами есть Евразия. Здесь мы опять же, но в условиях социального государства, продолжаем — вольно

ли, невольно? — традицию прежней, царской России. Ибо она не являла собой классическую колониальную империю хотя бы потому, что у нее не было заморских территорий. А в единой территории, той 1/6 части света, не было как такового деления на метрополию, колонии и доминионы. Даже ту же автономную Финляндию сложно доминионом было назвать. Хотя финны имели свой сейм, чеканили свою монету, пели свой гимн. Таковыми же не являлись среднеазиатские ханства и эмираты. Аналоги же африканских и азиатских колоний вообще трудно было отыскать.

Совсем смешно: если условно разделить Российскую империю по Уралу на Запад-Восток, то получится, что Восток, то есть, Сибирь и Приморье, исключая малочисленные реликтовые племена, являются самыми русскими этнически (?!).

В СССР же даже смешно говорить о противостоянии или различии Востока и Запада. Особенно после Отечественной войны — великого перемещения промышленности и людей.

То есть говорить о западно-восточной специфике (это как «Западно-восточный диван» у Гёте...) в сегодняшней нашей стране есть заведомая глупость. Или враждебные происки извечных наших врагов-троцкистов. Про западную пропаганду и говорить, что против ветра...

Но вопрос о Востоке-Западе и у нас имеется, но в другом смысле: о наших сферах влияния, приоритетах, как любит выражаться Куусинен — подцепил где-то словечко! Эти сферы есть у нас на Западе и Востоке. Даже и на

Юге, если иметь в виду Иран* и Афганистан. Даже на Севере, в Арктике — баренцбургские концессии «Арктикугля» на Шпицбергене.

Оставим в стороне Юг и Север — это чисто экономическое, деловое. Конечно, далеко не без этого и на Западе-Востоке, но в современном устройстве мира понятие сферы влияния прежде всего созвучно с политикой и идеологией. Здесь перефразируем Киплинга: «Запад есть запад, восток есть восток, но их соединил Советский Союз». Не в рифму, конечно, не в ритм, зато справедливо и конкретно. То есть, после войны мы сделали реальностью уже не одну страну, хотя бы и самую большую в мире, но систему социализма.

Это, конечно, замечательный удар по мировому капитализму. В определенной степени мы встали на путь марксовой теории о всемирности перехода к социализму. Точнее, с учетом реальности сегодняшнего дня, мы «притянули» Маркса к практическому исполнению его умозрительных предначертаний. Тем самым убедились и других убедили: марксизм не догма, а вечно живое учение! То, что раньше являлось плакатным девизом, сейчас стало рабочим руководством к достижению цели.

Конечно, не просто нам дали сферы влияния на Востоке, но вот Запад — через боль-

---

* Еще по договору двадцатых годов с Реза-шахом Пехлеви и негласному соглашению с Англией о разграничении сфер влияния в Иране, северные его нефтеразработки «работали» на СССР. Этот договор действовал до самой «перестройки» в СССР.— Прим. авт.

шую кровь и, как бы сказал профессор Коновалов из «кремлевки», через ущемление всех наших нервов. И если кровь литься закончилась, то нервы и сейчас напряжены. Неизвестно, сколько это напряжение будет длиться, сколько нервов постоянно будет защемлено почище всяких остеохондрозов. Это не только к Коновалову относится...

Европа, Европа... Даже Восточная, Южная, почти вся в «сумме» славянская и православная; или славянская, но не православная, как Польша, Чехословакия, часть Югославии; или православная, но не славянская, как Румыния; или не та и не другая: ГДР, Венгрия, Албания. Очень ненадежные союзники. Во-первых, до осознания будущности социализма они не доросли, исключая *наших* немцев. Социализм мы им, прямо и честно говоря, навязали. А так они только-только после Первой мировой войны, после обретения своей местечковой самостоятельности в результате разрушения континентальных монархий, почувствовали вкус мелкопомещанского частнособственничества, необременительного для самих себя полукомфортного существования в роли «санитарного кордона». Так бы они и после Второй войны жили-поживали, умело подыгрывая соседям — по карте географической — справа и слева, но мы им подкузьмили.

Во-вторых и в силу первого, все они тотчас сели нам на шею, особенно в части сырья и энергоресурсов. Да еще мы вынуждены освободить их от бремени расходов на вооружение и

содержать на свой же кошт полуторамиллионную Советскую Армию на их территории.

В-третьих, что, пожалуй, наиболее серьезно и непредсказуемо: все эти восточные страны соцлагеря, неважно, славяне-неславяне, православные-неправославные, исторически и геополитически, даже этногенетически, не ориентированны на Россию. Именно даже не СССР, а Россию в ее ближней и дальней судьбе-истории. Опять же исключая Восточную Германию и югославскую Сербию.

Про Польшу и говорить нечего — вечная «еще Польшка не сгинела, но дала уже душок». А душок этот — патологическая неприязнь ко всему русскому — как имперскому, так и просто национальному. Головы гонористых поляков гложет обида за все сразу: дошли до Кремля в Смутное время, но не удержались; сто с лишним лет в составе Империи с многочисленными разгромами бунтов и восстаний; советско-польская война по инициативе Троцкого, пакт Риббентропа — Молотова. Да мало ли чего еще? По-человечески их, поляков, можно понять: пепел Клааса жжет сердце и душу... Понять можно, но нам от этого не легче.

Ладно, Польша с ее гонористыми пановьями сама пятьсот лет золупалась на Россию, но вот с мадьярами нехорошо получилось. И все вина недалекого умом «властителя слабого и лукавого» Александра Первого, что после блестяще проведенной Кутузовым и его славными генералами кампании 1812—14 годов позволил лисе Меттерниху завлечь себя в Священный тройственный союз. В итоге русским

армиям ни за что, ни про что пришлось не раз колошматить венгров за их попытки, вполне обоснованные, отсоединиться от опеки Габсбургов. И за это нажили себе кровных врагов, кстати, самых верных союзников Рейха в войне против нас. Достаточно вспомнить двухлетнее сражение со Второй венгерской армией за Воронеж. Правда, всю эту армию и уничтожили под корень. Опять — понять можно, но и от этого не легче.

Про румынов и говорить нечего. Как-то наловчились они любую войну начинать на одной стороне, заканчивать на противоположной. Вот даже несовершеннолетнему Михаю-королю пришлось орден Победы дать... А за пакт 39-го года они поставили Гитлеру две вполне боеспособные армии. Проще с Чехословакией; не зря Энгельс чехов называл славянскими немцами. Сложнее с Югославией, пока там Тито. Но и без него не проще будет. Хм-м, надо же: умудрились в своей истории из одного народа, из сербиян, сделать по конфессиональным признакам целых три! И все друг друга ненавидят.

Эх, что тут говорить! По-своему прав Мао Цзедун, что советовал мне больше смотреть в восточную сторону; дескать, европейские союзники предадут при первом удобном случае. Мудрый Мао прав, хотя, как истинный китаец, и здесь хитрит в свою сторону.

Восток — дело тонкое, как говорил император Александр Третий. Но там нет исторической неприязни к нам. Опять же там руководитель — обязательно Вождь. И такие там хорошо подобрались: сам Мао, Ким Ир Сен и Нгуен

Ай Куок.* Многожды умен и хитер по-азиатски Мао Цзедун. И правильную стратегию избрал; во многом и нас послушался еще в тридцатых годах. Не имел того влияния, что генералиссимус Чан Кайши — а кто в Китае знал тогда о КПК? Зато у всех на устах и в умах был Гоминьдан, особенно после Наньчанского восстания** — Мао со своей 8-й армией всю войну 30—40-х годов с японцами отсиживался на Севере, в горах Синьцзяна, экипируясь и вооружаясь поставками из СССР, за что расплатился, не имея, правда, тогда никакой власти в стране, с нами в сорок третьем году Тувой. А сам избрал тактику той обезьяны, что следит с высоты дерева за смертельной схваткой двух зверей, чтобы потом добить обескровленного победителя. Что и сделал, с нашей помощью, с Чан Кайши, почти два десятилетия противостоявшем

---

* После того как в 1945 году он возглавил Демократическую Республику Вьетнам, стал известен во всем мире как президент ДРВ Хо Ши Мин — прежний партийный псевдоним, в переводе с вьетнамского — «умудренный». С 1935 по 1941 гг. работал в Коминтерне, по заданию которого в 41-м году вернулся на родину, где возглавил борьбу с японскими оккупантами. Южный Вьетнам к концу Второй мировой войны был занят войсками Гоминьдана. По договоренности ДРВ (то есть СССР) с Францией под предлогом окончательного разгрома японцев во Вьетнаме гоминьдановские войска были заменены французскими. Они и провозгласили марионеточную империю (с 1948 по 1956 гг.) во главе с императором Бао-Дай. — Прим. авт.

** Восстание 1927-го года с центром в юго-восточном Наньчане стало началом организованной борьбы Гоминьдана, отчасти КПК, с японцами. В современном Китае Наньчан — единственный в стране Город-Герой. — Прим. авт.

японским милитаристам-захватчикам. Загнал остатки Гоминьдана на Тайвань.

Мао слишком многим нам обязан, во многом и сейчас от нас зависит. Так что полтора-два десятка лет с Китаем хлопот не будет. Но не больше. Может и меньше. Слишком долго Поднебесная прозябала в уничижении, а потом ее полумиллиардному населению понадобится новая территория... какому полумиллиардному? Уже, скорее всего, миллиардному. А такая территории есть только на севере от Великой Китайской стены. Но какое-то время у нас в запасе имеется, однако уже сейчас надо стратегически мыслить в отношении Китая.

Мао Цзедун, едва провозгласив Народную Республику, понемногу, но все увереннее начал нагнать, в частности, в отношении Порт-Артура и всего Квантунского полуострова. Хотя в договоре о тридцатилетней аренде сорок пятого года все четко оговорили, но в пятидесятом и в прошлом годах добились-таки не мытьем, так катаньем китайцы совместного военного базирования. И на своих географических картах уже не Порт-Артур ставят, а Люйшунь, как эта деревенька до 1898-го года именовалась... Востро ухо с этими азиатами надо держать. Тем более — *своими* азиатами!

И проще, но одновременно сложнее с *нашей* Кореей. Все-таки Ким Ир Сен — капитан Советской Армии из небольшого гарнизона в Хабаровском крае и берет пока «под козырек», но слишком прямолинеен, упрямый как истинный кореец. А ему надо ведь вышибать американцев с Юга страны, а это он сейчас неаккуратно делает, все надеясь на халяву: нашу, китайскую.

Потом надо учитывать и национальный характер корейцев. Это типа наших сибиряков: тоже от ссыльных из средневекового Китая на полуостров тогда полуостров родословную ведут.

...Мы вот Кима из Хабаровска в Корею привезли, а американцы Ли Сын Мана: советский капитан против мелкого американского лавочника. Вот так и делается рукотворная история в наше время.

Надежнее всех старый коминтерновец Нгуен; впрочем теперь он уже Хо Ши Мином зовется. И правильно. Это как светский человек, переходя в монахи, изменяет свое имя, так и революционеры должны делать: был Джугашвили — стал Сталин. Символика таких переименований очевидна: как монах отрекается переменной имени от грешного, мелкого, суетного в прежней жизни, так и революционер, становясь Вождем, уже не прежний человек с его слабостями и неровностями характера, но человек-символ. И массам не нужно слишком много знать о его бывшей, тем более нынешней личной жизни.

Товарищ Мао, конечно, пальцем в небо попал, говоря мне об ориентации на Восток. Сами с усами, хм-м, знаем с начала прошлого века, с русской Аляски и Калифорнии. Но окончательно своей госполитикой, геополитикой эту стратегию России обосновал и провозгласил Александр Третий. Совершенно верно он понял: будущее — и даже настоящее — России не на Западе, не в Европе, органически нас не приемлющей, но на Востоке.

Наш агитпроп об этом разумно помалкивает, чтобы быка красной тряпкой не дразнить.

Вернее, быков: троцкистов, американских империалистов, опять же наших нынешних дальневосточных союзников. Начало же у императора Александра было великолепным; даже по инерции этот натиск на Восток, в Тихоокеанский бассейн продолжался и в первые годы по воцарению Николая. Какой энергией тогда все дышало? — *КВЖД* и протекторат над Манчжурией и Кореей, база Тихоокеанского флота в Порт-Артуре и Дальнем, само становление нашего флота на Дальнем Востоке. Но и Александр не на пустом месте начинал. Те же Аляска и Калифорния... Жаль не удержали. Но здесь не было резона сталкиваться лбами с *САСШ*, набирающими большую силу. Кстати, впервые тогда Россия столкнулась с главной силой капитализма — деньгами, которыми американцы купили за уступку Русской Америки императорских министров и даже великого князя Константина!*

А экспедиция русских военных кораблей и захват Сандвичевых островов во времена колонизации Аляски и Калифорнии? Правда, их оттуда быстро вышибли те же американцы. А вот Александр Третий действовал умнее: сначала Манчжурия, Порт-Артур, Корея. В это же время разведка Генерального штаба активно «процупывает» Филиппины и голландскую Индонезию. Как это наш агитпроп в школьных учебниках трогательно сочиняет про бескорыст-

---

* См.: Яшин А. А. Ешьте крабов. Публицистика 2007-го года. Литературоведение. — М.: «Московский Парнас», 2008. — 256 с. (Очерк «Что имеем, то не ценим... К началу разбазаривания русских земель»). — Прим. авт.

ного путешественника-этнографа Миклухо-Маклая? — Полковника генштаба, главы русской резидентуры в Индонезии... Еще раз повторяю.

Все испортил Николашка Кровавый. Не сомневаюсь, что хотя его ритуально и расстреляли с семейством в Ипатьевском доме по приказу Троцкого его клеветы — но это их манера со времен Французской революции эффектно завершать разрушение империй, — однако, может, и придет время, не при мне, конечно, когда те же последыши Лейбы будут умильными слезами-соплями портретики Николая обливаться. В истории масонства и тайного мироправления и не такие «чудеса» случались.

Испортил же своей глупостью именно в том смысле, что поддался на провокации Японии и начал неподготовленную войну на поражение, но даже не дал себе труда подумать или выслушать умных людей из политиков и военных: а кому это было нужно? Конечно, ни Японии, которая тогда тоже статистом оказалась, ни кайзеру, на которого все пробовали свалить. Не допер, последыш романовский, что это руководимая исподволь Америкой Антанта готовит из России мальчика для битья, источник пушечного мяса для ее геополитического столкновения с германскими государствами и предписанного мировым масонством уничтожения последних трех империй континентальной Европы. В итоге лишились всех достижений России на Дальнем Востоке за прошлый век.

Нам пришлось все начинать заново. Все утраченное вернули в сорок пятом. Не удалось из-за американской бомбы Хоккайдо взять. Но может, это и к лучшему. Все одно море стало

нашим внутренним. По сравнению с царем Александром Александровичем мы продвинулись намного дальше — это про сферы влияния: Китай, северные Корея и Вьетнам. К сожалению, натиск на тихоокеанские острова и архипелаги теперь невозможен: *США* там утвердились накрепко. Поэтому двигаться надо в Индокитай: Лаос, Камбоджа, Таиланд — вот направление «главного удара». Средства? — Как говорится, деньги наши, идеи — Маркса и Ленина, солдаты — китайские. Отчасти могут быть и вьетнамскими.

Даже оставляя аппендикс Сингапур-Малайзия англо-американцам, его так просто не возьмешь, все равно стратегическая цель осуществима: включить в свою сферу через Китай, Индокитай и собственно Индию, а также Иран, практически всю Азию. Это уже большая стратегия: две трети населения мира — вместе с *СССР* и Восточной Европой — и большая половина суши. Также Индийский океан и солидная полоса Тихого от Берингова пролива до пролива Молукского, причем полоса, определяющая экономику и геополитику Тихоокеанского бассейна в Старом свете. Но сколько это нам стоит будет? Все азиаты — и узкоглазые, и индийские арийцы — все деньги всему на свете предпочитают. Особенно Индия нам будет дорого стоить. Во сколько один Бхилайский проект обойдется? — Никаким чаем и слонами для зоопарков они с нами не расплатятся. Вот на днях сюда, на дачу, приедет их посол: чего опять сверх договорного попросит?

Это наша важнейшая задача по расширению сферы влияния на Востоке на ближние два де-

сятка лет. Говоря языком агитпропа: расширение мировой системы социализма. Китай в этой нашей стратегии играет двойную, увы, полярную роль. С одной стороны, социалистическая Поднебесная — стержень нашей азиатской, обходной по океанам, стратегии. С другой — надо очень осторожно вести китайскую политику, ибо уже через не очень далекие годы Китай возьмет курс на свою, единодержавную роль в мировой политике.

Лучше пока голову не забивать. Нужные службы уже все прослеживают. Даром хлеб с маслом или икрой у нас не едят.

ПОЛИТЭКОНОМИЯ И ГЕОПОЛИТИКА; ДВУХПОЛЯРНЫЙ МИР

Если бы руководимая Америкой Антанта дважды за полвека не сталкивала нас лбами с Германией, с которой у нас не было, нет и не будет никогда предметов раздора, то умом немцев можно нелицеприятно восхищаться. Даже два главных и определяющих учения двадцатого века создали два же немецких Карла. Политэкономии сформировал автор «Капитала», а геополитику — возможный редактор «Майн кампф», генерал Карл Хаусхофер.

Самое существенное, что роль этих двух «политик» из чисто умозрительных теорий неуклонно возрастала по мере деления мира на противостоящие стороны: наш социалистический лагерь и отживающий свое, но еще очень крепкий капитализм во главе с Америкой. И опять же наше невольное сходство с немцами: все

другие народы и страны спокойно живут без политэкономии, а мы с нашими недавними злейшими врагами заснуть без нее не можем. Да еще каждый в своем отечестве-фатерлянде без конца свару устраивает по тонкостям политэкономических законов.

Тут азарт задали немцы еще в прошлом веке: Энгельс с Дюрингом так сцепились, что начали бабахать друг друга толстенными томами: я вот тебя «Анти-Дюрингом», камрад Евгений! А я тебя, камрад Фридрих, приложением критики твоего социализма-коммунизма к своему труду*!

Сейчас немцам, восточным и западным, не до политэкономии... точнее, западным. За восточных мы подумаем. Но у нас самих всего год назад с небольшим как отгремела ноябрьская дискуссия пятьдесят первого года по политэкономии социализма. Как всегда, пришлось самому все в свои руки брать. Порой приходится скрывать раздражение: для чего у нас Академия наук и куча академических, отраслевых экономических институтов? И учебных институтов тоже. Ведь не только свои лекции студентам в той же «плехановке» профессора талдычат? За всех должен товарищ Сталин думать. За одних уже фюрер думал... Чем закончилось — хорошо известно.

А всего-то и требовалось понятным языком растолковать: законы политэкономии одинаковы

---

* Евгений Дюринг. Курс национальной и социальной экономики с включением наставления к изучению и критике теории народного хозяйства и социализма: Пер. с нем.— СПб.: Изд-во Шредера, 1893.— 556 с.— Первое издание на русском языке.— Прим. авт.

для капитализма и социализма. И советская власть не в силах отменить их и создать новые взамен. Но вот, следуя этим законам, «заглушать» одни, не работающие на социализм, и усиливать действие других, отвечающих социальной идее, — это и есть наша задача. Кстати, успешно нами решаемая. В этом-то, в отличие от естествознания, и состоит особенность общественно-экономических наук и теорий: их законы не вечны, действуют в течение отведенного им исторического периода. Затем они уступают место новым законам, но при этом никак не отменяются директивно, а просто теряют свою силу в новых условиях. Такова и политэкономия.

То есть, и основные законы политэкономии капитализма, как то: закон стоимости, товарное производство, даже — в определенном смысле — прибавочная стоимость, действуют и при социализме, но в совершенно иной ипостаси и «работают» на социализм. И не могут, как утверждают неопытные товарищи, вновь повернуть нас к капитализму, поскольку здесь ему поставлена непреодолимая преграда: полное упразднение частной собственности на средства производства и общенародный характер этого производства. Даже колхоз, являясь кооперативной собственностью, защищен от перерождения в фольварк или кулацкое хозяйство, поскольку в колхозе частной собственности нет и не будет.

И второй существенный момент: формальный подход многих товарищей к изучению политэкономии — слепое цитирование Маркса. Но при этом напрочь забывают, что Маркс создал политэкономия капитализма, чтобы дать практикам социализма знание тех приемов, которыми

капиталисты эксплуатируют пролетариат города и деревни, целые подчиненные им колонии и слаборазвитые страны. Создать же теорию, политэкономия социализма он не успел, дав только ее наброски в «Критике Готской программы».

Третий же момент в той недавней дискуссии особо никто не выпячивал, хотя соответствующий вопрос так и витал в воздухе залов заседаний: практика построения у нас в стране социализма намного опередила теорию, то есть политэкономия. Именно поэтому потребовалась дискуссия с широким ее освещением в печати, с общественным резонансом. Поэтому остро встал вопрос о проекте учебника политэкономии социализма. Правильнее и честнее — нужно ее создать — политэкономия нового общества. Я так и повторил дважды в выступлении на дискуссии: *«Без теории нам нельзя»*.

Вроде как все и всем ясно, но как преодолеть ортодоксальный марксизм, который в части политэкономии совершенно не соответствует нашей широкой практике социального строительства? Но преодолеть это нужно и как можно скорее. Ибо уже через пять-десять лет это выйдет нам боком. Из-за отсутствия новой экономической теории мы можем потерять, снизить ныне наш высокий, по сравнению с капитализмом, темп развития.

...И опять я не могу, не имею права сказать открыто: да, товарищи, марксизм-ленинизм был, есть и навсегда останется базисом нашей теории и практики построения социализма и далее коммунизма. Этот базис суть диалектика Гегеля, политэкономия Маркса, исторический материализм Фейербаха и научно-практическое насле-

дие Ленина. На все эти замечательные учения оказались несколько позади нашей практики, устарели и уже тормозят наше движение в условиях уже де-факто развитого социализма. К сожалению и столь близкий к нам по времени и духу Ильич тоже «устарел» (между нами шепотом говоря: его «Материализм и эмпириокритицизм» сейчас смотрится достаточно.. ну-у, не слабой теорией, но все же...). Поэтому пришла пора под нашу практику создать новую теорию, не отрицающую прежние, но — новую.

Разве могу я сейчас это сказать? Тем более я не могу апеллировать к Георгу Лукачу и Антонио Грамши, еще в двадцатых-тридцатых годах заложивших, пока умозрительно, предтечу этой новой теории коммунизма, современного марксизма. Лукача наши академики-ортодоксы «от Маркса в девственной чистоте его учения» давно записали в отъявленные ревизионисты. А Грамши Муссолини, социалист и почти друг Ильича во время «революционных каникул» на Капри, надолго упрятал в тюрьму, присвоив его идеи при создании Итальянской социальной республики, сокращенно САО.

...Куда ни кинь, всюду клин.

Все что можно пока сказать — было много сказано в «Экономических проблемах социализма в СССР», написанных по итогам той самой ноябрьской дискуссии. Более того, свои замечания по проекту учебника политэкономии социализма в «Экономических проблемах» мною были совершенно разжеваны в приложениях: ответах недопонявшим суть политэкономии социализма Ноткину, Саниной и Венжеру. И во второй раз разжевано в подробной критике воз-

зрений нахала Ярошенки, заявившего: дайте мне двух помощников, а я в год-полтора сам напишу искомый учебник. Из его выступлений и реплик на дискуссии понятно, что бы он наворотил в этом единоличном учебнике... Заблудился товарищ и нахал в квадрате.

Обидно, если не сумею проконтролировать в ближайший год-два издание базового учебника. Начнется драчка за власть, не до политэкономии «наследникам» будет. Потом и вовсе забудут, а без выверенной теории в конце-концов приведут страну к экономической неразберихе и всяким сомнительным схоластиям с надергиванием цитат из «Капитала». Но и при таком раскладе страна еще продержится лет тридцать; слишком мощную базу мы успели создать.

А геополитика? Она неразрывна с политэкономией и, вообще говоря, является ее высшим развитием. Но у нас не то что партийно-хозяйственные руководители, а и академики-обществоведы такого слова-то не знают. На что умен и переимчив ко всему новому Лаврентий, но и он, скорее всего, услышав про геополитику, начнет мысленно перебирать пункты 58-й статьи... Как говорится, у каждого своя специальность. О чем же тогда разговаривать с прохиндеем Хрущевым, Маланьей-Маленковым и даже трезвым Булганиным? Это все одно, что против ветра мочиться.

Опять же у нас неувязка с теорией. С созданием мирового социалистического лагеря и разделением этого мира на две реально и потенциально противостоящие стороны геополитикой манкировать неразумно и даже опасно. Почитывали мы генерала Хаусхофера, почитывали. На-

роду пока его теории знать рановато, но переводчики цэковские у нас хлеб не задаром едят. И товарищ Сталин не зазря повышенную зарплату генералиссимуса получает, хотя всю ее и передает в фонд Сталинских премий. И, как по ведомству Лубянки и ГРУ* ставшие словоохотливыми плененные генералы вермахта рассказывали, Гитлер с Хаусхофером побили горшки, а генерал даже некоторое время побыл почетным заключенным в концлагере, — как раз по причине геополитических разногласий. Дураком-то в итоге оказался фюрер, что не послушал доводов генерала, Бормана, Розенберга и других, что поумнее, ссылавшихся на авторитет Бисмарка: «Никогда не воюйте с Россией!»

Действительно, в обеих мировых войнах Германией воспользовались. Впрочем, и Николашкиной Россией тоже. Мы же не поддавались до последнего, до половины четвертого ночи двадцать второго июня сорок первого года. Что же подделаешь, если умным немцам судьба даровала клинического психопата? А ведь умным казался, за десять лет из бардака Веймарской республики солдафона Гинденбурга сделал военно-индустриальное пугало для всей Европы. В этом-то и сущность такой психопатии, как объяснял профессор Коновалов: умный и волевой во всем, дурак в одном, но в самом главном.

Итак, уже пришло время сделать выводы из событий первой половины этого века и принять генеральную линию нашего геополитического противостояния с империалистическим миром.

---

* Главное разведывательное управление Генерального штаба. — Прим. авт.

Решить: кто главный наш враг, где направления наших и ихних главных ударов, в ком искать вольных или невольных союзников? Наконец, по Ленину, как нам наиболее выигрышно использовать внутренние противоречия в стане капитализма?

...И все это замыкается на геополитике, уже сейчас действующей науке о политической, идеологической и социально-экономической расстановке и движении противоборствующих сил. Как это перевели на русский ключевую фразу Хаусхофера? — Да-да, теория и практика движущихся границ. В наше время — границ социалистического и капиталистического лагерей.

Еще Маркс обозначил, что внутри капиталистической системы главная линия взаимных противоречий в Европе проходит по Ла-Маншу: Британия и Европа материковая. Разумеется, островной империи не справиться с целым материком, поэтому она уже не первое столетие успешно применяет свой главный принцип: разделяй и властвуй. Именно «англичанка» почти до конца девятнадцатого века держала в раздробленности Германию. А после создания «железным канцлером» Германской империи не менее успешно начала сталкивать ее с Францией из-за извечного яблока раздора: Эльзаса с Лотарингией.

Но Германия буквально на глазах набирала мощь экономическую и силу военную.казалось — а так и было на самом деле, что вся энергия немецкого народа, доселе статическая в десятках крохотных маркграфств и княжеств, слившись в единой империи, дала такой мощный всплеск, что грозил подчинить себе всю

Европу и перемахнуть через неширокий пролив на Британские острова, поглотить некогда отколовшихся от фатерлянда англосаксов.

Одной Франции, порастратившей цвет нации в наполеоновских войнах, уже не хватало для противостояния Германской империи Вильгельма Второго. Сама же Британия, даже в Индии не пачкавшая свои холеные руки, а местное население предохранявшая от бунтов наемными сипаями, явно не собиралась посылать свои дивизии и армии на Рейн, Майн и в Померанию. Для грядущих войн потребовалась гарантия второго, восточного для Германии фронта. То есть, потребовалась введомая на заклятие Россия.

Многоопытная в таких делах «англичанка» разыграла свою козырную карту быстро и ловко, благо последний из царей Романовых явно природой был задуман для иных дел, не относящихся к престолу. Спровоцированная, совершенно не нужная России и Японии война, затем французские кредиты на гашение революции 1905-го года, восстановление потопленного япошками тихоокеанского и балтийского флотов, перевооружение двухсот сухопутных полков. И все, капкан захлопнулся, Антанта приобрела второй фронт для Германии и встала на гоп-стоп. Прием воровской, сам знаю по революционной молодости, когда Камо экспроприировал тифлиссские банки на нужды партии и подпольной работы. Дело прошлое, хотя и было позарез необходимым. Царский режим, особенно после Кровавого воскресенья, был преступным. А во время совершения преступления закон не действует. Это одно из оснований римского права.

Непосредственно перед гоп-стопом на Германию Англия сделала и завершающий шаг: подключила САСШ в роли кредитора Антанты. Дальше все как по нотам. Америка финансирует, готова кабалу Старому Свету, Франция истекает кровью и травится под Верденом газами от «Фарбениндустри», Россия ни шатко, ни валко держит окопные позиции Восточного фронта. Англия, послав во Францию несколько дивизий, распределяет между союзниками американские деньги. Все при делах. Такая вот империалистическая геополитика.

Как в театре от сезона к сезону повторяется проходная пьеса, те же «Чайка» и «Три сестры» в МХАТ'е, так и во вторую войну тот же расклад с тем отличием, что мы до последнего сопротивлялись вовлечению в бойню, а Америка уже не просто банковала, но входила в роль мирового империалистического гегемона.

...И вот середина этого невеселого столетия, иная картина мира, тем более геополитическая. Теория генерала Хаусхофера на первый взгляд устарела, как у нас устарела Марксова политэкономия. Вроде как мир поделился на социалистический и капиталистический, соответственно чему и геополитика упростилась: мы разрастаемся численно и территориально, крепнем экономически... словом, наступаем на старый мир, который, как шуткуют в гниловато-интеллигентских кругах, оглядываясь по сторонам, успешно загнивает. Такая установка, исключая, конечно, «успешность загнивания», дана нашему агитпропу.

А как же противостояние «моря» и «суши» у классиков геополитики? В архив списать? Нет, разделение мира на два социально-эконо-

мических лагеря не снимает противостояния атлантистов и традиционно сухопутных евразийцев. Хотя это и похоже на какую-то мистику: геополитическое противостояние выше социально-экономических противоречий. Так получается, что в одном, континентальном лагере по признакам геополитической принадлежности могут оказаться социалистические и капиталистические страны, да? Нет, это не мистика, не чушь собачья.

Марксу такой расклад и в страшном сне не привиделся, а Ильич рекомендовал использовать в нашу пользу межимпериалистические противоречия, но и у него не возникало мысли о таком диковинном симбиозе.

Получается: с одной стороны атлантисты — Америка и Англия, жирующие на торговле, финансовых спекуляциях, вывозе капитала и производств в страны второго и третьего мира. И еще на Ближнем Востоке их форпост — Израиль — на содержании США и вечной дани с Германии. А на континенте соцлагерь от Праги и Варшавы до Пекина и Пхеньяна, а на Западе — униженная Второй мировой войной, немецкой оккупацией Франция и сведенная той же войной к ничтожеству Германия. И прочая европейская мелочь. Все они по плану Маршалла в должниках у дяди Сэма. Но пройдет время, расплатятся. И снова «суша» и «море» столкнутся между собой, ибо атлантисты в своих финансовых спекуляциях всегда будут держать континентальную Европу на вторых, хотя и почетных, ролях, что всегда будет унижать Германию и Францию, помнящих о своем давнем и недавнем прошлом. Франция — о наполеонов-

ских войнах, доведших ее до Москвы; Германия — о покоренной Гитлером Европе и бомбардировках ракетами Британии, разрушенном до основания Ковентри.

Вот здесь-то нам и не следует зевать, искать в них невольных союзников. И похоже, без всяких сантиментов, у нас есть реальная возможность этих невольных союзников обрести. С Германией у нас на руках главный козырь: треть ее, главное — Пруссия, военно-агрессивное немецкое ядро, у нас. А Западную Германию при всех раскладах мы можем сколько угодно долго этим козырем держать в невольных союзниках: политика кнута и пряника. Главное — не заиграться, не польститься на джокер, как говорят картежники.

С Францией же многие надежды сулит политика де Голля, патриота и националиста своей страны, органически не признающего американского верховенства. Но здесь дело тонкое, не очень-то предсказуемое.

...Все же, пожалуй, генерал Хаусхофер прав. Но с нашей поправкой: укрепляя и расширяя соцлагерь, мы должны максимально использовать геополитические противоречия капиталистического мира. И не забывать о наших форпостах в европейских странах, о компартиях. А они сейчас, особенно во Франции и Италии, как никогда сильны. Дай-то, бог!

Разделение современного мира на два противостоящих лагеря, как по линии социализм — капитализм, так и исторической геополитике атлантисты — континент, диалектически неизбежно. Так оно и вырисовывалось после окончания Второй мировой. Опять-таки гегелевское единст-

во и борьба противоположностей. Действительно, все мы на планете едины, как едины по месту проживания в одной избе или квартире зять и теща. И никакой половине мира не дано, да и не будет дано плюнуть на другую и улететь к чертовой матери на Марс или Венеру. Так что мечта калужского идеалиста, не хуже меня в этом качестве, о «животном космосе», увы, так мечтой и останется. По крайней мере на ближайшие десять-двадцать тысяч лет. И всем нам, белым и черным, идеалистам и скопиdomам-прагматикам, коммунистам и империалистам, жить вместе; причем чем дальше, тем это «вместе» становится все теснее и теснее.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ — НАШ ТРИУМФ; ЯПОНИЯ, ФИНЛЯНДИЯ, ИТАЛИЯ — СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ПРЕВЕНТИВНЫЕ УДАРЫ

Любой триумф предполагает долгий, а в случае войн — кровавый, путь к нему. Потому и само понятие триумфа, триумфатора возникло в Древнем Риме, государстве чисто военном.

В своей тысячелетней истории Русь, Россия не была обделена военными триумфами: разгром и полное уничтожение Хазарии Волжской Святославом, Куликовская битва и разгром тевтонов Александром Невским, Полтавская битва и завоевание Крыма Потемкиным, Итальянский поход Суворова и Отечественная война 1812-го года с последующим маршем на Париж, освобождение Балкан от турок в 1877—78 гг. и завоевание Средней Азии. Даже Брусиловский

прорыв на фоне в общем-то неудачной для Российской империи Первой мировой войны. А для Советской уже России, СССР — это победа в Гражданской войне, разгром японских милитаристов на Дальнем Востоке, освобождение Западной Украины и Белоруссии, Бессарабии.

Победа в Великой Отечественной войне — величайший триумф во всей этой тысячелетней истории страны, хотя лучше бы его не было, рассуждая по-человечески. Немыслимые жертвы, величайшее напряжение всех сил. В определенном смысле война подорвала суммарный человеческий актив советского народа, особенно русского. Ведь на войне всегда гибнет цвет нации. В исторической параллели это как с Францией после двух десятилетий наполеоновских войн; сами французы признают: они, как нация, стали совершенно другими. Наш народ другим не стал, слишком большой запас прочности у него. Но все же для восстановления этого суммарного человеческого фонда советскому, русскому народу понадобится не менее трех десятков лет, то есть два-три поколения.

Любой самодостаточно мыслящий человек, хотя таких по «биологической разрядке» весьма мало, понимает: законы исторического движения неподвластны человеку. «Ни бог, ни царь и ни герой» не в силах эти законы отменить, исправить, тем более — переписать по своему желанию. Индивидуальный или коллективный разум могут только, предугадав удачно два-три ближних хода истории, в какой-то степени использовать свои преимущества. Или недостатки своих локальных, реже — геополитических противников.

Повторим в этом смысле уже явное: если предназначенная историей цель Первой мировой войны — крушение последних и основных монархий континентальной Европы, то есть империй Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов, то Вторая мировая, уже предуказанная Первой, должна была ответить на очередной эксперимент истории: какой из «предложенных» ею вариантов социального, социалистического государства является наиболее жизненным: советский интернационализм, германский национал-социализм, то есть, нацизм, или итальянский фашизм — итальянская социальная республика Муссолини, присвоившего себе идеи Антонио Грамши. Кровавый эксперимент с полусотней миллионов жертв показал жизненность социализма в советской, интернациональной форме.

...История не профессор-исследователь, свои опыты ставит не на лабораторных собаках, как у Павлова, но на людях, на целых государствах, на всем населении земного шара. И если над государствами-негодями устраивают Нюрнбергский процесс и Суд в Токио, то история неподсудна.

Понятно, что свои эксперименты история творит не эсхатологически, хотя элементы конспирологии, масонской мистики и всего такого прочего присутствуют. Нет, опыты эти реализуются посредством совершенно реальных событий, дел, стран и лиц. Хотя тем же нашим фронтовым политрукам было сложновато объяснить бойцам, почему во встречном бою обе противоборствующие стороны сражаются неистово, до последнего патрона и солдата под одинаковыми красными знаменами. Только на одних — звезда и серп с молотом, на других — ведиче-

ский, древнеарийский символ вечности движения жизни — свастика.

Точно так же профессорам геополитики, международной экономики и взаимоотношений — в историческом ракурсе — не менее сложно всегда было объяснять своим студентам: почему дважды за первую половину двадцатого века в смертельной схватке сталкивались именно Германия и Россия? То есть, страны, на протяжении всей их истории не имевшие ровно никаких политических, экономических и любых других противостояний, главное — территориальных претензий.

Даже известный *drang nach Osten*, расширение 80-миллионной Германии, якобы задыхающейся в своих исторических границах, было явно внушено Гитлеру для сравнения с СССР. Следует «держать в уме», что фюрер — личность явно клиническая. Это отмечали такие светила психиатрии, как Бехтерев и Ганнушкин, а особенно его соотечественник Фромм. Причем клиника эта располагалась в его мозгу на границе невроза и шизофрении, что есть предэпилептоидный характер. Возможно причина этого в его ранениях и контузиях на позициях Первой мировой войны. А для таких персонажей присущи почти гениальные ходы — кто создал за десять лет Третий Рейх, завоевал всю Европу и дошел до Москвы и Волги? — Но тут же и гибельные для Германии стратегические просчеты, объединившие против нее весь мир.

Опять же для таких характеров свойственно сочетание почти демонической способности к овладению умам десятков миллионов людей и в то же время глубокой личной внушаемости. И

здесь Гитлер стал подопытным кроликом тех кукловодов, что и столкнули Рейх с СССР. Потому-то руководство СССР после пакта Молотова — Риббентропа до самого последнего момента, до двадцать второго июня надеялось, что фюрер образумится и сам не полезет в уготованную ему на Востоке петлю.

Слишком хорошо известны эти кукловоды, что втянули Российскую империю в Первую мировую, опутав ее долгами Франции и используя самого глупого из всех русских царей, и натравили Рейх на СССР, опять же сыграв на шизоидности личности Гитлера. Это все атлантисты, ныне уже и де-юре объединяющиеся в военный блок, а перед Второй мировой прежде всего мировая интриганка Англия, ведущая на поводке Америку, самую уже устремившуюся в мировые хозяева.

...Это как у нас на Балхаше, где проголодавшегося, полуслепого по природе своей свирепого тигра наводит на добычу руководящий этой зверюгой маленький камышовый кот, родной брат наших домашних Васек и Мурок.

Что же касается красных знамен с обеих сторон, то следует быть точным в названиях политических режимов наших противников в Великой Отечественной войне. Национал-социалистическая Германия Гитлера не была фашистским государством, как Италия; Рейх — нацистское государство, что, объективно говоря, намного хуже и зверинее, особенно учитывая специфику исторически сложившегося национально-немецкого характера: сочетание предельной дисциплины, исполнительности и жесткости, в крайних случаях переходящей в жестокость. Да

приплюсуем к этому историческую обиженность и обделенность Германии, до последней трети XIX века пребывавшей в раздробленности и геополитической ничтожности. А после проигрыша в Первой мировой ее и вовсе Антанта общипала: отняли немногие африканские колонии, Франция прибрала к рукам Эльзас и Лотарингию, даже Польша и Чехословакия что-то из территорий прихватили.

Фашистской же нацистскую Германию стали обыденно называть с начала тридцатых годов с легкой руки не очень политически грамотных газетчиков. Или как в первые послевоенные годы распевали эстрадные куплетисты:

*Я в Италии родился,
А в Германии закалился,
И поехал в русские края...*

Соблюдая истину, политическое определение не было нами помещено в надписи на победной медали: «*За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.*».

И еще один существенный момент, требующий точности определения. Также расхожим стало словосочетание: победа советского народа в Великой Отечественной войне. Это справедливо. Советский народ достоин такого определения, учитывая массовый героизм советских людей, их каждодневный — в течение четырех лет — воинский и трудовой подвиг.

Однако нужно быть объективным: в войне побеждает не народ, а государство, то есть, Советский Союз победил Германию, ее союзников и сателлитов, а исполнителями этой победы и был героический советский, прежде всего рус-

ский, народ. Ибо во всех революциях, в восстаниях, даже в стихийных народных выступлениях побеждает не только и не столько поднявшийся народ, но его организация. Тем более, если речь идет о войне мирового масштаба. Как настойчиво повторял в своей «Всеобщей организационной науке» Богданов, за что его не совсем справедливо упрекал в «Материализме и эмпириокритицизме» Владимир Ильич, не человек, даже не выдающаяся личность делает историю, но система, то есть социум, государство. Да, здесь наш выдающийся «эмпириокритицист» безусловно прав.

А побеждает то государство, у которого лучше системная организация и у которого больший запас в экономике, в индустрии, преимущественно военной, в социально-политическом устройстве. Такой выигрышный запас оказался у СССР, такого запаса не оказалось у «двунадесяти языков», то есть у Германии и всей совокупной с ней Европы. Это и есть убедительнейшее доказательство того, что в кровавых играх-экспериментах истории именно советская, социалистическая, интернациональная организация государства новой социально-экономической формации является первенствующей над всеми остальными. Величие Ильича и созданной им партии в том и состоит, что, будучи гением, он сверхнаитием нашел ту единственную, советскую форму организации социального государства, лишь в общих чертах продекларированную классиками марксизма, которая только и позволила сделать социализм на Земле реальностью. Позволила нам победить в величайшей войне всех времен и народов. Именно поэтому

логически верным является определение: «Победа Советского Союза над Германией, ее союзниками и сателлитами».

Не надо преувеличивать, но и преуменьшать роль в войне союзников Германии, прежде всего Румынии, Венгрии, Италии и Финляндии, которые направили против СССР вовсе не обозные подразделения, а *армии в комплектации военного времени*; некоторые даже по две армии, воевавшие, по преимуществу, не за страх, а за их, мягко говоря, своеобразную совесть. Достаточно напомнить, что полугодовое сражение за Воронеж Красная Армия вела не с гитлеровцами, а со Второй венгерской армией. Кстати, там же полностью и уничтоженной. И Одессу брали румыны. Они же и итальянские дивизии действовали на Сталинградском фронте. В Прибалтике свирепствовали дивизии СС из местного населения. И только тем фактом, что большинство из союзников и сателлитов Третьего Рейха после войны вошли в социалистический лагерь, либо проводят в отношении СССР достаточно либеральную политику, объясняется определенное «затушевывание» их неблагоприятной роли в войне в качестве приспешников Германии, губителей сотен тысяч советских людей: бойцов и мирных жителей.

...Заслуги Владимира Ильича велики, он предначертал тот единственный путь, которым мы пришли, в числе прочего, к триумфу-победе в Великой Отечественной войне. Но и военнополитическое руководство СССР в предвоенные и военные годы, следуя этим путем, оказалось на высоте. События самой войны слишком хо-

рошо известны, чтобы их заново перебирать и анализировать. Но вот о чем особо надо помнить — это об упреждающих наших ударах в предвоенные годы. Это была не агрессия «во все стороны», но продуманная военная стратегия с целью уменьшить число врагов в неизбежной большой войне.

И эта война показала абсолютную верность наших расчетов. Особенно — в отношении Японии. Полномасштабные сражения и разгром японцев при Халхин-Голе и Хасане, а также не очень широко известное уничтожение дальней бомбардировочной авиацией Тихоокеанского флота крупнейшей авиабазы на Хоккайдо, причем со всей ее инфраструктурой и полутысячью самолетов, оградили СССР от губительной для него войны на два фронта, отрезвили японских милитаристов. Здесь был и запасной ход, когда, предоставив Гоминьдану биться с японцами на востоке и юге Китая, по рекомендации советского руководства Мао Цзедун со своей Восьмой армией весь период Отечественной войны стоял заградительным заслоном в горах Северного Китая, в Синьцзяне.

Не менее значимой была и Финская кампания, да плюс к ней и наша политическая демонстрация: создание шестнадцатой, Карело-Финской союзной республики и выступления председателя финской компартии товарища Отто Вильгельмовича Куусинена на заседаниях Коминтерна о «стремлении трудового финского народа к единению с советским народом». Поскольку же бывшему генерал-адъютанту Николаю Второго, маршалу Маннергейму в самом страшном сне не привиделось стать почетным

председателем Верховного Совета расширенной на запад Карело-Финской ССР, то он свел участие Финляндии в войне против СССР до минимума: отказался перерезать стратегически важную для нашей страны Мурманскую железную дорогу, несмотря на мольбы и угрозы Гитлера, не допуская до нее и немецкие дивизии. А в блокаде Ленинграда ограничился сторожевой службой в северной части кольца, запретив использовать артиллерию и авиацию. В сорок же четвертом году сам предложил СССР сепаратный мир, разоружив и интернировав двадцать немецких дивизий, вернув Советскому Союзу Выборг и стратегические острова на выходе в Балтику, даже предоставил столицу Хельсинки под базу Балтийского флота!

Свою лепту в дело Победы внесло участие советских добровольцев в войне в Испании и разгроме советскими же войсками в Абиссинии итальянского корпуса, то есть половины армии. Памятуя об этом, Муссолини послал на Восточный фронт не армии, но лишь дивизии, а Франко и вовсе «отделался» почти символической «голубой дивизией». Хорошо вела себя Турция, до этого за двести лет четырнадцать раз воевавшая с Россией. Но это уже ленинское наследие: военно-экономическая помощь младотуркам Кемаля Ататюрка. Подлинно совесть не позволила вступить в войну и болгарскому царю Борису.

Большая военно-политическая стратегия не позволила СССР нанести превентивные удары по Румынии и Венгрии, будущим главным союзникам Гитлера на Восточном фронте. Анто-

неску и сухопутного адмирала* Хорти здесь спасли условия пакта Молотова — Риббентропа, который явился важнейшей предвоенной победой СССР в масштабе мировой политики.

Но еще более судьбоносными для грядущей нашей Победы явились «превентивные удары» по внутреннему врагу: остаткам троцкистов и недееспособной военной верхушке, зажравшейся на сомнительной славе своего участия в Гражданской войне — типа наполеончика Тухачевского, вчистую проигравшего Польскую войну, равно как и все остальные сражения, но зато блестяще расправившегося с кронштадтскими «братишками», сделавшими Октябрьскую революцию, и потравившего газами тамбовских мужиков...

...И еще мы загодя до войны воспользовались опытом царской России в Первую мировую войну: в части составления и исполнения планов эвакуации промышленности и людей на Восток.

Тяжело далась нам Великая Отечественная, неисчислимы потери и жертвы, но советский социализм победил. Поэтому наша Победа — наш триумф.

ПАКТ МОЛОТОВА–РИББЕНТРОПА: ПО ЗУБАМ АНТАНТЕ! СИОНИСТЫ, ХОЛОКОСТ, ИЗРАИЛЬ

Да, вне всякого сомнения, наш договор с Германией тридцать девятого года был круп-

---

* Это как Тимур Аркадьевич Гайдар, сын детского писателя и отец нашего «выдающегося реформатора», ныне возводимого в ранг спасателя России, что получил адмиральский чин, не выходя из редакционного кабинета газетчика в Москве. — Прим. авт.

нейшей победой СССР на политическом фронте. Мы прекрасно, с цифрами на руках, понимали: война с Рейхом — это сражение менее двухсот миллионов советских людей с 330 миллионами немцев с их союзниками; молодой, еще не полностью окрепшей индустрии против ресурсов промышленности всей Европы. И много чего другого — все не в нашу пользу.

Наш агитпроп уперто толкует, что главный итог пакта с Германией — полученная передышка в два года, что позволило подтянуть Красную Армию и военную промышленность к уровню, достаточному для противостояния с Германией, в крайнем случае чтобы выдержать первый, самый мощный удар. А именно такая стратегия и характерна для вермахта и военного мышления самого Гитлера, что и позволило ему в кратчайшие сроки завоевать всю Европу.

Что ж, это сущая полуправда — в том смысле, конечно, что это правда, но не полная. Полная же правда и наша политическая победа в пакте — мы дали по зубам Антанте! Крепко врезали и ее самую подставили под удар немцев. Причем сделали это со спокойной совестью и с полным на то моральным правом. Это вам за вскармливание гитлеризма, за натравливание Германии на СССР, за Мюнхен и сданную Гитлеру Чехословакию, доселе нашего единственного почти союзника в Восточной Европе.

Вот почему уже чертову дюжину лет, с глухим перерывом на годы нашего военного союзничества поневоле, западная пропаганда — а она намного опытнее нашего агитпропа! — не устает твердить об азиатском коварстве Сталина, захотевшего натравить Германию на цивилизованные

страны Европы, вместо того чтобы объединиться с Антантой и уничтожить... и так далее. Не сомневаюсь ни на минуту, что если и у нас примутся натаскивать мусор на мою память, то даже впереди тридцать седьмого года, впереди ГУЛАГа будут вменять в мое главное «преступление» договор товарища Молотова с партайгеноссе Риббентропом. По мнению тех и других, западных и «восточных» моих хулителей я вроде как должен был не рыпаться, не искать договоренности с Гитлером, а слушать пустопорожние обещания Антанты и петь тихие песни о мире:

*Мы славу Грузии поем!
Да будет мир в родном краю!
Учитесь, дети, и трудом
Восславьте Родину свою!*

...И допелись бы до войны с Германией на единственном фронте в Европе — на Восточном. Почему-то Европа давно уже привыкла полагать русских полными идиотами, такими легковверными простаками из лесов с медведями и развесистой клюквой. Как у Дюма-отца. Цари, что ли, их так разбаловали, все стремясь в Европу, в Европу! С немывтым рылом из азиатчины в цивилиность политесную. До Петра всякого европейца немцем кликали, пальцами на него показывали и плевали вслед, если такой чудак на Святую Русь попадал. А с Петра все и началось: либо прямое низкопоклонство, либо ту же Европу от внутренних ее драчек разводить. За спасибо, а то и вместо *спасиба* получить Крымскую войну.

А тут мы Антанту по сусалу, по зубам! Узнав о пакте, Черчилль, наверное, сигарой подавился и галлон виски выжрал. Рузвельт же пер-

вым делом схватился за арифмометр, подсчитал убытки от упущенной прибыли. Французы? — Понадеялись на совершенно глупо построенную линию Мажино при открытом-то бельгийском фланге, но внутренне похолодели: вот она, расплата за торжество восемнадцатого года и высокомерие маршала Фоша при подписании на железнодорожном полустанке пораженческого для немцев перемирия.

Конечно, политическое значение пакта было огромным и в целом предрешило исход Отечественной и всей Второй мировой войны. Но и более продекларированные стороны договора впечатляющи. Во-первых, Гитлер «подарил» нам два года, за которые мы в части подготовки к большой войне перевыполнили полную пятилетку. Особенно в постановке на серийное и массовое производство новых средств вооружения. Годы эти выдалась урожайными, поэтому мы довели почти до трехгодичной нормы стратегический запас продовольствия. Тем обиднее, что большинство складов в первые месяцы войны пришлось уничтожить, не вывозя всего — чтобы немцам не достались...

Еще за эти два года Генштаб, Управление тыла и Госплан провели гигантскую работу по разработке планов эвакуации предприятий на Восток. Еще раз царский Генштаб за невольную помощь и опыт благодарим. И на многих местах будущей эвакуации подготовили площадки и другую инфраструктуру. Понятно, что сейчас агитпроп про эти планы и подготовку помалкивает, апеллируя к трудовому подвигу народа воюющей страны. Так надо в идеологических целях.

Тем более, что «на людях» мы совсем не

афишируем экономическую сторону пакта. В этой части Молотову и его хозяйственным консультантам на переговорах были даны категорические указания: Германии сейчас мирный договор с СССР в каком-то смысле важнее, чем нам. Из этого и исходить. Так и получилось. Видимо, Риббентропу и его завхозфюрерам тоже команда была дана: особо не торговаться, уступать до разумных пределов. А результаты впечатляющими получились.

В обмен на наши нестратегические, в основном сырьевые, материалы и зерно, которого у нас в эти два года было достаточно для внутреннего потребления и экспорта, Рейх поставил в СССР нескрываемо военную технику, которой у нас еще не производили. Это прежде всего дейссовская оптика для артиллерии, броневые сплавы, тяжелое станочное и прессовое оборудование и много чего другого, включая образцы самых новейших истребителей и штурмовиков и недостроенный тяжелый крейсер. А Северный флот, единственный провоевавший до дня Победы, тогда же усилился лучшими на то время немецкими *U*-ботами, подводными лодками, что уже через год-другой после их перегона с верфей Кили в Полярный топили немецкие корабли и транспортные суда под командованием героических североморцев.* Может, и такие прослав-

---

* В 90-е годы, то есть в годы «государственного антисоветизма», уже демократический агитпроп все развернул на 180°. Мигом были написаны и изданы опусы типа «Фашистский меч ковался в СССР» авторов имярек. Конкретно эта книга посвящена подготовке летчиков люфтваффе под Липецком в конце 20-х годов, что было запрещено Веймарской республике.— Прим. авт.

ленные командиры, как Фисанович, Лунин и Гаджиев, воевали на подлодках германской фабрикации? Надо как-нибудь дать команду выяснять. Не афишируя, конечно... А самому чтобы знать. Зарубка на память.

Конечно, когда мусор на меня понесут, то к итогам пакта с Германией повесят на меня и отдачу на растерзание Гитлеру невинной Польши, и мифический тайный сговор с фюрером о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Предела фантазиям не будет. Польша, как не раз в ее беспокойной истории было, в очередной раз сама себя подставила, отказавшись от союза с нами, даже не пропустив Красную Армию на помощь Чехословакии. Ничего не «помнят польские паны»... Главное, не только ихняя верхушка, но и большая часть народа не могут простить России полуторавековое ей подчинение, а СССР наш марш на Варшаву.

Вот и говори после этого о коллективном чувстве самосохранения: из вековой ненависти к России обрекли себя на многолетнюю оккупацию с полным бесправием, с миллионами уничтоженных нацистами евреев и поляков. Товарищ Сталин, ЦК и Политбюро, Генштаб и Совнарком здесь ни при чем. А то, что мы воспользовались ситуацией пакта и нападения Германии на Польшу, вернули исторически свое — Прибалтику, Западную Украину и Белоруссию, Бессарабию, да еще нанесли превентивный удар по Финляндии — так мы же не пальцем деланные, ума еще не потеряли. Не сделай этого, так весь бы мир над нами потешался. Понятно, что и Гитлер со своими партайгеноссе и генштабистами иного не ожидал.

Но «тайный сговор», конечно, уже придуман западниками; со временем и у нас будут это муссировать. Если, не дай, бог, меньшевики, троцкисты, а то и просто контрреволюционеры и агенты империализма, придут к власти. Чему бывать, того не избежать. И конца испытаниям в вывихах истории для нашей страны не видно. Такова судьба любых провозвестников: и личностей, и народов, и стран.

Народ же уши развесит. Как это в характере человека? — Никогда он не поверит в отношении себя: что он глуп, труслив, злопамятен, бесхарактерен, или просто горький пьяница. Но охотно воспримет любую нелепость со страниц газет, из радио и входящего в быт телевизора, из выступления на партхозактиве агитпропа райкома. Дескать, едва не об руку с Гитлером товарищ (нет, это слово будут опускать) Сталин делил по карте-двадцативерстке бывший «санитарный коридор», отделявший Советский Союз от цивилизованной Европы.

...Не говорю уж о себе, но почему Гитлера, хотя и клинико-шизоида, но вовсе не дурака в военной политике, за ноль с палочкой считают? Хотя и понятно, что вселенский обыватель всех по себе равняет. Никто из них не даст себе труда поворогать еще не распрямившимися извилинами мозга: кто же из серьезных людей, а Молотов и Риббентроп явно к таким относятся, будут в архиважном, судьбоносном международном документе что-то записывать, подписывать, даже междометием единым намекать на раздел самой ершистой и раздрайной в Европе страны, в которой если ты не пан, то пропал, а пан там каждый? Это нам было нужно, лидеру

мирового социализма-интернационализма? Может, это немцам, еще со времен Германа Херуска, битвы в Тевтобургском лесу и нашествия вандалов на Рим, из кожи вон лезущим и доказывающим, что они цивилизованный европейским народ, было нужно?

Все тайное становится явным; эту формулу римского права еще никто не опроверг. Даже никто и не пытался. Особенно крупные политические фигуранты. Другое дело, если это тайное лишь витает в воздухе, являясь фигурой умолчания. Как эти веселые ребята из Одессы, один брат Катаева, писали? — Да, согласие есть продукт непротивления сторон. А к моменту нападения Гитлера на Польшу и при подписанном пакте такая ситуация и сложилась. Германия на текущий момент не может заглотить сверх меры, а мы своего не упустим... того, что Троцкий с Тухачевским по своей военной и политической бездарности по Рижскому договору прос...

Бессарабию же тоже по праву первообладателя вернули. Да и своего рода превентивный удар по Антонеску. Правда, он этого не понял. Тем хуже для него в итоге получилось — с его горделивостью за якобы римское происхождение. Сколько их, римских-то легионеров, на Траяновом валу было? Один на два-три десятка даков, не больше. А шуму-то, как их царь от турок избавил: мы — потомки римлян, прямо от Ромула и римской волчицы родословную ведем! При османах в тряпочку молчали про цезарское прошлое. Зря, все же, мы недоросля короля Михая орденом Победы пожаловали. Тем более, что тут же его и свергли. Недавно Лаврентий смеялся: экс-король вроде как, в

Египте мелочной торговлишкой питается. Неисповедимые пути высшего помысла!

Даже сионистская верхушка в Америке, отчасти в Европе и в Израиле, у которых все в мире виноваты, помалкивает о пакте. Все же помнит, что присоединением Западной Украины и Белоруссии мы спасли от Гитлера более миллиона бывших подпольных евреев. А за мой царский подарок — первопризнание, то есть, фактически создание Израиля они мне памятник в Тель-Авиве задолжали. Не в Иерусалиме; место святое, уже кощунством бы было. Все же я почти православный священник.

Дождешься памятника! Все же антисемитизм приклеят. Не за пакт, не за нынешнюю контраверзу с Израилем, а за тридцать седьмой год, за «дело врачей». Все провокации ежовщины и нынешней маленковщины, естественно, на меня спишут. Ну, об этом бесполезно не то что говорить, но и думать.

Евреи, евреи... Как же с вами зачастую хлопотно, а еще чаще по-человечески вас жаль бывает. И так всю историю, с ветхозаветных времен. Отец Иракий в семинарскую бытность хорошие уроки веротерпимости и межнациональной приязни преподавал. А сама тифлисская жизнь и вовсе практику такой терпимости дала.

Чудную вам религию ветхозаветные патриархи придумали! Соль земли, пуп земли, богом вашим Адонаем назначены во властители всего мира... Каждый из вас по отдельности прекрасно понимает: тяжелая это ноша — постоянно стремиться к верховенству. Да и опасное это дело. И каждый из вас в душе стремится жить среди других людей, не высовываясь, спокойно.

Но тут беда почище ветхозаветных преданий — всех вас повязала сионистская верхушка, уже реально нащупывающая путь к мировому верховенству — через Америку и клановую финансовую олигархию.

А через эту повязанность все вы заложники этой верхушки, которая играет на гипертрофированном национальном самосознании и которой, по сути, глубоко плевать на всех вас ради своих реальных и мистических высших целей. Потому-то они так спокойно подставляют миллионы и миллионы рядовых единоплеменников под заклание.

Да что тут рассуждать, если и десяти лет не минуло с самой кровавой такой подставки. Одно дело западный и наш агитпропы, в общем-то одинаково говорящие, пишущие и вдалбливающие: дескать, у немцев, столетия живших вместе с евреями и даже давшим им новый язык — идиш, почти диалект немецкого, с приходом к власти Гитлера под воздействием нацистской пропаганды пробудилась дикая ненависть к евреям и, начиная с «хрустальной ночи», штурмовики СС и гестапо принялись методично их уничтожать: газовые камеры и газенвагены, человеческое мыло, матрасы, набитые человеческим волосом, крематории и так далее.

Это все по показаниям Нюрнбергского процесса. Не надо забывать, что сам этот процесс, происходивший по инициативе и под верховенством американцев, о чем опять же помалкивают — каждый по своим причинам — ихний и наш агитпроп, по сути являлся судом над верхушкой нацистской Германии не столько за их военные преступления, сколько за преступления

против еврейского населения оккупированной Европы. Именно Европы, но не СССР. Все доводы о преступлениях гитлеровцев в отношении мирного населения Советского Союза, в том числе против еврейского населения временно оккупированных западных областей, документально обоснованные советской стороной обвинения, представителями союзников лишь формально, с явной неохотой принимались во внимание.

Уже тогда создавалось впечатление, что истинные хозяева США, финансовые магнаты, олигархическая верхушка банкиров в седьмом и более поколениях, такой суженной направленностью процесса в Нюрнберге стремятся к двум целям. Первая, рассчитанная на явное прочтение, суть наказать главных нацистов за действительно злодейские преступления — с подтекстом, тоже мало скрываемым: массовые преступления против еврейского населения Европы. Вторая, но уже сугубо тайная, скрываемая (и я сначала Лаврентию не совсем поверил, но — разобрался, понял) — финансовая американская, сионистская* верхушка этим процессом вроде как за что-то извиняется, откупается,

---

* С конца 80-х гг. мировые, просионистские в своей основе, СМИ напрочь «забыли», что в 70-е гг., годы наивысшего военно-политического могущества СССР, по решению ООН сионизм был осужден как идеология, противоречащая общепризнанным правам человека и наций. Это решение «втихую» ООН отменило после разрушения СССР. А для масс-медиа, то есть, мирового, в том числе российского, обывателя придумали смехотворное толкование сионизма, как невинного стремления евреев к проживанию в Израиле. Хотя в самом Израиле для этого используется специальный термин «алия». — Прим. авт.

маскируется перед мировым еврейским сообществом.

А за что извиняется-откупается, то тут загадки нет. Все шито белыми нитками. Конечно, гитлеровский нацизм, согласно своей догме, стремился сделать Германию арийским, мононациональным государством, а заодно избавиться от конкуренции евреев, традиционно в Германии имевших большой вес в экономике, культуре и других сферах жизни. В то же время, все же стремясь выглядеть благоприятно в глазах всего мира, а главное, расплатиться «по счетам» с американскими банкирами, взрастившими Рейх для уничтожения Советского Союза, Гитлер обещал им, как только Роммель вытеснит англичан из Египта и Ближнего Востока, то он создаст государство Израиль, куда переселятся все евреи Германии и подконтрольных ей территорий.

Однако «генерал на Солнце» крепко застырил под Аль-Аламейном. И здесь американские олигархи-сионисты в сорок втором году, разуверившись в возможности Гитлера выполнить свое обещание, тем более, что Рузвельт после Пирл-Харбора принял окончательное решение на полномасштабную войну в составе союзной коалиции, отказались от первоначального плана в отношении будущего Израиля.

Именно с сорок второго года взбешенный Гитлер отдает приказ о массовом уничтожении евреев, ранее интернированных в концлагерях для удобства организованной их перевозки на Ближний Восток. В очередной раз в истории сионисты бросили на произвол судьбы своих единомышленников. Поэтому-то для самооправдания им и понадобился Нюрнбергский процесс.

Что касается нашей позиции, то мы, конечно, не отрицали массового, чисто по-немецки методично организованного, уничтожения евреев Европы, но все же наши жертвы мирного населения, прежде всего русского, белорусского, еврейского, намного больше. Это при всем при том, что выпячивать число жертв не по-человечески. Все жертвы осатаневшего нацизма вопиют об отщиплении. Без разделения на «наших» и «ваших». Однако господам сионистам это трудно принять, ибо они из всего, даже на крови, привыкли делать гешефт.

И сколько же они еще принесут горя своим соплеменникам в Израиле, который на полном содержании Америки? И еще больше горя арабам Ближнего Востока — через направляемую ими же агрессию еврейского государства...

Очень тугой узел на Ближнем Востоке завязан.

Лаврентий как-то спросил, не жалею ли что стал крестным отцом Израиля? Нет, не жалею. Все равно через год-другой Америка, преодолев сопротивление Англии, создала бы еврейское государство. В конце концов, евреи имеют право на свое государство, причем не на Дальнем Востоке, что не получилось у нас с Биробиджаном, тем более — не в Уганде, как предлагали англичане. Другое дело, что в Палестине уже две тысячи лет живут арабы и принявшие ислам коренные евреи.

Конечно, мой врожденный идеализм одно, правда, короткое время, тешил. Дескать, и Голда Меир с русскими корнями, направим в Израиль наших «евреев-двадцатипятипятитысячников» и создадим едва ли не семнадцатую советскую

социалистическую... Наш форпост на Ближнем Востоке. Забыл от военных успехов о силе мирового сионизма!

Конечно, нынешние и далее устойчиво проамериканские правители Израиля постараются предать забвению мою роль в его создании. Но ведь и Англии по зубам хорошо ударил! Как всей Антанте в тридцать девятом. А если смотреть стратегически в будущее, то наличие Израиля сулит нам значительные политические выгоды. Ибо неприкрытая агрессивность Израиля, подпитываемая Западом, и непреклонность в очистке своей территории от палестинцев в итоге заставит все окрестные арабские страны — от Сирии до Египта — обратить свои взоры на нас, принять нашу военно-политическую и экономическую опеку.

...Один бог рассудит: правы мы или нет. Но так делается большая политика, если хотим и далее оставаться наступающим форпостом социализма во всем мире.

СОЮЗНИКИ ПОНЕВОЛЕ — МОЯ И АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО ОШИБКА

Все же истоки моего подспудного романтизма и идеализма в детстве и юности. Первое — от неустроенности семьи: бедность, сын вечно пьяного сапожника, а мать горничной у состоятельных людей, дома ее почти и не видно. Да и пьяный муж опостылел. Так, наверное, и было. Дети в подобных семьях становятся либо ворами-гопниками, а то и просто живорезами из-под подворотни, либо же неисправимыми

романтиками. Не я это открыл, а Диккенс своими романами все рассказал и пояснил: неустроенность для мечтательного от рождения ребенка — прямой путь к поиску хотя бы мысленного, придуманного идеала.

А вот учеба в семинарии, куда и попал-то по протекции очередного хозяина, у которого прислуживала мать Кеке*, перевоплотила детский романтизм в юношеский идеализм. И каким бы последовательным, сугубым практиком в своих делах я ни был в последующие полвека с лишком жизни, но от раз воспитанного в молодые годы идеализма никуда уже не уйдешь. Как его не прячь в подсознании, не отрекайся от него, нет-нет да выскочит и обязательно приведет к ошибке в оценке обстоятельств, а то и к промаху. Старею, куда от этого денешься, раз тянет к анализу всего прожитого, прочувствованного, увиденного... и сотворенного.

Вот с Израилем промашка вышла. Хотя, конечно, Израильская советская республика уже на момент нашего — первыми — признания этого государства четко понималось мною как чистойшей воды романтизм-идеализм. Против лома нет приема, как еще до революции питерская, обуховская шпана приговаривала. Никакие двадцатипятидесятники, даже сотысячники из СССР против американского доллара и всемирной сионистской организации и двухтысячелетнего опыта политического и финансового гешефта не устояли бы.

Дело прошлое и проигранное. Но ведь в

---

* Грузинское уменьшительное от имени Екатерина; так же как и Вождя в детстве звали Сосепо Джугашвили.— Прим. авт

войну был же реальный шанс не повторить ошибки «властителя слабого и лукавого», царя Александра Павловича. А ведь наиболее проницательные из царедворцев и даже военных не советовали ему в восемьсот двенадцатомтринадцатом годах, изгнав остатки шестисоттысячной армии Наполеона из пределов России, эти же пределы покидать. Естественно, округлив западную границу империи за счет той же Финляндии, да кое-что отняв на юго-западе от австрияков и турок.

Символично, что национальный герой той Отечественной войны, Михайла Илларионович Кутузов (да еще и Голенищев...), воспитанный в воинских искусствах, в военной политике Суворовым и Румянцевым, как-то скоротечно скончался в силезском Бунцлау, едва только русская армия перешла западную польскую границу... Не хотел фельдмаршал дальше воевать уже не за русские, а за европейские интересы. Хоть таким, скорбным, способом, но уклонился от приказа вообразившего себя Антинаполеоном всея Европы «плешивого щеголя, врага труда».

Тогдашние светлые, прозорливые и многоопытные головы понимали так. Наполеон — головная боль Европы. И последние десять лет предыдущего века — первое же десятилетие века девятнадцатого все эти австрияки, пруссаки, голландцы, бельгийцы и — особенно — варшавские поляки, наущаемые Британией, только и думали, лишь для видимости противостоя французам, да и то русскими штыками генералиссимуса Суворова, как в итальянской кампании 1799-го года, как бы всем им, пропустив через свои территории Наполеона, лоб в

лоб столкнуть с Россией на ее же территории, к востоку от Немана. Самим же сторговаться с Бонапартом, откупиться рекрутами в его армию для завоевания Российской империи, поизображать из себя королей-лакеев, а в удобный момент спихнуть с республиканского престола почившего на лаврах корсиканца и вновь стать самостоятельными монархиями. С одним приятным довеском: Россия уже не восточное пугало для них, а разоренное Наполеоном географическое пространство.

Так стоит ли игра свеч? — «Освобождения» этих европейских монархий и добития монстра, порожденного революцией 1789-го года, выстилая путь от Немана до Парижа костями русских воинов?

Выгнав трехколорного императора с масонским «Почетным легионом»* за пределы «округленной» границы, предоставить европейцам самим разбираться с ним: Европа создала, играя в поддавки, своего губителя престолов и артефактов средневекового феодализма, она же и должна загнать его на Эльбу, а потом на Св. Елену. Или встать под французский, он же протестантский, триколор.

---

* Как-то раньше не приходилось видеть изображение этого высшего военного ордена Франции с наполеоновских времен. Однако несколько лет назад на юбилее Тульской писательской организации Союза писателей России рассмотрел его в оригинале на лацкане пиджака тульского же писателя Шпилевого — одного из немногих на то время живых кавалеров этого ордена (за участие во французских маки). И поразился: ведь это пятилучевой мальтийский крест: и звезда Соломона, и мальтийский крест — признанные символы масонства. А здесь и в «квадрате». — Прим. авт.

Самое существенное, что даже во втором варианте развития большой европейской игры в казаки-разбойники повторное вторжение Наполеона России не грозило. Во-первых, французы — народ хорошо обучаемый, а отчалившие в обрат через Неман остатки «старой гвардии» на отдыхе в Париже многое порасскажут о пользе питания трупной кониной и воронами, об отможенных ушах и носах в сорокаградусный русский мороз, конных ордах казаков и калмыков, вооруженных вилами и выпрямленными косами бородатых мужиках, которым великий Наполеон поопасался объявить об отмене крепостного права...

Во-вторых, правда, при условии умного царя, отгородившись от Европы, где нам делать вовсе нечего, заряженной на пяти-десятилетнюю драчку, следовало, упреждая заразу масонского декабризма, провести реформу всего уклада жизни. В первом приближении чем-то похожую на грядущее реформирование Александра Второго. Но, конечно, не в духе «раннего Александра Первого» с пропольским нашептыванием Чарторыйского, а разумно сочетая необходимую толику либерализма с реальным укреплением монархического фундамента. Иного пути для России на начало века не предвиделось.

И, наконец, укрепить армию, удвоив-утроив производство современного оружия на заводах Тулы, Сестрорецка, Златоуста и уральских пушечных.

А после этого, на благо отечества и чтобы Наполеону или каким другим европейцам не пришла в голову очередная мысль-искушение насчет России, разобраться с Турцией, благо

«больной человек» в силу сложившихся обстоятельств остался бы без поддержки европейских ненавистников русских. На шестьдесят лет раньше освободить Балканы, взяв их под отеческое, но и жесткое покровительство царя. А заодно и исполнить великую мечту России — Третьего Рима. Выбить османов с Балкан полностью, переименовать Стамбул в Константинополь, водрузить крест над Святой Софией, перестроив минареты в колокольни, взять под контроль Черноморского флота проливы и все северное Средиземноморье до Апеннинского полуострова.

...После чего уже без всяких хлопот и опять же на семьдесят лет раньше «белого царя» и «белого генерала» взять под скипетр и державу Среднюю Азию. Понятно, что с Кавказом и тогда пришлось бы возиться долго, но все равно не полвека, как потом получилось. Все это позволило бы Российской империи — и опять на три четверти века раньше — сделать стратегический отворот от Европы на Тихий океан. Благо Аляску, Алеутские острова и Калифорнию братец Второго Александра Константин еще Соединенным Штатам не продал...

История обратного хода не имеет. Но жаль, что в восемьсот двенадцатом году не было создано исторического, судьбоносного для России прецедента. Вместо разумного предоставления Европы Наполеону, или наоборот, недалекий «щеголь» исправно выполнил запасную директиву «англичанки». То есть, еще год с лишком трепал русскую армию по полям сражений Европы, позади ее смешным триумфатором въехал в Париж, очаровал буржуа и белошвеек при-

торным либерализмом и вернулся восвояси, оставив на Сене свое имя в городских названиях и память о русских казаках и гусарах в переименованных в *бистро* парижских забегаловках. А за мимолетный триумф получил Финляндию и временное генерал-губернаторство в немецком княжестве. Впридачу же будущую, позорную для России Крымскую войну, малоутешительные итоги Балканской войны 1877—78 годов без Константинополя и крестов над Софией, объединившуюся в империю Гогенцоллернов Германию и «вершину» всего — роль европейского палача-усмирителя в Священном союзе, что сделало имя России ненавистным для всей Восточной Европы. Это и до сих пор нам аукнется. И еще аукнется не раз, вернее всякий раз, как у нас дела будут разлаживаться.

История и у нас обратного хода не имеет. Почему я не решился на прецедент, повторив ошибку царя Александра Первого? А сейчас и вовсе только в тайных своих мыслях могу об этой упущенной возможности вспоминать.* Хо-

---

* Излагаемую ниже версию в стиле столь популярного ныне литературного жанра «параллельной истории», впрочем, имеющую некоторые реальные основания, не следует принимать в штыки (в беллетризованной форме она описана нами в романе «Историк и его История», Тула, 2005), в мыслях радея о возможной обиде западников, наших нынешних «партнеров по борьбе с мировым терроризмом». Они-то не стесняются тиражировать романы «параллельной истории», а Голливуд пачками снимает фильмы, которые и на российском телевидении идут, в которых Запад заключает перемирие с Гитлером, а тот увязает в бесконечной войне с «Советами». А в Европе тишь да благодать... Резюме: неча на зеркало пенять, коли рожа крива!

тя это, строго говоря, уже и не явилось бы прецедентом, ибо был сепаратный мир Ленина — Троцкого (последний и здесь подлость сделал: «Ни мира, ни войны, но армию распустить») с Германией. Но этот мир — от безвыходности. А у меня и Александра Первого это был бы мир с противником в нашей выигранный ситуации.

...Видно, Гитлер на какое-то время поумнел после Сталинградской битвы, а скорее всего животное чувство самосохранения обострилось, но из ведомства Лаврентия начали поступать агентурные данные о пробных ходах немецкой дипломатии — зондирования возможности заключения с СССР перемирия, по существу — сепаратного мира. Причем, по анализу спецов с Лубянки, это не была инициатива какой-то военно-политической группировки, как переговоры позже, в 45-м году в Швейцарии генерала Вольфа с Даллесом, желавшего отмежеваться от фюрера. Нет, все указывалось на инициацию этого зондирования самим Гитлером.

Все эти телодвижения шли через Стокгольм, в годы войны ставший «ничейным полем», заменившим окруженную государствами Оси Швейцарию, где здания посольств с флагами со свастикой, с серпом и молотом, звездно-полосатым и «двухспальным английским левою» соседствовали, а на дипломатических приемах в день рождения шведского короля дипкорпус делился на две группы, не здоровающихся друг с другом. Но дипломаты и представители разведок всего воюющего мира при необходимости могли встречаться и в более скромной обстановке, нежели королевский дворец.

Умная баба двух мужиков стоит. Сколько

же таких негласных контактов сделала Коллонтай? И главное — с огромной пользой. Выход из войны Финляндии, удержание Японии от искушения в самые тревожные для нас первые полтора года войны, ограничение дуче в количестве посылаемых на Восточный фронт дивизий, опять же удержание, как и Японии, Болгарии и турок, наконец, и румыны в сорок четвертом году повернули свои штыки на северо-запад. Ее дела.

Смех и грех, но в двадцатые-тридцатые годы наши успели в строительстве социализма, а главное — пропаганда наших будущих противников среди своих народов, такого монстра из СССР в глазах правителей и обывателей всей Европы сделали, что главным нашим аргументом в тайной стокгольмской дипломатии была не столько наша военная мощь, но прозрачные намеки через посольство Коллонтай. Дескать, Финляндия в одночасье может войти в состав Карело-Финской ССР, а Маннергейма сменит на посту товарищ Куусинен. Для Японии: вопрос о Южном Сахалине и Курилах, увы, гражданин император Хирохито, особому обсуждению по окончанию мировой бойни не подлежит. Но ведь и японский трудовой народ может захотеть жить в Аино-Хоккайдской ССР? И на носке итальянского «сапога» как бы не случилось Сицилийской... и так далее республики? А для восточноевропейских союзников и сателлитов Германии это все и сбылось.

Вот такая высокая, тайная и стратегически важная политика делалась в годы войны в благоденствующем и жиреющем на поставках Германии промышленного и сельскохозяйственного сырья Стокгольме. Но вот в чем ни единым

полусловом не упрекнул мои вероятные будущие гробокопатели, так это в неиспользовании того редчайшего и судьбоносного случая, который дается государством раз в сто, а то и побольше, лет. И который не решился использовать ни Александр Первый, ни товарищ Сталин, аз есмь грешный поневоле.

Что остановило? — Конечно, не желание получить на погоны самую большую звезду. Не искушение в третий раз за историю России войти триумфатором в Берлин и по-хозяйски пройти своими сапогами под знаменитой аркой в Потсдаме. Я, все же, не Гитлер, что после падения — без боя, правда — Парижа, стоя под тамошней же Триумфальной аркой, демонстративно топал по асфальту французской столицы, позируя перед кинокамерами.

Нет, здесь другое. То, что было возможно в войне восемьсот двенадцатого года, в первые месяцы установления в России советской власти, увы, во время Второй мировой стало практически нереальным. Вернее, шанс имелся до Сталинградской битвы, но на него не пошел бы Гитлер. А после Сталинграда это было уже для нас табу. Причин назвать можно много: от потери международного авторитета, особенно в глазах доселе сочувствующих нам и надеющихся на нас миллионов людей труда, до вполне реального заговора наших маршалов и генералов, почувствовавших после Сталинграда весомость своих золотых погон, дающих сладость почти неограниченной власти, личной и коллективной, почет и почитание в СССР и даже во всем мире. А это дороже чем материальные блага. Впрочем, и в них страна не отказывала своим полководцам. Здесь же наде-

жда на трофеи в поверженной гитлеровской Европе. Кстати, чем они в сорок пятом с подачи своих от природы жадных баб — жен, дочерей, любовниц — и воспользовались, разграбив даже бесценные музейные коллекции. Не все, конечно, но ведь было?

...Это все можно было предусмотреть и упредить. Авторитет — дело преходящее. И, вообще-то говоря, в современном, сугубо прагматичном мире авторитет сопряжен с силой: военной, экономической и политической. На всякие заговоры есть Лаврентий и его ведомство, избавившееся после ежовщины, после бериевской же чистки аппарата НКВД от явных и тайных наших врагов, а в годы войны ставшее лучшей разведкой и контрразведкой мира.

И мировая социалистическая система все одно бы образовалась. Гитлер за развязывание своих рук на Востоке без разговоров бы отдал нам уже ненужных ему восточноевропейских союзников и сателлитов, даже Польшу без Данцига и Померании. А мы бы в один миг вытеснили англичан из Южного Ирана, заняв всю его территорию с неисчислимыми запасами нефти, и жестко поставили вопрос перед Турцией: с кем вы, бывшие османы, ставшие волею Ататюрка и военно-экономической помощью Ленина гражданами светского государства?

На Востоке же не только Китай, Корея и Вьетнам вошли бы в соцлагерь. Не только... Для этого потребовалось только сокрушить Японию. Советская военная мощь это позволила бы сделать за год-полтора: на континенте и на самих самурайских островах. Самое существенное, что войной с Японией, уже по нашей ини-

циативе, мы бы раскололи атлантистов и приобрели даже в условиях сепаратного мира с Германией невольного союзника — *США* — на Востоке. А в новых условиях мы бы и атомную бомбу сделали одновременно с американцами, лишив Запад приоритета оружия возмездия за сепаратный мир.

...Военно-политическая стратегия — вещь жесткая, очень часто жестокая и за пределами обыденной морали. Хотя разве думала о ней Антанта, второй раз за неполную треть века сталкивая ради своих интересов нас с Германией в жесточайшей схватке?

И еще один существенный момент. Мы бы нейтрализовали сионистскую верхушку *США* и спасли от гибели миллионы европейских евреев, создав на пять лет раньше Израиль броском Красной Армии из Ирана через Ирак, заставив по условиям перемирия Гитлера ни единым пальцем не трогать евреев Европы, а желающих переселить в Израиль. Главное же — этим ходом мы бы спасли от гибели миллионы наших людей: солдат и мирное население.

Главное, самой Европе тоже не долго пришлось бы истекать кровью. Лишившись пушечного мяса для противодействия Рейху на Востоке, Англия и *США* мигом перестали бы придуриваться, отделяваясь корпусными операциями в Северной Африке и Южной Италии, тотчас бы открыли Западный фронт, а многоопытная английская разведка организовала смещение Гитлера. То есть, война в Европе — а это ведь тоже сохраненные людские жизни? — закончилась бы очень быстро и по образцу завершения Первой мировой.

...Так почему я не сделал такого шага, результаты которого, исключая несостоявшиеся амбиции Германии Гитлера, устраивали бы всех и вся? В том-то и дело, что середина нашего века — это не его начало, тем более — предыдущие века. Наступило время, когда, образно говоря чьими-то словами, не вспомню сейчас, история вырвалась из-под какого-либо, пусть даже и малого, контроля человека, человечества. На это намекал и умнейший наш историк, академик Тарле. А наши кондовые марксисты-ортодоксы еще и травлю на него пробовали организовать! Основной признак такой полной автономии истории — запутанная взаимосвязь всех стран, независимо от их социального, экономического строя и развития, противостояния или союзничества. Все связано, запутано и перепутано. И без того ограниченная роль личности в историческом процессе все более и более сводится к некой статистической усредненности. Наверное, и я засиделся «на должности» Вождя, последнего могиканина, что имел право и силу — от воли народа — творить эту самую историю.

Впрочем, если доживу — что сомнительно — до мемуарных лет, все равно ни полслова, ни четверть намека не напишу и не озвучу о мыслях идеалиста, что упустил в своей деятельности возможность «укоротить» развязанную империалистами Вторую мировую войну. Это я унесу с собой.

КАКОЙ БУДЕТ ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ?

Бог троицу любит. Но это не бывший семинарист, несостоявшийся поп во мне говорит.

Закон троицы, как наставлял нас отец Иракий, не только в патристике имеет силу действия, но присущ всему духовному и физическому мирозданию, космосу, как университетские профессора и приват-доценты говорят.

Когда наш добрый и мудрый наставник начинал говорить о мироздании и космосе, мы, семинаристы, наверное знали: вчера ввечеру отец Иракий заходил на поздний ужин к директору второй мужской гимназии Махарашвили. Если же к мирозданию и космосу добавлялся закон троицы, или триединого основания — с упоминанием философа Шопенгауэра, то даже самый тупой в классе мог сказать: отец Иракий вчера был в гостях у Георгия Церетели. Да-да, Георгий Ефимович. Как нас с ним судьба переплела? — В девяносто шестом году он напечатал в своем журнале «Квали»^{*} мое стихотворение «Старец Ниника». Последнее мое опубликованное стихотворение. А с его сыном, тож Иракием, лидером меньшевиков в РСДРП, двадцать лет мы баталии вели, хорошо хоть словесные. Непримирымый был человек, эмигрировал и посейчас в эмигрантских газетах пишет о своих обидах. В том числе на меня.

...А отец Иракий, далекий от всякой политической кухни, объяснял закон троицы просто и наглядно. Из всех, мол, фигур самая жесткая и плодящая все остальные фигуры — есть треугольная. Три угла — минимально нужное для образования фигуры, то есть чего-либо сущего.

---

^{*} Еженедельный журнал, в переводе его название — «Борозда». Редактировался Г. Е. Церетели в 1893—97 гг.— Прим. авт.

Потому закон триединства одинаково справедлив в натуральной философии, в философии рассудительной, в истории и во всех делах, поступках и мыслях людей. И аминь на том!

...Аминь аминем, но третьей по счету мировой войны человечеству не избежать. Из чего исходим? — Из того, что мировые войны двадцатого века — это спуск пара перегретого котла, в котором капиталистическая формация переваривается в социалистическую. Ничего здесь удивительного нет; все предыдущие смены социально-экономических систем точно так же сопровождалась чередой войн. Это всякий знающий мировую историю в объеме средней школы или дореволюционной гимназии мигом сообразит.

Все дело только в масштабах, возрастающих по ходу истории. А вот кто знает историю досконально, например, как увлеченный самообучающийся или преподаватель этой дисциплины, то как дважды два с цифрами дат и названиями докажет: каждый переход от одной формации к другой сопровождался тремя видами войн, каждая из которых в строгой последовательности реализует один из трех законов диалектики. Так и в нашем веке. Первая мировая — это овеществление закона единства и борьбы противоположностей внутри созревшей капиталистической системы. Только что минувшая война явно подчинялась закону отрицания отрицания. То есть, история делала выбор между вариантами устроения социальных, социалистических систем, которые, в свою очередь, отрицают предыдущую, капиталистическую формацию.

А для демонстрации действенности закона перехода количества в качество, увы, потребует-

ся Третья мировая. Что в данном случае означает этот переход? — Это полный и окончательный кризис капиталистической формации, обоснованный Карлом Марксом, и переход от многообразия, то есть, количества, оттенков выраженного социализма, как у нас, социальных систем в рамках капитализма, как в той же Скандинавии. Наконец, от полусоциализма-полукапитализма и даже остатков феодализма, как в разных странах Азии. Да и в странах развитого, классического империализма, в странах Запада усиливаются тенденции социализации — поневоле, чтобы трудящийся класс подмазать, отвлечь его от примера СССР и стран соцлагеря. А в итоге — переход количества в качество.

В этом смысле Третья мировая будет уже решающей; тот самый «последний и решительный бой». И в этой последовательности мировых войн их жестокость, объем и жертвенность стремительно возрастают. Это видно даже по используемому высшему оружию уничтожения. В Первой мировой войне — отравляющие газы. Вторая война завершилась взрывами атомных бомб. А Третья что человечеству преподнесет? — Водородная бомба вот-вот придет на вооружение Советской Армии. Не задержится дело и у американцев. Правда, атомщики наши, Курчатова и Зельдович, поговаривают уже о нейтронной бомбе. Но все одно, ядерное оружие в любой его ипостаси, это прерогатива прошедшей войны и системы взаимного запугивания — сдерживания современного нашего противостояния с Западом.

Нет, содержание и средства грядущей Третьей мировой будут совершенно иными, абсолютно

отличными от всех предыдущих войн человечества. И нынешних — навроде Корейской.

Чисто оружейная, традиционная, хотя традиция дурная, война уже и сейчас годится только для местных битв. Локальных, как сейчас говорят западные политики. Причем за исключением «выяснения отношений соседей» где-нибудь в Азии, Африке и Латинской Америке, эти местные войны будут опосредованным противостоянием Запада и соцлагеря, которые уже скоро формально объединятся в свои военно-политические союзы.* То есть, эти войны по сути договорные. Ведь фактически не Ким Ир Сен с Ли-Сын-Маном в Корее воюют, а мы с Америкой. Качество же договорности суть неприменение в местных войнах ядерного, химического и бактериологического оружия.

Третья мировая по определению не может быть договорной. С другой стороны, невозможно и применение оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного.

Считается, что американцы упустили момент уничтожения СССР до начала пятидесятых годов с их монополией на атомную бомбу. И даже после испытания нашей бомбы, еще не поставленной на серийное производство. Соответствующие планы нападений «срисовывались» службами нашей внешней разведки и ГРУ. Но наш генштаб сомневался в возможности их исполнения: средства доставки до территории СССР были «по зубам» нашим ПВО.

---

* Блоки НАТО и Варшавский договор были созданы уже после смерти И. В. Сталина, но аббревиатура «НАТО» уже с 1952 года муссировалась в прессе.— Прим. авт.

А уже сейчас, тем более через пять-шесть лет, при серийном производстве бомб американцами и нами, созданием межконтинентальных ракет и атомных подводных лодок-ракетоносцев, что сейчас проектируют ленинградские ЦКБ «Рубин» и «Алмаз», ядерная война — это самоубийство человечества.

И пора задуматься о средствах и содержании грядущей Третьей мировой. Пока же Генштаб, его ГРУ и Лубянка ничего определенного сказать не могут. Опять «фюрер» за всех думать должен?

Итак, атомные и водородные бомбы исключаются. Они для противостояния в нынешней, «холодной» войне. Химическое и бактериологическое оружие, скорее всего, по нашей с Западом договоренности будет всемирно запрещено. Не из гуманности, конечно, а по той причине, что это легко создаваемое оружие, не требующее огромных коллективов высоких умов и непосильных затрат ресурсов. Поэтому им легко могут обзавестись всякие «промежуточные» страны, что ни вашим, ни нашим. Но и Западу, и нам такие не нужны. Такая вот простая и нелицемерная механика...

«В начале было слово», — затвердил в моей семинарской памяти отец Иракий. Из его же толкований: слово может быть утешительным, а может стать и разрушительным. Далее отец Иракий садился на своего излюбленного конька: философия в живых образах. Святые Евангелия — величайшие творения и откровения Сына Божия. Чтение писаний Марка, Иоанна, Луки и Матфея, даже апокрифов от Дидима Иуды Фомы, апостола Филиппа, приносит ис-

целение измученной душе и ослабленному от болезней телу. Но если вам, не дай, Бог, попадутся в руки мерзопакостные писания маркиза де Сада или Мазоха, масонская «Молот ведьм», то отриньте их, выбросите в помойку, а для очищения от греха держания этих книг в руках поднимитесь на Мтацминду и помолитесь праху наших великих воинов, правителей и учителей мудрости. Ибо только за боговдохновенным словом стоит истина и утешение. Как сказал апостол Павел в Первом послании к коринфянам: *«И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы».*

Вот и с Лубянки в недавнем докладе, который передо мною на правах куратора МГБ читал Лаврентий, его же рукой подчеркнуто красным: «...В последние два-три года резко активизировалась антисоветская пропагандистская работа западных радиостанций, вещающих на СССР, причем не только на русском языке, но на прибалтийских, закавказских и среднеазиатских. Для двух последних случаев используется территория Турции и Ирана. А на одной из американских верфей заложено опытное судно — радиостанция ширококвещательного типа. Такая активизация, связанные с ней немалые финансово-технические затраты, а также поступающие к нам разведанные свидетельствуют о том, что в США, в ЦРУ задействована специальная долгосрочная программа массивной пропаганды антисоветизма и буржуазного образа жизни. Согласно достоверным сведениям, разработка деталей программы ведется в Гуверовском центре изучения общественного мнения,

где создана специальная группа из ведущих специалистов по «промыванию мозгов». В нее входят также в качестве консультантов представители белогвардейской эмиграции, перебежчики и невозвращенцы, изменники и предатели периода войны...»

...И приписка Лаврентия в конце доклада, сообщающая, что в структуре *МГБ* уже создается специальная служба по техническим средствам контрпропаганды и противодействия западной пропаганде.

И еще вспомнилась та давняя беседа с академиком Бехтеревым, что консультировал меня по больной, усыхающей руке. В части руки он подтвердил артрит и плечевое ущемление сухожилия — следствия травмы времен Гражданской войны. Между делом на мой вопрос, скорее из вежливости, о направлении работы академика в научной части, тот пояснил: занимается со своими учениками и с использованием недавно приобретенного в Германии медико-технического оборудования исследованием некоторых феноменов человеческой памяти и психики. Уловив из реплик именитого пациента, что тот не только в политике разбирается, пояснил: в основном это опыты по массовой внушаемости, научное подтверждение мыслей на этот счет у Лебона и Фрейда. «А это может стать со временем оружием страшнее газов и линкоров, — невесело сказал Бехтерев, — поэтому мы и должны знать о сути этих феноменов».

...Отец Иракий, доклады с Лубянки, инициатива Лаврентия, более всего то давнее замечание академика Бехтерева, попавшего по наивности в житейских делах в цепкие путы герман-

ской разведки, — все это неспроста все чаще и чаще в такой странной, на первый взгляд, взаимосвязи вертится в голове, обостряясь в такой вот вяло-болезненной бессоннице.

Да и по личному опыту хорошо знаю: грамотно поставленная в нужное время и в нужном месте пропаганда — великая сила. Мощнее дальнобойных орудий, аэропланов и танков. Все это уже продемонстрировала наша, почти бескровная революция и братания на позициях русских и австро-немецких солдат. А великая перекорка двухсотмиллионной страны за считанные двадцатые годы от «церкви, самодержавия и народности» к «социализму, советской власти и труду»?

Но кто застрахован от обратного? Правильно, никто. Стоит ослабить нашу пропаганду делом и словом, победами и достижениями, досыта накормить страну — а ведь мы к этому всеми силами стремимся! — и этим непременно воспользуются наши внешние и затаившиеся внутренние враги. И главный наш враг — загнанный в подсознание биологический инстинкт частнособственничества, потребительства и безудержного накопительства. Здесь, конечно, абсолютно прав уже вспоминаемый этой ночью Конрад Лоренц...

Империалисты Европы и Америки, особенно Европы — с ее двухтысячелетним опытом обольщения и улещивания, не идиоты с наших простецких плакатов с «Окон РОСТА» и страниц «Крокодила». В части обработки человеческих масс они сто очков вперед могут дать нашему агитпропу, не всегда поворотливому и боевитому. А составляющая его интеллигенция

по русской мягкости характера недостаточно агрессивна в отношении критики и изобличения врага. Но самое здесь страшное — если во властные кресла и в тот же агитпроп пролезут троцкистские последыши. Их и покупать-то за фунты и доллары, тратиться на них Западу почти не придется. Сами свои услуги предложат, впереди паровоза поскачут.

Таким образом, скорее всего Третья мировая, как логическое завершение нынешней «холодной» войны, если она случится, будет, во-первых, не мировой бойней, какой была Вторая; во-вторых, она станет перманентной — почти по Троцкому, затянувшейся на годы и даже полтора-два десятилетия; в-третьих, конечно, и пушки по всему свету, то там, то здесь, будут постреливать эти десятилетия, ракеты с атомными и водородными зарядами будут грозить друг другу, но война эта случится как пропагандистская. И кто в ней победит — мы или они — такого конкретного ответа сейчас никто не даст. Победит тот, у кого пропаганда поставлена лучше. Не только количественно, но главное — качественно лучше, убедительнее, «дальнобойнее». В этой войне мало что будет зависеть от народных масс. Здесь не потребуются тысячи «братишков», перепоясанных пулеметными лентами, миллионы солдат, сотни тысяч офицеров. Все здесь зависит от правительств и их идеологических штабов. Иной яйцеголовый, лысый, затылочек тыковкой и в очках будет стоять дивизии, а то и корпуса, на полях былых сражений. При условии, что этот тыквоголовый из ЦРУ с гарвардским образованием или в идеологическом отделе ЦК — вы-

пускник МГУ — знает как из советского человека уже во втором, третьем поколении сделать мелкобуржуазную овечку или кондового нью-йоркского биржевика заставить по ночам читать ленинскую «Империализм как высшая стадия капитализма»...

Скажите, что товарищ Сталин переутомился почти в тридцатилетнем руководстве 1/6 части земной суши, мерещится ему в тумане неясного будущего образ дьявола-пропагандиста? Ну, во-первых, сейчас никто этого не скажет, даже лучшему другу после распития литровки сорокаградусной, после войны, памятуя слова Менделеева, пришедшей на смену слабосильной тридцатиградусной «рыковке». И даже не потому что в памяти ежовщина, а просто уважают слова и дела генералиссимуса. Во-вторых, никому не дано знать будущее, но никому не запрещается думать о нем. Кстати, дать указание в ЦК кому поумнее: организовать совместную с Академией наук, Генштабом и Лубянкой закрытую дискуссию-обсуждение возможных вариантов Третьей мировой. Конечно, самого этого пугающего названия не употреблять, а завуалировать под грядущий общий кризис империалистической системы. Ворошилова с Буденным, да еще Булганина — в президиум, для благоустройства. Основной доклад Лаврентию. Может, и я выступлю под конец. Поскребышеву особо пометить у себя: коньяк в буфете не подавать, а то военные сдружатся с академиками и превратят дискуссию в благодушную говорильню и шапкозакидательство.

И еще зарубку в память. Лаврентию по контрпропаганде, а Маленкову с Кагановичем

по внутреннему агитпропу подготовить развернутые планы мероприятий в перспективе на десять лет. Сроку дать по полтора-два месяца.

...Все-таки, а особенно имея в виду решительное столкновение с мировым империализмом, не покидает ощущение: где-то мы дали слабину, левизну ли, правизну? С одной стороны, по-человечески понятно: надо дать передых народу, даже его руководителям, после нечеловечески трудных лет войны и восстановления страны. А то мы все напрягаем и напрягаем; без этого тоже нельзя, если смотреть с другой стороны. Ведь может случиться как в той сказке о цыгане, что постепенно уменьшал своей лошади день ото дня паек овса и сена. Сдохла ведь лошадь, когда по расчетам ромалы она совсем было от еды отвыкла.

Так ведь речами и плакатами «Ешьте крабов» единственно не прокормишь народ. Пора уж и о сытости подумать, но не чрезмерной, чтобы не освободить в головах джина частнособственничества и потребительства. Агитпроп тоже пора пришла на научный базис переводить от пустопорожного алилуйничества. Время Губельмана-Ярославского прошло, слава богу, безвозвратно. Дело пропаганды и контрпропаганды следует так поставить, чтобы и без «железного занавеса», который, правда, еще некоторое время потребует, но годы его уже сочтены, не наш колхозник ихнему фермеру, не фрезеровщик Иванов расточнику Джону в чем-то завидовал, а чтобы ихние фермеры и расточники с некоторым удивлением и недоумением смотрели на наших колхозников и рабочих: сыт, одет-обут, поголовно грамотен и при всем

при этом уверен в своем будущем, будущем своей страны.

Хрен тогда они нас возьмут своей пропагандой, на которую тратят миллионы и миллиарды долларов и фунтов. Главное — не перекормить фрезеровщика Иванова и не дать колхознику Петрову замечаться о «свободном хлебопашестве».

...Но перед самим собой хорохориться не буду: страна без хозяина может оказаться и добычей в Третьей мировой. Увы.

**ЗАПАДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ:
ПРОТЕСТАНТСКИЕ
ШТУЧКИ-ДРЮЧКИ;
Я ВЗЯЛ РОССИЮ С СОХОЙ,
А ОСТАВЛЮ С АТОМНОЙ
БОМБОЙ И РАКЕТАМИ**

В перманентной, пропагандистской войне с нами Запад в качестве основного козыря всюду использует свой институт демократии. Здесь игра на внешних различиях нашей и ихней организации государственной системы. Мы их систему называем показной буржуазной «демократией». Обязательно в кавычках. Они же нас именуют закрытой тоталитарной системой, отгородившейся «железным занавесом» от Запада только для того, чтобы советские люди не ведали о жизни всем довольных, свободных людей в странах традиционной демократии.

Здесь каждый прав по-своему, но никакого компромисса между этими правдами нет и быть не может.

Да, «железный занавес» в двадцатые-трид-

цатые годы заставили ввести именно западные демократии. И как перед стенами крепости дополнительно вырывают ров, наполненный водой, так и западники, принудив нас к занавесу, еще организовали санитарный коридор, правильнее — кордон, от Балтийского до Черного морей. Во главе с люто нас ненавидящей Польшей.

Спрашивается: почему мы после войны, перелицевав буржуазный санитарный кордон против нас в социалистический пояс против них, не убрали занавес? Отвечаю: во-первых, традиции столь быстро не меняются, да и вредна такая быстрота; во-вторых... Здесь придется пользоваться терминологией школы первой ступени. Или подготовительного класса царской гимназии.

Внешне, особенно на расстоянии, демократия завлекательна: хочу работаю, а нет, так попрошайничаю или по мелочи подворываю; сегодня я никто, а завтра по выборам депутатом стану (только кто тебе это позволит?); читаю что хочу или вовсе грамоте не знаю. И так далее: ни колхозов тебе, ни принудработы за ту неядство, а главное, открыты все пути к богатству. Если, конечно, повезет. Но в характере человека полагать именно себя назначенным судьбой.

А наш народ, добрый в историческом своем характере, перенесший не одну войну за тридцать с небольшим лет, при необходимости выживания страны в полном вражеском окружении предельно задисциплинированный, редко евший досыта, к тому же романтик и мечтатель, может с непривычки и поверить в жупел западной демократии. Как малые дети, сидя за партой, все в мечтах об уличной вольнице. Забывая, или

еще не зная, что на улицах, за пределами школы и родного дома, гурьбой ходит шпана, строгие дядьки-милиционеры, противные ворчливые старухи и много кого еще из малоприятных и пугающих.

...Занавес надо снимать постепенно по мере умудрения нашего человека, уравнивания его с западниками в материальном положении. То есть, у нас никакой не тоталитаризм, как внушают европейскому и американскому обывателю, а дисциплина, учение и труд. Как в школе, ибо мы уже тридцать лет учимся строить новую жизнь, опыта которой доселе история человечеству не предоставляла.

...А вблизи западная демократия не столь уж приглядна. Символично и показательно, что провозвестниками капитализма стали религия и социальная философия. Прежние не устраивали новонарождающийся класс сугубых частных собственников и безмерных накопителей ради самого накопительства.

Не устраивало христианство, худо-бедно, но канонически поддерживаемое католицизмом с папским престолом в рамках Христовых заветов, в особенности касающихся заповеданного Спасителем примата коллективизма перед индивидуальностью и отрицания богатства как нормы бытия. Так в нужное время появились Лютер и Кальвин, отколовшие от Ватикана почти всю Европу, во всяком случае ту ее северную и центральную части, где и предстояло родиться капитализму.

Англиканский и континентальный протестантизм хотя и называет себя реформированной апостольской церковью, даже соблюдает опре-

деленную, хотя и сильно упрощенную, обрядовость, но это уже иная религия, ушедшая от заветов Христа. Так что наш агитпроп в части школьных учебников истории, проводя аналогию между расколом западного христианства и расколом русского православия при Никоне, показывает себя совсем не с умной стороны. У нас никакого раскола не было, но также его не было в Европе. Ибо в России никониане и староверы как были, так и остались в православной полноте. А протестантизм в Европе вышел из ареала христианства.

...И семинарский отец Иракий не с бухты-баракты, не со вчерашнего вечернего гостевания у Георгия Церетели намекал: протестантизм и ислам санкционировали опытные в таких многосложных делах потомки ветхозаветных патриархов: чтобы сузить ареал влияния христианства, почти ставшего мировой религией в раннем Средневековье, добравшись до Индии и Китая, создав азиатское «царство пресвитера Иоанна». Что ж, так в долгой истории и бывает. Здесь то же самое: Христос на ритуальной базе иудаизма создал свое учение, а дождавшись своего часа, иудеи откололи от европейского христианства солидную его часть, создав протестантизм на ритуальной базе христианства.

Конечно, протестантизм вовсе не брат, даже не троюродный брат ветхозаветной религии, во многом, особенно в обрядовости, антагонист ей. Мудрецы Сиона — люди исключительного, дальновидного ума. Свою сакральную веру они не распыляют; это их и только их вера, данная первым пророкам древнего Израиля Всевышним как избранному народу. У них только один

«идеологический» противник — христианство, и их сверхзадача — дробление церкви Христа, а лучше — трансформирование ее в нечто иное. Как в случае с реформаторством.

Так говорил отец Иракий, так написано во многих трудах достаточно серьезных ученых нашего века, что мне довелось прочитать.

Протестантизм предуготовил нарождающейся буржуазии свободу от запретов Христа на сугубый индивидуализм и частнособственническое накопительство. Чуть позже, в эпоху Просвещения, в восемнадцатом веке, во Франции и в Англии свершился и переворот в философии, прежде всего в социальной. В своих трудах Юм, Локк, Кондильяк, Руссо, Вольтер и все остальные именитые мыслители создали философское учение эпохи Просвещения. Это явилось высочайшим взлетом этой науки в истории Западной Европы, исключая Германию, время которой еще не подошло...

Это учение и явилось основой идеологии и культуры нарождающегося капитализма. Таковой оно остается и для современного нам буржуазного мира. Основной догмат просвещенческой философии — сугубая индивидуальность личности и либерализм. Но все это при признании естественным, как в «Общественном договоре» Руссо, разделения общества на антагонистические классы и частнособственничества.

Кстати, это сразу же породило ответную реакцию предшественников социализма — социальных утопий Томаса Мора, Кампанеллы, Кабэ и других. Правда, еще слишком прямолинейно понимающих социальное равенство, опирающихся на идеальное государство Платона.

И вот, как те две шерочка с машерочкой, церковь и философия подготовили социальную и этическую предтечу капитализма, который и явил себя миру, и продолжает являть как воплощение протестантской, в особенности кальвинистской, идеологии: примат классового разделения, частнособственничества и накопительства при личной свободе человека по принципу: свободен жить и не жить, стать миллиардером, если получится, или люмпеном, изгоем, нищим. А превыше всего — торговая и финансовая спекуляция.

Такая вот демократия при ближайшем рассмотрении. А отсутствие планового регулирования производства, конкуренция и принцип навязывания совершенно ненужных товаров населению приводит к периодическим кризисам перепроизводства. Но это кажущееся изобилие товаров и их фасонов на рынке сбыта — издали кажется признаком добротного устроенной жизни всего населения капстран. Это-то и может свратить наш народ, еще не отошедший от скромного потребления. Поэтому надобность в занавесе от мира капитала — в бытовом смысле — еще не миновала. Пусть советский народ пока твердо усвоит смысл мудрой присказки: славны бубны за горами! Протестантские штучки-дрючки...

Коварные качества современного протестантского капитализма я всегда держал и держу в голове на первом месте. И тихо, не на трибуне, не в президиуме, горжусь тем, что, имея столь изошренного, умного и коварного врага, опираясь на идеи Маркса и Ленина, на плечи многих верных товарищей и соратников, чувствуя поддержку подавляющего большинства со-

ветского народа, за исторически короткий срок из нищей и разрушенной подряд двумя войнами лапотной России создал сверхдержаву, сдерживающую натиск всего капиталистического мира. Конечно, с помощью стран народной демократии... Ну, вообще-то это напоминает, честно говоря, смешливые рассказы Рокоссовского, маршала СССР и Польши. Как сейчас поляки говорят об участии в освобождении их страны Войска Польского? — «Наши бойцы из Войска единым ударом выбили гитлеровцев из Варшавы и всей Речи Посполитой. Только москали мало-мало подмогли!» Вот так и не меньше. А когда мы в сорок третьем — сорок четвертом спешно формировали это «Войско Польское», больше чем на половину комплектуемое из тамбовских, пензенских и других областей сроков призыва, так те поначалу никак не могли привыкнуть к чудным гимнастеркам и конфедераткам, спешно пошитым в Шуе и Иванове.

С трибун и президиумов, разумеется, нужно говорить о единой мощи соцлагеря, но народ наш далеко не так прост и привычно заменяет в своей голове эту мощь соцлагеря на советскую военную, экономическую, политико-идеологическую силу.

Вот и Мао — без году неделю, как правит Китаем, но уже проскакивают в его речах для «внутреннего пользования» слова и фразы насчет опоры на собственные силы. Как будто у нас на Лубянке и в других специальных учреждениях некому с иероглифов на русский язык переводить китайские газеты! Везде и за всеми догляд нужен хозяину страны: и за вашими, и за нашими. Ну пусть, пусть, по молодости ру-

ководства. Пока слушается. В корейской войне себя хорошо показал.

Итак, как ни крути, но это именно мы считывали и сейчас считываем на свои силы. Человек быстро привыкает к хорошему... впрочем, и к постоянно плохому. И вообще ко всему на свете. Вроде как уже никто, ни у нас, ни у капиталистов, не удивляется: как это мы сумели за тридцать с небольшим лет от сохи, неграмотности и территории страны, три четверти которой лишь абрисом нанесены на карту, стать высокоиндустриальным государством, красной империей, мощи которой опасается весь буржуазный мир?

И это был-то не ровный путь созидания без сучка и без задоринки. Начали построение советского государства с жестокой братоубийственной войны, даже если это братья Авель с Каином, продолжили позорной польской кампанией и успешными превентивными ударами, а потом грянула Отечественная. А после нее — «холодная», по затратам ресурсов и нервов не менее значимая. Вот так все и шло... и идет: вооружение, войны, восстановление. Кажется, только на это сил и хватит. Ан нет, «попутно» мы построили сверхдержаву.

В итоге никто не задумывается, не удивляется. Как будто все само собой устроилось. Ну, врагам нашим такая забывчивость на руку. А друзьям нашим во всем мире? — Да они молятся на нас, видя в СССР светоч иной жизни: не рабами капитала, но освобожденными от заrazy существовать только ради доллара или фунта. Раз же речь идет о вере во что-то и в кого-то, то символ веры абстрагируется от ре-

альных трудностей, поэтому они и не задумываются о движителе и содержании нашего гигантского скачка от ничтожества к великому государству. То есть, их можно понять.

Можно понять и наш народ, ибо человек русский туго знает: глаза боятся, а руки делают. А когда некто от природы, по многим предкам, пращурам своим, трудолюбив, упорен и радетен, не снимает пенки, а горбатится, то ему и не кажется ничего необычного. Живет себе мужичонка захудалый в избушке об одном оконце, бычьим пузырем затянутым. Ни бабы у него по худородству нет, соответственно и детишек, во дворе негороженном только две курицы из живности, да и тех соседский петух уваживает. Своего-то нет.

А почему мужичонка так скверно живет? — Да потому что безземельный и на деревенского кулака целыми днями за одно лишь хлебово несытное работает. Но вот сговорились такие же бедолаги стрезву и взяли кулака в топоры и вилы. Землю его поделили промеж себя. Первый год мужичонка на себе пашню обихаживал, а на урожай в рассрочку лошадь купил. Затем женился, детишки пошли. Сколько-то лет прошло, не так уж и много, но вот живет он уже в крепком доме сам-пять, две лошади на дворе — тягловая пахать и для выезда. Хлев полон: корова с теленком, овцы, свиньи, птичий гомон под вечер стоит.

И кажется ему, что так он всю жизнь и жил добротным хозяином. Про конуру свою безлошадную и во сне забыл.

А доведется мужику, если малопьющий и крепкую голову на плечах имеет, старостой или

председателем колхоза избратся, так и здесь будет казаться: так и раньше рачительно общество в добронравии и порядке содержал.

Таков русский человек. Потому и нынешний наш генерал на степном полигоне похлопывает по крутому боку атомную бомбу, что подвешивают под крыло самолета и которая через час ухнет многокилометровой высоты ядовитым грибом, и вовсе не вспоминает, что произошел он на этот свет в год коронации Николая Кровавого в нищей семье безлошадного батрака. С десяти лет и сам батрачил, а в шестнадцать, когда отец-мать от оспы примерли, и семья распалась, ушел в город на фабрику ремеслу учиться, к грамоте и листовкам бунтарским потянулся. На позиции Империалистической по возрасту призыва не попал, но Гражданскую завершил ротным командиром. Затем служба по всей необъятной стране, учеба, война в Испании, снова учеба в академии, Финская кампания и Великая война. Уже генерал-майором с академическим образованием по боеприпасам переведен на службу в атомное ведомство Лаврентия Павловича.

Вот сейчас генерал-полковник со звездой Героя похлопывает по крутому боку нового «изделия» мощностью в сотню хиросимских... На какой бы ступени столь стремительно переменчивой жизни ни находился наш генерал, никогда он не сравнивал: когда ему было лучше, а когда хуже?

Так и я, хотя и постарше чином атомного генерала, все-таки генералиссимус, но не могу сказать: отличается ли в своем мироощущении семинарист или обсерваторский рабочий Сосепо Джугашвили от генералиссимуса Иосифа Сталина?

Другое дело, что за душой было у Сосепо, и что есть у товарища Сталина. У первого, все же, горькие воспоминания о малосчастливом детстве и неясные устремления стать священником, утешать изможденных трудом крестьян в далеком кахетинском или мингрельском селе. Но вот у второго — созданная немалой толикой его трудов могучая держава с атомной бомбой и ракетами. Правда, серийные-то ракеты пока всего лишь перелицовка немецкой *ФАУ-2**, а линкоры только заложены на верфях Николаева, а атомные подлодки только проектируются в ленинградских конструкторских бюро, но Королев уже обещает ракеты межконтинентальные и космические. За линкорами, а потом и авианосцами, подводными атомоходами дело не задержится.

В том-то все и дело, что в человеке биологическое и социальное соседствуют. Хотя и очень близкие соседи, но все же каждый идет своим путем. Биологический человек приспособляется для выживания и жизни в любой обстановке. В которой вообще жить можно, разумеется. Поэтому для него, вообще говоря, нет прошлого, настоящего и будущего. Нет прошлого, настоящего и будущего времени. Оно — едино и воплощено в человеческой жизни. Поэтому для человека биологического и не стоит вопрос: а когда ему жилось лучше? Оптимист по характеру скажет: во всяком времени жизни

---

* Первая советская оперативно-тактическая ракета *6Ж32* отличалась от *ФАУ-2* только одним узлом, второстепенным: аккумулятором давления-вытеснения топлива и окислителя из баков в двигатель; у одной был пороховой, у другой — газовый аккумулятор. — Прим. авт.

свое счастье. Пессимист же ответит: хорошо там, где нас нет. Или не было. Или не будет.

Но совершенно иное — человек социальный. Для него существенно не биологическое время-единство, а развертывание в последовательности течения времени все усложняющейся социальной, экономической, политической и любой иной структуры общества и государства.

Это не из Фейербаха, хотя и логика исторического материализма та же. Все, все проверено собственной жизнью. Все, о чем велись жаркие споры, особенно в Курейке с Яковом Свердловым. Заботился о нас царь, отправляя периодически в ссылки: передохнуть от опасной и изнурительной подпольщины и повысить теоретический уровень профессиональных революционеров.

Я горжусь тем, что дело моей жизни почти свершилось.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ КАК АПОФЕОЗ НАРОДОВЛАСТИЯ; ОТЛУЧИТЬ ПАРТИЮ ОТ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

А свершилось отнюдь не волею товарища Сталина, в каком-то смысле рядового — хотя и из высших рядов — строителя СССР, а потому что в семнадцатом году была выбрана единственно правильная для решения такой грандиозной задачи форма власти — советская власть. Она настолько естественна, настолько народна, что даже восставшие кронштадтские матросы, мужики в крестьянских восстаниях первых лет нашей страны, даже и царские баловни — дон-

ские казаки выступали под лозунгом: советская власть, но без большевиков! Насчет большевиков они, конечно, глубоко заблуждались, но ведь советскую власть не отринули?

Не с бухты-барахты эта форма народовластия к нам пришла. Народу вовсе не нужно отвлекаться от многих полезных дел и изучать все перипетии выбора и обоснования этой формы. Поэтому наш агитпроп говорит просто: Ильич в семнадцатом году так решил, на то он и гений революции. А до середины двадцатых к Ильичу присовокупляли Иудушку. Теперь вот я присовокуплен. Но это с разрешения-решения того давнего, тридцатых годов пленума ЦК и с добавкой: верный соратник и продолжатель дела великого Ленина. Так надо для общей пользы дела.

На самом же деле форма народовластия рождалась долго, в упорных словесных баталиях: на съездах РСДРП, начиная с Лондонского, в тюрьмах и ссылках, подпольных собраниях и политкружках. И даже не мы первые начали. Она упорно, почти наощупь, по наитию искалась членами «Народной воли» и «Черного пердела», анархистами и эсерами, большевиками и меньшевиками.

Но опять же и они не являлись первооткрывателями. Герцен с Огаревым, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, анархист князь Кропоткин, а до того декабристы-масоны. Наивные русские офицеры, клонувшие на удочку... И все эти слова, размышления, споры русского века мятежей и революций базируются на всемирной социальной философии: от идеального государства Платона к утопиям, к классикам французской,

английской и — особенно — классической немецкой философии девятнадцатого века; наконец, вершина социально-философской мысли: Гегель, Фейербах, Маркс и Энгельс.

Но это все, в основном, теоретические построения и обоснования. А тот факт, что именно Советы оказались имманентными России, СССР, объясняется исторической спецификой государственного устройства Древней Руси и Руси Московской — до пришествия на самодержавный престол западника и торопыги Петра Первого.

Русь сравнительно поздно — по отношению к Европе — приняла христианство, поэтому все русское Средневековье суть симбиоз православия и позднезрелого славянского язычества во всех сферах жизни: от устройства семьи до государственности. А что такое славянский, русский языческий социум? — Прежде всего сугубый коллективизм, община и общинные основы управления. Собственно крестьянская, земледельческая община никогда и не прерывалась со времен волхвов древних вятичей и кривичей до нынешних колхозов и совхозов «им. Ильича». Даже выдержала искус разбежаться по хуторам и отрубам в реформы Александра Второго и Столыпина-вешателя. Но, что наиболее существенно, не только низовая община, но и традиции государственного управления в Древней и Московской Руси явились предтечей нынешнего устройства советской власти. Здесь и новгородское вече, и земские соборы уже во времена московских царей. Тот же знаменитый Стоглавый собор, принявший первое регулярное законоуложение России.

Только в изложении пролеткультовского историка — проститутки Покровского эти соборы являлись «высшей властью эксплуататорских классов и церковных мракобесов». Впрочем, что ему в тот момент велели из комиссии Луначарского — Крупской, то он и сочинял... Неча и нам пенять на верного слугу советской власти. Но ведь достаточно посмотреть в Третьяковской галерее или в Русском музее картины исторических живописцев прошлого и начала этого века? — Рядком стоят или сидят боярин в меховой шапке с высоченной тульей, поп с полупудовым крестом на золотой цепи, казанский мурза в полосатом халате, нижегородский купчина, черкесский князь, только-только перешедший под скипетр Ивана Грозного, но более всего крестьян в глухо застегнутых армяках. Все с бородами до пупа, исключая щеголеватого князя в усиках и мурзу с реденькой «шотландкой».

И никаких тебе мастеровых в чуйках, мещковских думских репортеров либеральных газеток, адвокатов и прочих представителей свободных профессий! Бла-а-лепие, Третий Рим — и соборность, наивный еще вариант советской власти.

Но только наша советская власть стала апофеозом народовластия. Не зря же у наших внешних и оставшихся еще внутренних врагов особую ненависть вызывают слова, относящиеся к самоназванию государственной власти СССР. Отсюда и их «совдепия».* То есть социализм,

---

* В современный период государственного антисоветизма в сознание и лексику обывателя внедрено презрительное, как тягучий плевков через губу, «совок». — Прим. авт.

народная демократия, союз республик — это их меньше трогает. Но вот «советский» — вызывает у них зубовой скрежет.

Советское народовластие — уникальное явление, единственное и неповторимое в своем роде. При всей внешней схожести с советской, власть во всех других странах соцлагеря — просто народный вариант парламентаризма в западной ли, в восточной ли окраске. Принципиальное отличие советской организации от парламентаризма состоит в том, что во второй лейтмотивом является институт выборности с той или иной системой представительности. А сразу после акта выборов все властные функции делегируются избранной власти: народной ли, капиталистической...

Именно поэтому в парламентаризме столь важную роль играет альтернативность выборов: классическая двухпартийная в англоязычных странах, многопартийная в европейских государствах. Даже в *наших* Германии и Польше — при приоритете правящих народно-демократических, читай — коммунистических, партий.

В советском же народовластии выборы вторичны, равно как и альтернативность: партийная и кандидатская. У нас ее вообще нет. Это-то и вызывает критику у наших врагов: дескать, в советах выборы — фикция, а страной правит диктатор Сталин с узкой группкой смотрящих ему в рот приближенных.

Пусть считают, если им по каким-либо причинам не хочется знать сущность советской власти. А сущность эта состоит в том, что советская власть, она же народовластие, не сосредоточена в парламенте, в том же Верховном

Совете СССР, Советах союзных и автономных республик, но она органически неотделима от нашего социалистического государства. Советская власть и государство переплетены, смешаны друг с другом, как, например, песок и галька на морском берегу. Или кому что нравится. Главное — смысл понятен.

Правильнее будет сказать: Советы скорее не власть в юридическом ее понимании, а воспитанный образ жизни, когда каждый человек, даже и не очень лояльный к власти, тем не менее ощущает себя не винтиком огромного государственного механизма, но действенным соучастником жизни государства, государственного строительства. А выборы? — Но ведь выборам со столь веселящей наших врагов результативностью 99,99 % «за» у нас предшествует объективная и пристальная оценка кандидатов. Да, можно и просто назначать руководителей и функционеров органов законодательной советской власти. От этого ничего — в худшую сторону — не изменится. Но зачем гусей-то дразнить? Именно поэтому во многом формальная процедура выборов в Советы различных уровней у нас сохраняется. Причем на нижних уровнях, в тех же сельсоветах, зачастую это вовсе не формализм. Там-то все друг друга знают как облупленных. И скорее библейский верблюд через игольное ушко пройдет, нежели какой местный прохиндей во власть местную же встрянет.

То есть основной принцип выборов-назначений в системе советской власти состоит в сочетании, с одной стороны, доверия народа, с другой — наличия деловых качеств и способностей. Наконец, с третьей и последней сторо-

ны,— это система полного контроля, рекомендаций и сочетания доверия с дамокловым мечом крушения карьеры руководителя, если сумма его огрехов превысит допустимые нормы.

Такая-то вот наша советская власть, истинное, не показное народовластие. Конечно, в такой понятийной терминологии агитпропу в самом страшном сне не приснится не то что говорить прилюдно, но даже сам-один молча размышлять...

Главное, такая система истинного народовластия не просто сложилась, но закрепились как естественный порядок вещей. Даже несмотря на врожденный идиотизм всевозможных охранительных служб. Тех же «лубянщиков» на местах, лейтенантов-стажеров, что по приказу выслуживающегося городского начальства после очередных выборов сутками запариваются, вычисляя по правилам криптографии и графологии те самые 0,01 %, что проголосовали «против»... Лаврентий рассказывал, смеясь: дескать, пусть тренируются ребята, чем водку хлестать и девок местных портить от непыльной провинциальной службы.

Советская система сильнее и лубянских застоявшихся в безделье жеребцов, и гражданских начальников-карьеристов всевозможных мастей и рангов. И пока я у кормила — советская власть будет соответствовать своему определению. И после меня она еще лет десять-пятнадцать будет таковой. Но дальше ее сожрет, извратит или в конце-концов сделает фикцией враг, сто крат опаснее простоватых ребят с Лубянки и областных управлений, начальников-карьеристов. Этот враг советского устройства

жизни страны — выродившаяся в партноменклатуру партия.

Увы, это так. Как ни печально. Но силен и умен тот, кто предупрежден. Я же начал задумываться о вырождении партии еще со времен фракционных баталий и склок двадцатых годов. Но суровые будни тридцатых, война и послевоенное напряжение всех сил, когда число лишних людей, карьеристов и выжиг, было сведено к минимуму, как-то оттеснили эти опасливые мысли даже не на второй, но на третий план. Но с конца сороковых, когда снова начались внутривнутрипартийные склоки, игры, причем нередко кровавые, партноменклатуры и «лубянщиков» в поддавки и рокировки, вновь потянуло расстрельным смрадом ягодовщины-ежовщины... Словом, стало предельно ясно: если не отстранить партию от прямого администрирования*, то это будет началом конца советской власти.

Другой гипотетический вариант выхода — создание в стране многопартийной системы — полная чушь. У нас нет такой традиции, это в полной мере подтвердил «думский период» 1905—1917 годов. А потом выглядело бы в глазах нашего народа и всего мира как полная наша капитуляция...

---

* Сталин не успел этого сделать, потому советская власть у нас была уничтожена. Но это сделал в Китае истинный сталинист Мао Цзедун и его последователь Дэн Сяопин. И хотя современный Китай де-факто уже не социалистический в полной мере, а советским никогда не был, но кто знает, что будет дальше? Во всяком случае сейчас компартия в Китае от администрирования отстранена. Да, на каждом госпредприятии имеется партком, но находится он где-то на окраине города. Там ведутся учеба и дебаты.— Прим. авт.

Итак, разделить советскую власть и партию. Пробный камень здесь я бросил на последнем съезде партии. Очень опасаясь, что меня за это уничтожат. Именно уничтожат, поскольку отстранить меня от руководства страной и сделать почетной фигурой навроде нынешних Ворошилова и Буденного невозможно. Ну ладно, где наша не пропадала!

На съезде пришлось по понятной причине все настолько завуалировать в сукобно-казенные слова и словосочетания, что суть начавшейся новой партийно-хозяйственной политики поняла только партноменклатура. Она всегда нос по ветру держит, если это касается ее шкурных интересов.

С советской властью все понятно: она остается как есть, ее не надо менять или видоизменять, она дана нам раз и навсегда. С нее снимается ярмо партийного диктата. На будущее поясним: во-первых, чем «не угодила» партия? Во-вторых, какую роль будет играть партия после ее отстранения от власти-администрирования?

Коммунистическая партия, как ведущая сила создания социалистического государства и победы реального социализма, была насущно необходима при создании революционной ситуации, собственно в «пробной» революции 1905-го года и в победоносной Октябрьской революции. На время Гражданской войны, периодов военного коммунизма и *НЭП*а роль партии несколько снизилась по отношению к административной власти, которая в те же периоды в определенном смысле доминировала над советами и партией. Таково было требование и веление времени. Объяснение этому лежит на поверхности и особых растолкований не требует.

Но во второй половине двадцатых годов, когда развернулась фракционная борьба почти по принципу «все против всех», роль партии становится лидирующей. И это хорошо понятно: для построения реального социализма в СССР требовался переход от умозрительной теории Маркса — Энгельса, отчасти Ленина, к качественной, практической стратегии социалистического строительства. А в период индустриализации и коллективизации, когда с фракционностью, а главное — с троцкизмом было покончено, роль уже единой большевистской партии достигла апогея. Ибо понадобилась единая организующая сила, причем всенародная, всеобъемлющая, в то же время в определенном смысле не зависящая от власти и конкретного администрирования. Истинно исполнялся девиз: партия — наш рулевой!

Точно такая же надвластная, наднадминистративная организующая сила требовалась в предвоенные годы, в войну и в послевоенное восстановление страны. Из идеологических соображений руководящая роль партии в СССР требовалась для наглядного примера странам возникшего после войны соцлагеря.

В наше время, когда у нас построен реальный социализм, создан соцлагерь, а после создания атомной бомбы — и носители почти «на выходе» — положение страны в мире неуязвимо. И это на многие десятилетия. С другой стороны, сложилась тенденция к перерождению партии в самодовлеющую силу. Как говорится, спокойная и сытая жизнь скорее портит человека, нежели беспокойная и полуголодная. Признаком такого перерождения — выделение из

партии партноменклатуры. Но это полбеда. Истинная же беда — верховенство партноменклатуры над советской властью и ее сугубое администрирование во всех отраслях жизни: от быта людей до промышленности. То есть наступил такой момент в жизни нашего государства, когда доминирование партии становится тормозом дальнейшего развития. Ничего в этом удивительного нет, что роль партии то возвышается, то снижается. Ибо марксизм не догма, а вечно живое учение. Как говорит наш агитпроп.

Итак, настало время отлучить партию, во избежание греха, от администрирования, а всю полноту власти отдать Советам. Понятно, что такой переход, такую смену приоритетов следует проводить хотя и быстро, но без излишнего афиширования. Здесь агитпропу надлежит из кожи вон вылезти — чтобы комар носа не подточил. И эти штучки-дрючки в духе Емельяна Ярославского пора уже забыть напрочь. Но — это все дело техники, так сказать. Точнее — так говорит Лаврентий.

Вопрос другой: какие функции будет выполнять партия после ее отстранения от реальной власти?

Ей останется другая, не менее важная власть — власть идеологического руководства. Поскольку с партии снимается ответственность за хозяйственную деятельность и руководство на местах, то есть власть над большими массами людей, то она гарантированно освобождается от карьеристов и чиновников. Уже очень скоро партия очистится от балласта и партноменклатуры. Она не будет столь массовой, как то имеет место быть сейчас. Не будет в ней и шолохов-

ских дедов Щукарей с портфелями, набитыми старыми газетами...

Общий научный потенциал партии резко возрастет. Но и сугубой партией интеллигенции она не станет, постоянно подпитываясь молодежью, серьезно задумывающейся над текущими и перспективными задачами коммунистического строительства. Главное — теперь у партии будет достаточно времени и умов, чтобы разрабатывать теорию коммунизма.

Итак, теория коммунизма, социалистической экономики и политэкономии, вопросы народо-властия и так далее, вплоть до этики и эстетики нового общества — вот на чем должна будет сосредоточиться партия. И в то же время каждый партиец — не освобожденный чинуша с портфелем, но активный участник жизни государства, участник коммунистического строительства. Не партийный сектант, но член общества, его строитель.

Главное — этот процесс я уже начал на последнем съезде партии. А для кого — *последнем?*

БОЛЬШЕВИКИ И КОММУНИСТЫ; СТАРАЯ ГВАРДИЯ И ВЫДВИЖЕН- ЦЫ; НЕ БОЙТЕСЬ КРЕМЛЯ, БОЙТЕСЬ МЕНЯ

Скорее всего последним для меня, а значит, и для задуманного во многих тайных размышлениях процесса подчинения партии Советам. Кстати, если каким-то чудом, божьим провидением этот процесс все же свершится, то терминологически верным будет самоназвание «боль-

шевики» оставить для анналов истории партии и революции и вернуться к марксовскому «коммунисту». Казалось бы — пустяк и несущественно, но в серьезных делах пустяков не бывает.

...Въедлив ты, Коба, на восьмом десятке лет! А въедливых всегда на филологические упражнения тянет. То на Марра в «Марксизме и языкознании» набросился, хотя, конечно, нехрена ему лакействовать: дескать, все языки с Кавказа пошли! Хорошо хоть не прямо из Гори и Тифлиса... Яфетист, твою за ногу!

Ну, с яфетической теорией разобрались, а к чему это большевики с коммунистами в их противопоставлении в голове бессонной засели? Не дай. Бог, раньше времени что-нибудь на этот предмет брякнуть — агитпроп такогоavorочает!

И все же — что я так привязался к нашим славным большевикам и Марксовым коммунистам? Исключая, конечно, терминологическую условность большевистского самоназвания. Ну, было дело, оказались мы в составе *РСДРП* в большинстве в запале фракционных баталий, поддержали Ильича и что? А то, что это самоназвание в определенном смысле поглотило коммунистическую сущность нашей партии. На определенном этапе это себя оправдывало, тем более, что наименование *ВКП(б)* все же подчеркивало первенственность коммунизма. В народном же обиходе по сравнению с иностранным словом «коммунизм» куда более понятные «большаки» воспринимались однозначно: большие, большинство, словом, хорошо понятная роль большака в крестьянской семье в три поколения.

Таким образом, длительное время в нашей советской истории превалировало большевистское самоназвание партии. Но после намечаемого отлучения партии от администрирования все же доминирующим должно стать коммунистическое самоназвание.

И все же дело, конечно, не в терминологии, ибо большевик есть большевик, а коммунист, соответственно, коммунист. Дело здесь в другом, качественного порядка. Большевики — это сугубые практики революции и начального периода построения социализма в нашей стране. Это суровые бойцы, великолепные организаторы государственного строительства. Коммунисты же — это номинально члены коммунистической партии, люди различных профессий, занятий, интересов, которых объединяет в партии признание ими коммунистической идеи. И не только признание, но и добровольное следование уставу партии, который предполагает активное участие членов партии в построении нового, социально ориентированного общества, государства.

Казалось бы, различие чисто формальное, словесное. Но нет. С отлучением партии от администрирования большевики уступят место коммунистам. Туманно, конечно, сам себе излагаю, но что требовать от пожилого человека, хворого и пытающегося все разложить по полочкам в глухой ночной час? Вот так-то.

С расцеховкой членов партии на большевиков и коммунистов каким-то боком соприкасаются и различия между старой гвардией и выдвинутыми. Крайне условно старая, ленинская гвардия партии — это те, кто готовил, начиная с конца прошлого века, Октябрьскую револю-

цию (революцию девятьсот пятого года делали эсеры), активно участвовал в Гражданской войне, отстаивал интересы партии и страны в фракционной борьбе двадцатых годов, разгромил тогда же троцкизм. Далее интересы ленинской гвардии, особенно в первую половину тридцатых годов, переместились в управление государством, партией, армией.

На смену им в конце двадцатых — начале тридцатых годов в качестве практических работников партии и государства в низовом и среднем звеньях пришли выдвиженцы, как правило, молодые, достаточно образованные рабочие, специалисты промышленности, науки, армии, не участвовавшие по малолетству в революции и Гражданской войне.

Говоря бытовым языком, на рубеже двадцатых-тридцатых годов произошла смена партийных поколений. Выдвиженцы же приняли на себя все хлопоты и тяжести индустриализации и коллективизации. Именно они под общим руководством старой гвардии и создали в тридцатых годах социалистическую державу СССР. Они же вынесли на себе все тяготы Отечественной войны и послевоенного восстановления страны.

И здесь как в обычной двухпоколенной семье. Старшее поколение с высоты своего жизненного опыта снисходительно поглядывает на молодую, но уже набирающую силы поросль, иногда ворчит и брюзжит, но хорошо понимает: это их смена, продолжатели их рода и дел. А молодые несколько по-иному смотрят на сущность этих дел, порой выкобениваются, порой самонадеянны. Типичная семья, тургеневские отцы и дети. Здесь главное, чтобы между этими двумя поколениями

не разорвалась цепь продолжения рода. Прежде всего по характеру и духу.

А вот сейчас, в начале пятидесятых, в партию приходит уже третье поколение, послевоенные выдвиженцы, но уже по-преимуществу рано повзрослевшие на войне. Все как в семье, причем в семье от поколения к поколению повышающей свой умственный и духовный уровень. Если старая гвардия редко могла похвастаться высшим образованием, полученным в молодые годы, а потом нагоняла это в двадцатые-тридцатые годы на различных курсах ускоренного типа, то выдвиженцы периода индустриализации уже имели школьное образование, учились на рабфаках и в институтах. Нынешние же выдвиженцы все сплошь образованные. Так и должно было быть: с фронтов в институты и университеты.

Старая гвардия — большевики, а выдвиженцы уже более коммунисты. Поэтому при отодвигании партии от административной и иной реальной власти мы должны ориентироваться на выдвиженцев, особенно их второе поколение.

...Большевики, коммунисты, старая ленинская гвардия, два поколения выдвиженцев — тридцать пять лет советской власти, а уже такая разветвленная история! И все эти ветви в партии пересекаются, дробятся, переходят друг в друга, где-то конфликтуют, порой даже враждуют. Все как в большой семье с ее предсказуемыми и непредсказуемыми коллизиями: радостями и скорбями, ссорами и примирениями.

Не обходится и без общих бед. Как в ежовскую мясорубку, когда под расстрельными дулами и на лагерных нарах оказались предста-

вители старой гвардии и выдвиженцы первого поколения. Когда Лаврентий разбирает эти авгиевы конюшни бывшего слесаря и возвращал из лагерей почти четыре сотни тысяч, то точно также возвращались к прежней жизни ветераны революции и молодая поросль партии.

Именно с ежовского безумия, никак не с процессов середины тридцатых годов, по причине массовости безвинно осужденных началась и боязнь Кремля. Но не надо бояться Кремля — бойтесь уж лучше меня, если без страха нельзя жить и работать по совести.

Страх почему-то полагается постыдным чувством человека. Поэтому страх в восприятии большинства людей сродни трусости, предательству, лизоблюдству и далее вплоть до предательства. А антитезы страху — бесстрашие, героизм, самопожертвование и так далее — наиболее уважаемые качества человека. Гордый и бесстрашный человек джигит! Лучшей похвалы на Кавказе нет.

Но не надо поддаваться эмоциям и прислушиваться к так воспеваемому агитпропом любых времен и стран «голосу народа — голосу божьему». «*Vox populi — vox dei*», — как латинизировал, посмеиваясь, семинарский отец Иракий.

А вот умнейший академик Орбели и невропатолог профессор Коновалов из «кремлевки», что иногда пробует лечить мою усыхающую руку, те прямо говорят: страх есть самое естественное, биологическое качество человека. Не только человека, но любой живой твари. И у животных, у которых есть мозги что-то думающие, то есть, у млекопитающих, и вовсе интересно. Чем старше такое животное, тем оно бо-

язливее, трусливее. Вот это-то и есть биологическое. Животное должно прожить все те годы, которые его породе отпустила природа. Собаке — не более полутора десятков, кошке с котом до двадцати и даже чуть более. А вот гусю аж все сорок! Усмехнулся. Вспомнил из детства соседку Нино, старуху-бобылку, что держала гусей (пруд за ее хибарой) и торговала на базаре крупными гусиными яйцами. Их охотно покупали хозяйки и господские кухарки. К пасхе и мама их покупала. Говорила, что из гусиных и утиных яиц лучшее сдобное тесто получается.

А вот человеку, как тот же Коновалов говорил, как биологическому виду отведено всего-навсего тридцать пять лет. Меньше, чем тому же, из детства, гусаку Гиго, возглавлявшему соседкину стаю. Нино говорила: уже на четвертом десятке Гиго. Кстати, столько же отпущено и нашим родственникам-обезьянам. А то, что мы все-таки пребываем в этом мире в два, а у нас на Кавказе и в три раза дольше, как и у непьющих-некурящих староверов в России, так это, как умничает Коновалов: «Достижение цивилизации, культуры и даже медицины».

...Так о чем это я по-старчески заболтался сам с собой? Да-да, о страхе, присущем всякому живому. Не надо бояться своего страха. Он есть осторожность, которая оберегает. Но одно у собаки, кошки, барана или слона, другое — у человека. Здесь Энгельсу с Орбели все карты в руки. Здесь в части страха уже не многомудрая биологическая наука марку держит, но социальная природа человека. Ему жить намного сложнее, за человека не природа или хозяин собаки думает, а он сам. Или человек же хозяин. Так

же и он, Вождь, должен думать почти за две сотни миллионов сограждан, а с недавних времен и вообще за половину мира.

Страх, как внешнее проявление осторожности, неотъемлемая черта человека как члена общества, государства. Безумство храбрых, как писал поэт, уместно на войне. В обыденной же жизни это ведет к анархии и питает контрреволюцию. Поэтому, когда говорят, что товарищ Сталин всем советским людям — страх, то нужно понимать: товарищ Сталин постоянно поддерживает у жителей СССР чувство осторожности. Осторожности за себя и за страну. Именно так и надо понимать.

Без осторожности никак нельзя. Главное, неосторожный человек, потерявший чувство страха, выпадает из коллектива, даже из своей семьи. А раз так, то он уже не может быть активным строителем нашего советского государства. Вот в чем необходимость чувства осторожности. То есть, страха в обыденном понимании.

Разве наше руководство, партия, я, наконец, что-либо новое здесь придумали? Вовсе не так. Народ наш в своей истории всегда кого-либо и чего-либо боялся, испытывал страх. Боялись гнева князей и царей, опасались стрельцов, опричников, жандармов, квартальных надзирателей. Опасались гнева придуманного бога на небеси, неурожайного голода, морового поветрия, войны с турками или поляками. И это чувство страха-осторожности позволяло существовать и развиваться русскому государству — от Киевской Руси, средней по размеру европейской страны, до 1/6 части земной суши. А даже и поболее в середине прошлого века с учетом Польши, Финляндии и Аляски с Калифорнией.

И любая власть — советская здесь пока не может быть исключением — прекрасно знает о необходимости и определенной полезности страха-осторожности как для государства, так и для самого народа. Либерализм, социальность, деспотизм здесь ни при чем. Такова сущность института государственности. И сам Платон для своего идеального государства не исключал страх. Даже безудержные фантасты-утописты: Мор, Кампанелла, Кабэ и вся их мечтательная компания. Возможно, роль страха отойдет на вторые-третьи-четвертые позиции в развитом коммунистическом обществе. Хотя бы потому, что идея государства отомрет. Но и тогда он не исчезнет вовсе, а просто переродится в иную, более гуманную форму осторожности. Опасение не совершить вольно или невольно моральный, этический проступок, не отвечающий канонам социального государства. Чувство вины за проявление биологического инстинкта эгоизма или эгоцентризма. Опять же разочарование, что не успел в активную пору своей жизни полностью реализовать отпущенные природой дарования. В общем, что-то в этом роде.

...Но уже в наше, далекое от идеалов время большинство государств, как капиталистических, так и в нашем соцлагере, отказались от практики предшествующих эпох: нарочито внушать страх своим подданным в интересах самого государства. Тем более в интересах своих, власть предержащих. Все-таки земная жизнь неумолимо совершенствуется. Цивилизуется, как любил повторять троцкист Бухарин.

В столь еще короткой истории Советской страны по необходимости санкционированное

устрашение использовали Ильич с Иудушкой в красном терроре. А вот кровавая баня и массовые аресты, учиненные психом Ежовым, да отчасти до него и Ягодой, не говоря уже о спектаклях последних лет — от вымученного «ленинградского дела» до тлеющего «дела врачей» — это уже не санкционированный страх. Это сочетание необходимости, рьяности и необходимой чистки партии, но средствами, явно избыточными. Где и меня испачкали во всем, в чем можно.

Потому народ наш в массе своей страхом не пропитался. Просто стал осторожнее. Особенно в тридцатых года, понимая: большая война, к сожалению, неизбежна, и осторожность во всем — это помощь своему государству в подготовке обороны.

Мы все сделали, чтобы троцкистская притяжка о боязни советского народа перед Кремлем не состоялась. Ибо здесь был ясно читаемый подтекст: бояться Кремля — бояться своего же государства. Кремль не мог быть источником страха, ибо государство наше прежде всего ориентируется на доверие, преданность и приязнь масс. И они это прекрасно понимают и чувствуют. Массы не обманешь, но и они нас не пытались, не пытаются нас обмануть.

Не бойтесь Кремля, бойтесь уж меня — кому следует бояться. К величайшему сожалению, наше государство еще не столь совершенно, чтобы можно было обойтись без страха. Гегелевская диалектика права во всех своих ипостасях. И в том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба обостряется. В том смысле, что нарождались и сейчас нарождается антисоциальный элемент. А его разрастанию до недопусти-

мого числа противостоит именно страх. Так пусть боятся меня, хозяина страны. Я не Иисус Христос, который взял на себя и искупил своей мученической смертью все грехи несовершенного мира, но все равно на меня со временем повесят все несовершенства и неровности построения советского государства. Пусть я буду до полноты картины и источником страха.

Со временем, но только более дальнем, ветер истории сметет мусор с моей могилы. А помневшие к тому времени люди разберутся что к чему. И в части страха. Главное, чтобы — от обратного, как говорили математики-вычислители в той давней, юношеской обсерватории — чувство страха перед молчащими массами не овладело стареющими нашими руководителями. Опять же стареющее животное становится боязливым, что превышает принятую норму осторожности. Пусть лучше и они меня побаиваются. Даже те же Берия, Молотов, Каганович и наш двадцать седьмой бакинский комиссар.

Вот еще одна докука: заботиться, словно нянька, о степени боязливости старых и новых соратников по партии и государственному строительству...

**КИРОВ, ЖДАНОВ, БЕРИЯ
И ДРУГИЕ СОРАТНИКИ.
УГОДНИКИ, ДОНОСЧИКИ,
РАССТРЕЛЬЩИКИ И ПРОСТО
ДУРАКИ — ВСЕ СПИШУТ НА МЕНЯ**

Соратники... Самые верные из них, Киров и Жданов, ушли из жизни в самом активном для работы возрасте. Одного почти ритуально

убили, второго, скорее всего, тоже уморили. Киров был воплощением энергии, жизнелюб и умница. Жданов же замечательно сочетал в себе потомственную интеллигентность и завидные качества государственника. Конечно, разве наши внутренние и внешние враги-троцкисты могли допустить, чтобы партия имела крепкий тыл в Ленинграде в лице того и другого? Разве могли они позволить мне на кого-то с полным доверием опираться ошуюю и одесную? Не могли. И не позволили.

Да еще меня к убийству Мироныча подло притянули. Дескать, заопасался после того знаменитого голосования Сталин потерять свой пост, вот и убрал Кирова с этого света. Да еще и спектакль устроил с приездом в Ленинград тотчас после сообщения в Кремль о выстреле в Смольном, с битьем по лицу уже на перроне Московского вокзала ленинградского обер-чеккиста Медведя... Подлецы и клеветники, обо всем и обо всех по себе судят! Прекрасно ведь известно, что безо всякого лицемерия я четыре раза просил ЦК и Политбюро дать мне отставку с высшего поста. И Киров никогда этого поста себе не желал. А выборы те? — Они, троцкисты, со свечкой, что ли, стояли в комнате счетной комиссии? Дескать, не важно как голосуют, важно как считают. Да, Мироныч был вторым по числу голосов, но — вторым. Без всяких спектаклей. А стал бы первым, так сразу после оглашения результатов взял бы самоотвод. Не из какого-то страха перед «мстительным Сталиным», но просто по характеру своему, да еще в такое тревожное, неустойчивое время, он привык быть вторым, ведомым. Кстати, Васька

как-то рассказывал, что в войну, в авиации в боевых «двойках» истребителей ведущего и ведомого назначали не по званиям и наградам, а по характерам. Был характер ведущего и характер ведомого. Безо всяких обид. А характеры эти вычислялись после первых же схваток в воздухе.

Ведущий — это воплощенная воля и врожденная интуиция в выборе мгновенно изменяющихся позиций боя. Ведомый — бесстрашная основательность, сочетание холодного расчета и осторожности — в стремлении защитить с тыла своего ведущего. И опытные комэски, матерые комполка, получившие боевое крещение еще за Пиренеями, это прекрасно понимали.

Так и у нас с Кировым была такая «двойка». Но воспрявшие духом подпольные троцкисты тогда решили дать «последний и решительный», мобилизовали все и всех. Дескать, главное — сбросить Сталина, а того же Кирова мы скоренько в бараний рог согнем. Но просчитались. Партия оставила меня. И Мироныч не захотел стать их марионеткой, тельцом для закланья. Нет худа без добра — то голосование позволило выявить затаившихся троцкистов. За что и второй свой провокационный тезис обличили: съезд расстрелянных. Опять же не на обезумевшего Ежова, а на меня списали.

Ленинград... Бывшая вотчина Зиновьева. Именно он создал там троцкистское ядро. И как только Киров, а потом Жданов подбирались к нему, так их убивали: из револьвера, больничной инсценировкой. Истинная, глубинная политика так отличается от ее внешней, вроде бы хорошо объясняемой стороны, как причина зем-

летрясения от вида разрушенных домов и беженцев с котомками.

Вот эта внешняя сторона большой политики, ничего общего не имеющая с истинной картиной событий, но чаще всего извращенная по некоей команде «кру-у-гом», целенаправленна, прежде всего, на вечно крепкую задним умом интеллигенцию. История ее ничему не учит. Зато партайгеноссе Геббельс изобрел хороший способ ее обучения: ложь, повторенная много раз, становится правдой. Сходно действовал и Иудушка.

Ленинград.... Что же с тобой содеяли Троцкий и Зиновьев? Сделали заложником амбиций этих политиков-антисоветчиков, не мыслящих свою жизнь в целенаправленном, общепольном своей (своей?) родине труде, но только в вечном раздразе и сумятице. Только здесь они, как рыба в воде.

Лаврентий. Мингрелец. Почти земляк. Верноподданнейший автор — сказочник моей ранней политической биографии.* Да и не автор он никакой; какого-то профессора подрядил. Может, потом и расстрелял или на Колыму безвыездно отправил. И издатели книги лицом в грязь не ударили: бумага веленевая «слоновая кость», за двадцать штук иллюстраций, проложенных калькой, обложку только, наверное, Иван Поддубный мог бы согнуть... А на обложке — рельефное тиснение: молодой Коба с развевающимся знаменем в руках ведет в насту-

---

* Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье (Доклад на собрании Тбилисского партактива 21—22 июня 1935 г.).— М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1938.— 181 с.— Прим. авт. (Это 3-е издание, что «под рукой» у автора).

пление на царизм-самодержавие закавказцев. Целых шесть революционеров. По лицам четко видно: имеретинец с винтовкой, мингрелец с маузером или револьвером — не разобрать. Армянин и бакинцы без оружия. И здесь тонкие политики-издатели, оформляя книгу, держали в головах, что, раздай им оружие, так и дашнаки с муссаватистами им воспользуются!

...Но и такая книга была нужна в интересах государства для создания образа идеального Вождя. Лаврентий же всю жизнь держал и держит нос по ветру. Впрочем, в качестве ведомого товарищем Сталиным. Место Мироныча он, разумеется, не занял. Характер не тот, методы не те, нет той широты взглядов, интересов и мышления. Берия — не ведомый, а разведчик фронтовой авиации, включая разведку боем. Поэтому ему смело поручались наиболее ответственные дела. Разведчиком он был в предреволюционном Закавказье. Даже сумел внедриться в жандармскую охранку, чем спас от тюрьмы многих товарищей по борьбе. И по этой части дождался «благодарности» от троцкистов: дескать, был Лаврентий жандармско-полицейским агентом в революционном движении... Чему уж тут удивляться, если где-то в эмигрантской прессе тридцатых годов (сейчас нельзя и у них, не поймут после войны) какой-то писака, то ли из троцкистов, а может, из прямых контриков, пропечатал, что и я был агентом охранки: ночью, мол, с Камо экспроприировал тифлиссские банки, а днем писал отчеты в жандармское управление. Ни много, ни мало!

Второе большое, опять же конкретное дело, Берия делал в двадцатых годах: из полувраж-

дующих грузин, армян и азербайджанцев, закавказских татар и горских евреев, турок-мехетинцев, мингрелов создал *ЗСФСР*. Унял националистические страсти, прижал к ногтю тифлисских меньшевиков, дашнаков и муссаватов. Тем самым унял перманентную, как любил ораторствовать Иудушка, закавказскую драчку, с помощью одиннадцатой армии усмирил собственно Кавказ и, как исправный завхоз, «сдал» Кавказ и *ЗСФСР* из рук в руки образовавшемуся *СССР*. А сам перебрался в Москву расти в чинах и званиях.

Подоспел он вовремя — надо чистить авгиевы конюшни ежовщины. С чем Лаврентий блестяще справился: вернул из лагерей и тюрем почти четыреста тысяч человек, в основном столь нужных в предвоенные и военные годы специалистов для промышленности, науки и армии. А Лубянку-конюшню вымел метлой от зажавшихся на непьющей работенке жеребцов-расстрельщиков и фабрикаторов конвейера липовых дел. Заодно и наказал наиболее рьяных принятым тогда способом... Мягче нельзя, не то время. Увы. С расстрельщиками их же приемами.

Справился Берия с многотрудными обязанностями в войну, а когда начали освобождать ранее оккупированную советскую территорию, особенно в западных областях и на Кавказе, то двадцать конных полков *НКВД* навели там порядок.

Но главная заслуга Лаврентия — это, конечно, атомный проект.* И сейчас он на своем

---

* По рассказам очевидцев, до сих пор в Арзамасе-16 (Сарове) уже третье поколение атомщиков вспоминает о Берии похвально. А вот о «диссидентском страдальце» и академике — не очень.— Прим. авт.

месте: суров, но, в общем-то, справедлив. Конечно, настолько вжился в роль разведчика-первопроходца, в ореол грозы, которой не столько детей пугают, но в основном взрослых, что уже, как говорится, положение обязывает.

Жаль, но если меня убьют все же, или естественной смертью умру, то и Лаврентий не надолго меня переживет. Один он останется против стаи карьеристов и наполеончиков, вынужденных пока раболепствовать. Растерзают. Особенно, если тот поспешит занять освободившееся в Кремле место. Ведь ему тоже не терпится, да? А Маланья-Маленков, Хрущев, Булганин... или кто там еще на мое место претендует, Лаврентия люто ненавидят. Ненавидят и боятся, на время даже объединятся против него. Жаль мне его в будущем.

А другие, нынешние соратники? Ворошилов и Буденный? — Ну, с ними все ясно; живые памятники революционной эпохи, героической молодости Страны Советов. Наглядное пособие для агитпропа. Оставим их в заслуженном за неколебимую верность покое.

Молотов, Каганович, Булганин — фигуры соратников второго плана. Каждый со своей определяющей характеристикой. Первый — уменьшенная копия Галейрана или Мазарини. Главный еврей Советского Союза — архинадежен, прямолинеен, вне партии свою жизнь не мыслит. Даже когда порой и взбрыкивает. Я, мол, вам не еврейский общественный деятель, а член Политбюро! Что-то в таком роде сказанул, когда его попросили подписать какое-то обращение Советского антисионистского комитета — очередной забавы агитпропа. А так — в конкретных делах сверхисполнителен. Вовсе не зря народ говорит, что по

прибытию поездов часы сверяли — это когда Лазарь железными дорогами командовал.

А Булганин со своей троцкистской бородкой просто веселый человек. Но стрезву сообразителен. Как всякий пьющий с человеческим же грехом невольно всегда чувствует себя в чем-то виноватым. Постоянное же желание такого человека — трудом, исполнительностью и даже излишней преданностью искупить этот, впрочем, простительный, грех. Словом: чует кошка чье мясо съела. Пусть себе щеголяет в маршальском мундире!

Особняком стоит Жуков. Но его надобно держать на коротком поводке. Георгий Константинович на своем месте на войне, то есть, умен, решителен и вполне самостоятелен, хотя слишком размашист, не экономен в солдатах. Но в мирное время чувствует себя не совсем уверенно. Это все объяснимо: военная косточка! А раз так, то им вполне могут воспользоваться, как проходной... ну-у, не пешкой, конечно, а слонем или даже ферзем, для удовлетворения своих амбиций намного более хитрые и ловкие в интригах большой политики. Тем более, что Жуков по своему характеру — не Наполеон. Того ведь тоже конвент хотел использовать таким «рабочим полководцем». К их огорчению корсиканец оказался слишком умен и после взятия Тулона, покорения Северной Италии и похода к пирамидам («Солдаты! На вас смотрят сорок веков!») разогнал конвент и стал императором Французской республики.

Но Жуков — не Наполеон. Он — современный Суворов, который постоянно и всем жаловался: я в войнах ставлю на престол или снимаю королей и императоров, а в своей стра-

не в мирное время не вылезая из опал. Что ж, такова обычная участь русских полководцев: воины великолепные, но политики в своей стране почти никакие.

Мало, мало у меня соратников, зато вся страна, что в руководящих креслах, ох как богата на угодников, доносчиков, расстрельщиков и просто дураков. И все их делишки, конечно, спишут на меня.

**ИСТОРИЧЕСКОЕ МИФОТВОР-
ЧЕСТВО XX ВЕКА — МИФ О
ГУЛАГ'е; МЕНЯ НАРЕКУТ
КРОВОПИВЦЕМ — МУСОР
НА МОЕЙ МОГИЛЕ**

...Спишут на меня, если мои преемники станут делать свой политический гешефт наметанием мусора на мою могилу. Так поступают люди, дорвавшиеся до власти, но не имеющие за душой и в голове качеств создателя. Вообще все власть имущие делятся — за исключением совсем серых личностей — на два типа: создатели нового и критиканы прошедшего. Или, как кто-то из наших авиаконструкторов еще на совещании с ними в тридцатые годы сказал: «В промышленности все инженеры подразделяются на две категории: изобретатели и критики изобретений из отдела технического контроля». Кажется, Яковлев и сказал. А я ответил в том смысле, что такое положение вещей, вообще говоря, совершенно правильное. И не только в промышленности, но и в политике. Главное, чтобы количество и полномочия критиков не превысило число изобретателей и новаторов.

Вот, кстати говоря, о мстительной жестоко-

сти товарища Сталина. Когда те же авиаконструкторы, посланные в командировку в *САСИ* и снабженные немалыми деньгами, вместо технической литературы и документации, образцов самолетных узлов и так далее, проср... эти суммы, закупили «для дома, для семьи» всякий бытовой хлам навроде холодильников и стиральных машин, даже телевизоров, не работающих от московского вещания, то, конечно, были наказаны за срыв задания, но — мягко. Главное — за дело. А потом все свои пиджаки штатские и кителя военные разукрасили орденами и лауреатскими медалями. А сотвори такое какой-нибудь партийный или административный чин? Эх, все одно скажут: невинно пострадал от необузданной жестокости Сталина...

А кто вообще закрыл глаза на грабеж дворцов и музеев Германии в нашей оккупационной зоне, когда маршалы, в том числе и Жуков, по наущению своих жадных, как и все бабы, жен-дочерей не вагонами, а составами везли «контрибуцию» на свои квартиры и госдачи? Не товарищ Сталин, чтобы не снижать «градус» Победы? Конечно, маршалам прегрешенья отпустил, а чинов поменьше наказал.* — Еще одна категория жертв тирана Сталина...

---

* К слову вспомнилась одна быль, претендующая на реальность. Задержали на границе пару вагонов с «германской контрибуцией», принадлежащей большому интендантскому лицу в звании генерал-полковника. Будучи по казенным делам на приеме у Сталина, тот ввернул ему бумагу с просьбой пропустить эти вагоны. Иосиф Виссарионович прочитал, написал резолюцию и молча кинул бумагу на стол перед обер-интендантом. Тот взял ее и прочитал: «Отдать полковнику его барахло». — «Извините, товарищ Сталин, я — генерал-полковник». — «Идите, полковник», — ответил Сталин. — Прим. авт.

Везде должны изобретатели-созидатели разумно дополняться умными критиками. За исключением армии. Там критики по уставу не положены. Вместо критики — ответственность по субординации.

Военные... Когда меня нарекут кровопивцем и создателем на территории СССР тюрьмы размером с 1/6 части земной суши, то станут прямо-таки вопить, как муэдзин с минарета, о погубленном тираном командном составе Красной Армии перед самым началом войны. Дескать, обезглавил по какой-то своей прихоти армию, почти всех офицеров расстрелял — и прочая чушь.

А истина-то в том, что накануне уже неизбежной большой войны в Европе, да и во всем мире, Красная Армия была небоеспособной. В лучшем случае ей бы удавались (и действительно удавались) локальные сражения.

Это наглядно показали большие маневры середины тридцатых годов в Белоруссии и на Украине. Тогда мы искали возможных союзников в грядущей Большой войне, пригласили на эти маневры представительные военные делегации из Франции, Англии, Италии... и опозорились перед всей Европой. По итогам позорных маневров французы вежливо похвалили заключительный — перед отъездом наблюдателей — обед с его сервировкой. Англичане дипломатично одобрили выправку и слаженную маршировку бойцов Красной Армии, а посланцы дуче и вообще промолчали.

Это был одновременно провал и сигнал к скорым действиям. Поэтому на заседаниях Политбюро и ЦК партии, а вовсе не единоличным

решением мстительного Сталина, принято решение о спешном довооружении и вообще о перевооружении армии и чистке высшего и среднего состава, с которым Большую войну не выиграешь.

Рыба тухнет с головы, а наши маршалы и командармы первого ранга, выдвиженцы Гражданской войны, совсем отвыкли за почти два десятка мирных лет мышей ловить, вообразили себя генерал-губернаторами, словом — наслаждались хорошо устроенной личной жизнью.*

Их уже не перевоспитаешь, верхушку Красной Армии. То же, конечно, относится и к Ворошилову, Буденному, Мехлису, но те — преданные, ни в чем не замеченные. Остальных надо было отстранять и заменять выдвиженцами навроде Жукова, понюхавших пороха современных войн.

Был ли реальным или только в брюзжании троцкистский военный заговор? Какие-то документы имелись, Лубянка как всегда постаралась... Да еще фигура наполеонистого Тухачевского — «полководца», проигравшего все сражения Гражданской, допустившего поляков почти до Днепра. Отличился только зверским подавлением внутренних мятежей. Даже с приме-

---

* Как бы кто ни относился к кинорежиссеру Никите Сергеевичу Михалкову, но в его фильмах превалирует талант их создателя, который подспудно, помимо политической установки самого режиссера, выводит на экран правду. В контексте настоящего примечания — это, конечно, фильм «Утомленные солнцем». Задуманный как сугубо антисталинский, вопреки этой установке фильм показал, чем занимались эти бывшие герои Гражданской войны вместо боевой подготовки армии: почти помещичий быт и купание в былой славе.— Прим. авт.

нение газов. Да еще похвалялся: дескать, генералиссимус Суворов тоже против внешних и внутренних врагов воевал.

Да, Александр Васильевич разбил Пугачева и уничтожил сорок тысяч ногайцев — весь их народ. Так царица велела. Но за Суворовым победы над турками и поляками, переход через Альпы и опять же разбитые наполеоновские армии. Нашел с кем себя сравнивать, поручик, выбившийся в маршалы! Уж он-то точно каждую ночь видел сны, как въезжает на белом коне в Кремль.

Тогдашняя обстановка к гуманности не располагала, да и нужно было показать новому руководству армии, что РККА — не клуб по интересам и не дружащие семьями генерал-губернаторы военных округов, но — монолит, беспрекословно подчиняющийся руководству страны и равный воинским искусством армиям уже наметившихся противников в грядущей войне. Отсюда и расстрел девяти высших военачальников, так или иначе провинившихся, в июне тридцать седьмого года. А на мне — одним грехом больше, хотя и грехом неизбежным, продиктованным обстановкой. Но разве я один решение принимал? Решение это принимал и каждый член Политбюро и ЦК. Они, как ни в чем не бывало, после меня будут в высших президиумах заседать, может, страной руководить, меня охаивать, забыв о своих расстрельных подписях. Расстрельщики, мать вашу... Все бы за моей спиной прятаться. Или как этот... Мандельштам в своем пасквиле: «Для него что ни казнь — то малина, и широкая грудь осетина». А я его, щадя талант, обере-

гал сколько мог, пока угодники-расстрельщики не добрались.

Как-то даже дотошные троцкистские журналисты на Западе не подняли «национальную тему» по поводу этих девяти маршалов и командармов? Ведь среди них только один русский — Тухачевский, да и тот сомнительный, из дворянской семьи Смоленской губернии. А там среди дворян преимущественно польские потомки. А остальные? — Евреи Якир, Фельдман и Гамарник; литовцы Уборевич и Пугна; для компании — эстонец Корк и латыш Эйдеман. Примаков и тот украинец щирый.

Такой вот интернационал. Это, конечно, не главное и не определяющее, никто их в Политбюро и на Лубянке по только что тогда введенным в обиход вместо крестильных метрик свидетельствам о рождении не сортировал. Мы — сугубые интернационалисты. Да и на Лубянке тогда евреи и латыши верховодили, чего им своих сдавать?

Грех, конечно, так думать об имевшем место быть (что-то я слезливый стал на старости лет?), но все же Красной Армией, почти полностью русской, должны командовать военачальники из русаков. Сложно представить, чтобы английской армией руководили в войну, да и в мирное время, маршалы и генералы из индусов, канадцев, южноафриканцев этнических? Все же национальный момент пока еще в мире никто не снимал с повестки дня.

...Да, как это троцкисты и западные писаки упускают случай в очередной раз ужалить меня? А услышь мои мысли-слова, еще бы и в обратную сторону вывернули. Мол, сам-то из каких?

Вот в войну английской армией командовал сто-процентный британец Монтомери, американской — Эйзенхауэр, чьи потомки-голландцы первыми после Колумба прибыли на Манхэттен. Про де Голля и говорить нечего: гасконский дворянин, почти мушкетер! А у Советов верховный из грузин или осетин с дикого Кавказа...

Что же касается среднего комсостава до генералов включительно, даже в высоких чинах, то надо помнить: в Гражданскую войну в Красной Армии сражались сто тысяч бывших царских офицеров, включая полковников и генералов, что было больше числа офицеров в армиях Деникина, Колчака, Врангеля и всех остальных белогвардейцев. Даже не простых, а с громким военным именем на слуху. Инспектором конницы Красной Армии почти до самой Отечественной служил знаменитый Брусилов. Опять же героический фортификатор Карбышев — наш советский Тотлебен.* Многие другие. Но среди этих ста тысяч было не так уж мало людей расчетливых, понимавших неперспективность белого движения, просто карьеристов-конъюнктурщиков, либо туповатых и неразборчивых в средствах и идеях. Многие из них относились к рядовым красноармейцам и унтерам как к убойному скоту. То есть, их отношение к воинской службе напоминало аналогичное в среде царских флотских офицеров, по-преимуществу из остзейских немцев: мы, дескать, служим русскому императору, но не России. Отсюда и их отношение к нижним чинам, во многом подвинувшее

---

* Генерал Тотлебен руководил строительством оборонительных сооружений в Севастополе во время Крымской войны. — Прим. авт.

основную массу матросов Балтфлота и Черноморского флота стать авангардом Октябрьской революции, Гражданской войны.

Наконец, как среди бывших царских офицеров, а надо помнить, что большинство из них не были дворянами, так и подготовленных уже советскими военными училищами и академиями, с избытком хватало людей с криминальными наклонностями, хозяйственных воров, пьяниц, хронических нарушителей воинской дисциплины, садистов и изуверов, патологических личностей. Иначе и не могло быть в огромной по численности армии, состав которой — отображение всего населения. А оно, население-то, к началу тридцатых годов еще несло на себе в определенной степени сумятицу двадцатых годов. Что, по приказу партии все в одночасье переродились в честных советских людей, упорно и осознанно строящих светлое будущее социализма? Как бы не так. Революция, кровавая Гражданская война, *НЭП*, безработица, раскулачивание и расказачивание, активность троцкистов, происки фракционеров всех мастей, массовая преступность ото всего этого, определенное крушение идеалов, обещанных революцией... мало ли еще чего? Словом, и к началу тридцатых годов в кипящем уже на полном пламени котле индустриализации, коллективизации, образования и внедрения в широкие массы идеологии советского, социалистического образа жизни далеко еще не все загруженное в него переварилось.

Еще раз следует подчеркнуть: армия, тем более рабоче-крестьянская, советская, есть полное отражение духа и характера населения страны со всеми их достоинствами и недостатками.

Поэтому чистка среднего состава армии, в основном от майоров до полковников, оздоровила ее, хотя какой-либо массовостью не сопровождалась. Уволили восемнадцать тысяч командиров, из них около шести по явному составу преступлений ненадолго были арестованы, но вскоре и освобождены, даже возвращены в строй. Расстреляны же только те, за кем много грехов накопилось: в меньшей части политических, в основном — должностные и хозяйственные преступления. В то суровое время и с гражданскими лицами поступали точно так же за аналогичные проступки. Время суровое, кара суровая. Но иначе честные люди нас бы не поняли.

А начавшиеся в то время в западной официальной и эмигрантской прессе вопли об уничтожении Сталиным (не Политбюро, не ЦК, а именно Сталиным!) всего офицерского корпуса Красной Армии вызывали в СССР только усмешки. Восемнадцать тысяч уволенных, частично арестованных, по сравнению с полутора сотней тысяч офицеров в строю? Опять же мы в это время отказались от царской системы трехуровневой комплектации и мобилизации и перешли к боеготовности военного времени, то есть Красная Армия возросла от ста до двухсот дивизий. Соответственно, удвоился и офицерский корпус. Так что проштрафившиеся в чистку составили всего лишь единицы процентов от общего числа командиров РККА, а на РККФ — доли процента. На последнем, кажется, только командующий Северным флотом Душенов из высших чинов — был арестован, но перед войной и того освободили.

Примерно также шла в тридцатых годах

чистка высшего партийного и административно-хозяйственного аппарата. Пришла пора избавиться от попутчиков, тайных троцкистов, прямых вредителей и вообще «старой гвардии», уже не способной к госстроительству, ставшей тормозом. А показательность этих процессов стала хорошим уроком для выдвиженцев. Зиновьев, Каменев, Бухарин и иже с ними — они выработали свой творческий потенциал. Но ведь их просто так в отставку не отправишь. И народ нас не поймет, и воспитательно-дисциплинирующего эффекта не получится.

О расстрелах, за которые меня назовут кровопивцем, по-мандельштамовски: *«Для него что ни казнь — то малина»*. Почему бы этому, безусловно талантливому, поэту было не написать эти строки о Троцком? Если при чистке Красной Армии в тридцатых годах к высшей мере за действительные преступления была приговорена тысяча с небольшим бывших командиров, то только в Крыму после разгрома Врангеля по приказу Иудушки расстреляли пятьдесят тысяч сдавшихся в плен офицеров. А ведь, вообще говоря, были врагами, но не преступниками. Опять же на них распространялись все права военнопленных. А сколько миллионов (не тысяч, даже не сотен тысяч) наиболее образованных, деятельных, преимущественно русских людей при Троцком и, увы, при Ильиче были уничтожены безо всяких оснований в подвалах губернских и столичных ЧК, в «образцовом» лагере перевоспитания на Соловках, знаменитом СЛОН^{*}е? Такая вот история-проститутка...

---

* Северный лагерь особого назначения. — Прим. авт.

Да еще полубезумный извращенец Ежов кровавую баню устроил! Все, все на меня и Лаврентия спишут, хотя бы после Ежова большую часть арестованных освободили, а Берия разогнал к чертовой матери, а кого и под дуло поставил, этих ягодино-ежовских расстрельщиков. Эта веселая компания еще при Троцком свила там гнездо. После окончания войны и вовсе смертную казнь отменили: хватит, пролили кровушки своей на фронтах, не будем же и далее ее проливать даже у предателей, власовцев, уголовников.

...И ведь 58-я статья что в тридцатых, что в сороковых годах в общей численности сидельцев по лагерям и тюрьмах вовсе не составляла большинства. Как будто вопрос с уголовной преступностью в СССР решен? Да и по знаменитой этой статье работа Лубянки не многим отличается от обычной уголовной милиции: мелочь, подставных лиц хватают, а крупная рыба жирует на воле. В этом и причина живучести троцкизма.

Что это я оправдываться стал? Опять старческое, мальчики кровавые в глазах, — не преминет заметить некий мой хулигатель, а имя им есть и будет легион. Еще какой огромный легионище серых, тупых, алчных и нечистоплотных людишек.

Ведь никому в голову не придет, что хозяин огромной страны есть заложник ее забот, побед и поражений. А главное — любой хозяин по определению, как это ни дико на первый взгляд смотрится, есть самый стесненный в выборе средств человек. Не говоря уже о пресловутой свободе выбора. Об этом реформатор католиче-

ства Лютер много говорил, даже основной свой трактат так поименовал.

В простом крестьянском дворе хозяин руководит всем, но доверяет каждому члену семьи в ведении его дел. Он не вмешивается в склоки своей старухи с золовками и невестками. Сыновья пахут, бабы за скотиной ходят. Зачем же ему знать точное число кур во дворе и какого из двух дерущихся до крови петухов на похлебку с лапшой пустить?

А теперь представим хозяина почти двухсотмиллионной страны размером с $1/6$ земной суши? Не доверять всем? — Тогда на пенсию пора. Всем доверять? — Укокошат незамедлительно. Это и есть ходить, то есть жить, по лезвию бритвы.

Его роль в огромном государстве — должность машиниста, обслуживающего гигантскую машину с сотнями миллионов винтиков и шестеренок, миллионами механических и электрических узлов, десятками тысяч сложнейших, автономно работающих механизмов. Машинист ее обслуживает, он ответственен за исправную работу машины, да еще постоянно изобретает и рационализировать, чтобы не отстала в качестве и количестве работа его машины от соседних. Да еще временами брать в руки дреколье, если кто на его исправно работающую машину позарится.

Этот машинист и сам опытный механик, электрик, конструктор. Некогда он и сам не последнюю роль играл при строительстве этой гигантской машины. Отменно знает ее устройство — до узлов и винтиков-шестеренок. Но раз машина запущена, то он уже ничего в ней серьезно поменять не может. Даже если что-то

внутри ее начинает барахлить. Главное — чтобы машина работала.

Вот так и он, хозяин великой страны. Машинист. Отсюда и две легенды о Вожде. Нынешняя: весь народ, исключая затаившееся троцкистское охвостье, думает: товарищ Сталин в Кремле днем и ночью работает, руководит страной и каждого видит насквозь, о каждом заботится. Будущая: злодей и кровопивец Сталин денно и ночью с карандашом в руке просматривает тысячные проскрипционные списки приговоренных к расстрелу и дописывает еще сотни.

Истинно мне делать больше нечего, как какие-то списки просматривать! Есть разделение труда, перечитайте «Капитал», где описан переход от индивидуального ремесленничества к мануфактуре. Есть НКВД, сейчас МГБ, есть комиссии и ответственные на то лица в ЦК и Политбюро. Это их дело. Если и просматривал списки по верхушке в процессах тридцатых годов, то только по представлению, уже согласованному, всех этих ведомств. ...И не дописывал, а вычеркивал, если нужно. А вот где дописывал и сейчас дописываю, так это в списках награжденных. Как после испытания атомной бомбы дописал в реестр будущих Героев соцтруда и орденосцев вывезенных в сорок пятом году немецких физиков, наладивших у нас производство металлического урана в огромных количествах. Да еще и Лаврентия упрекнул в такой «скромности».

...Когда машина государства запущена, то далеко не все зависит от воли хозяина-машиниста. Любое творение рук и ума человека рано или поздно дистанцируется от своего создателя.

Это тоже одни из законов диалектики Гегеля в части социализации человеческой деятельности. Против диалектики не пойдешь, иначе вместо стройного государственного устройства получишь анархию и распад государства.

Кадры решают все, но кадры нам надо было вырастить на том навозе с немногими жемчужными зернами, что мы имели на развалинах лихолетья революции и Гражданской войны, военного коммунизма, *НЭП*а, активной поры троцкизма, затаившейся контрреволюции. Сейчас даже жутко становится, как мы все это переплощали в социалистическое государство? Истинно говорят: глаза боятся, а руки делают!

И какие кадры мы имели к середине тридцатых годов, годов великой и спасительной для нас в преддверии войны чистки и укрепления советской власти, партийного руководства и рядов партии, армии, промышленности, науки и сельского хозяйства? — Ответ каждому, самому тугодуму и скептику, известен. Единицы преданных советской власти выдающихся организаторов, десятки-сотни, пусть даже тысячи, умелых и верных исполнителей на своих участках фронта построения социализма. Несколько миллионов пусть не очень умных, не очень дельных, но верящих партии и руководству страны, не вдаваясь в сущность этой веры. Это как в догматах христианства: верую без сомнения, ибо сомнения — прямой путь в ад. Это у католиков. У православных формулировка мягче, но смысл тот же.

И это все кадры, которые мы успели создать к тому времени. Остальные многие миллионы — масса. Именно в понятии массы: во мно-

гом инертной, подчиняющейся, рукоплещущей (по указке парторгов и агитпропа).— Со всеми из этого оргвыводами, как принято говорить.

Конечно, к этому времени мы массу несколько окультурили, подтянули к грамотности и определенному уровню образования, но в целом она осталась еще сырым материалом. Только Великая война перековала его в единый советский народ.

И здесь случилось неизбежное в таком раскладе. Эта масса дала сонмы угодников-лизоблюдов, доносчиков, расстрельщиков и просто дураков. Все их дела на меня и спишут троцкисты и агенты Запада, если воцарятся в Кремле.

Поначалу, еще в бытность второстепенным наркомнацем, поразило обилие доносов и кляуз по самым ничтожным поводам. На Кавказе это не было принято; там сор из сакли не выносят. А для серьезных дел есть кровная месть. Тут же курьер из наркомпочтеля мешками приволакивал. В двадцатые-тридцатые годы, когда СССР стал страной сплошной грамотности, число доносов достигло гомерических размеров.

...Уже в недавние времена в каком-то литературном журнале прочитал статью академика Янина о новгородских берестяных грамотах. Так, оказывается, содержание большинства из них — доносы и жалобы. Даже известная половица «доносчику первый кнут» имеет смысл не ограничения доносительства, но проверки того, что донос не ложный, но имеет основание.

И откуда это у такого великого, правдивого, неживого народа как русский? Может, от широкой распространенности среди городского населения Древней и Московской Руси грамот-

ности? Нет, скорее от большой власти князей. Надежда на князя, а потом на «батюшку-царя», как единственных справедливых судей, и породила это обилие челобитных. А когда, уже в наше время народ убедился в справедливости советской власти, то эта традиция челобитных возродилась и приобрела невиданный размах. А в годы больших чисток этой особенностью русских людей всю пользовались затаившиеся враги Советской власти, подставляя доносами вместо себя ни в чем не повинных людей. Это и дало Ежову формальный повод для мясорубки тридцать седьмого года.

Недавно Ворошилов в застолье, когда речь зашла о сдерживании доноительства, анекдот рассказал. Два еврея, работающие на одном заводе инженерами, завели разговор о том, что у них-то отдельные квартиры имеются, а у их коллеги — только комната в коммуналке. «Давай, Семен, поможем Арону: ты через партком, а я через профсоюз добьемся для него квартиры?» А вот с того же завода Иван и Петр живут в коммуналках, а Василий — из цеховых мастеров — в отдельной. «Ишь, выслужился; давай-ка, Петруха, донос на него сочиним». — «Так все одно нам его квартира не по зубам!» — «А чтобы не высывался».

...Порой и вовсе озорная мысль выпрыгивала: довести доноительство до полного абсурда, создать такую ситуацию, когда все люди в стране пишут доносы и на каждого тоже имеется донос. Может, тогда эта порочная практика рухнет? Вряд ли.

Угодники и дураки — другая беда. И это все из-за общей низкой культуры масс. А рас-

стрельщики, кровавых дел мастера — прямое порождение троцкистской вакханалии первых послереволюционных лет. Куда ни кинь — всюду клин.

Все спишут на меня. Так рождается мифотворчество нашего жестокого века. Самое обидное: через пятьдесят лет во Франции и во всем мире забыли о миллионах гильотинированных в Французскую революцию. Что было, то прошло и осталось в истории. Но о куда меньших жертвах — вольных или невольных — в нашей стране и пятьдесят, и сто лет еще будут помнить и связывать исключительно с моим именем. Это мечь мирового капитализма, в том числе и мне, за великий прорыв нашей страны к новой социальной жизни!

**СОЦИАЛИЗМ И ЦЕРКОВЬ;
ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ —
ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ;
ИСКУССТВО, КУЛЬТУРА,
ЛИТЕРАТУРА**

...Говорите, списки проскрипционные под-писывал. Других дел не было. А ведь во все приходится вникать. И чем больше полезных дел совершишь, тем злобнее клевета. Даже на пустом месте. Как в вопросе с русской православной церковью. Дескать, тиран не брезгует ничем, когда ему надо, так и своими партийными догмами пренебрежет. Вот и ненавистную ему и советской власти церковь решил задобрить, когда им туго пришлось в войну.

Эх, вы, злопыхатели мои! Хотя бы на дату, на год того знаменитого приема в Кремле трех

митрополитов посмотрели. Это ведь уже был тот год, когда мы сломали хребет Гитлеру. И наша победа — с молитвами ли, без них — сомнений не вызывала. И забыли, что товарищ Сталин в семинарии чуть-чуть не дотянул до сана православного священника. Так что в небо пальцем попали, злопыхатели мои!

С церковью давно уже следовало разобраться. Троцкий, а затем глуповатые по молодости комсомольцы под водительством земляка Иудушки Емельяна с псевдонимом Ярославского, руководителя «Общества воинствующих безбожников», почти полностью подвели ее под ноль. А русский мужичок-боголюбец и ухом не повел. Отчего же так? Особенно если в параллель вспомнить свирепейшие религиозные войны в Европе. Да и у нас Никонов раскол, боярыню Морозову, самосжигание заживо целыми селами...

Ответ прост. Пообщавшись в Европе, в протестантской Голландии к тамошнему народу, Петр Первый сам подцепил эту заразу. Потому смаху решил окоротить и русскую церковь, лишить ее завещанной Христом независимости от госвласти и сделать ее одним из департаментов. Так и появился Священный синод вместо упраздненного патриаршества.

Так русский поп стал чиновником — наряду с урядником, судейскими и жандармами. И попу хорошо жилось двести лет на полном гособеспечении. Да и приход для приварка имел. Когда грянула революция, то русский народ уже четко делал различие между верой, то есть, церковью небесной, и земной церковью — царской канцелярией с попами-мироедами.

И не только в революцию. Такой вот факт.

Образованным людям хорошо известно трехтомное собрание русских пословиц Афанасьева. Но специалисты-филологи знают еще два тома, изданные в прошлом веке крохотным тиражом «для служебного пользования». Один содержит скабрёзности по женской части, другой — нелицеприятное о попах.*

Вот так после революции, когда русский народ, страшный, по словам Пушкина, в своем бунте, принялся громить все и вся, что несло на себе царское клеймо, то попы и церковная иерархия были приравнены к помещикам, фабрикантам, полицейским и чиновникам.

Попытки нормализовать отношение с церковью, то есть, декрет об отделении ее от государства, восстановление церковью патриаршества, деятельность Сергия и Тихона, — все было похерено Троцким и его последышами навряде Ярославского. Не в моей власти тогда было сколько-либо реально и гибко решать этот вопрос. Архисложный вопрос при видимой никчемности: ликвидировали поповщину как класс, церкви под комсомольские собрания передали — и аминь!

Но думать-то нужно! Даже загодя, еще не выйдя из революционных бурь... А кому было думать? — Ненавидящему по какой-то причине религию Ильичу? Или ненавистникам всего русского Троцкому и Ярославскому? Так они в своей масонской революционности и свои-то синагоги крушили. Чего уж тут говорить о православии.

---

* Не ручаемся за достоверность, но в наше вольнолюбивое время эротический том вроде бы издали. А о «поповском» не слышал. — Прим. авт.

То ли мое семинарское прошлое и достаточное знание истории церкви и ее роли в государственном устройстве, а может, здравый смысл хозяина страны, но при всем своем осознанном атеизме мысли об урегулировании отношения с церковью редко уходили из головы. Здесь два момента преобладали. Во-первых, религию, как исторически сложившийся институт, не отменишь. Она только сама может отмереть, но до этого далеко. В том числе в нашей стране, в нашем народе. Есть процессы, которые искусственному ускорению не подвержены. Во-вторых, девиз воинствующих безбожников «религия — опиум для народа» можно прочесть и по-другому, в более тонком понимании.

Жизнь современного человека, даже у нас в стране, не очень уютная. Поэтому человеку для душевного устройства иногда требуется передышка, то есть, этот, широко понимаемый опиум. Кто его ищет в самозамыкании, кто в водке или еще в чем, например, в искусстве, в литературе. Словом, во всем, что на время отвлекает от трудности жизни. Религия, как глубокая вера или как обрядовая, театральнo-зрелищная сторона — и есть наиболее распространенная форма такого опиума. И как раз эта расфасовка спасительного опиума наиболее безобидна с точки зрения государственных интересов. Если, конечно, держать все под контролем — ненавязчивым, но всеобъемлющим. А на наше счастье православная церковь — не католическая; она преимущественно обрядовая, зрелищная. Проповедь, то есть, потенциальная идеологическая пропаганда, в нашей церкви практически отсутствует.

То есть, церковь и социализм, причем православная русская церковь, на данном этапе нашей государственности не антагонисты. И еще долго таковыми не будут. Разумеется, если обе стороны будут придерживаться определенных правил политической игры. Это, конечно, не должна быть царская госцерковь, но и не ставящая себя равной с государством церковь допетровская, точнее дониконовская. Полный контроль за ней со стороны государства вовсе не означает ее «чиновничий» характер. А церковь не должна ни единым словом и жестом выражать какое-либо негативное отношение к советской власти.

...И в тридцатые годы нам было не до церкви; вернее, еще не пришло время для восстановления РПЦ.

Но такой момент ускорила война. Когда стало ясно, что мы победили, пришла пора думать загодя об обустройстве мирной жизни во всех ее проявлениях. Так было принято решение о возрождении православной церкви, ее иерархии во главе с патриархом, всей обширности ее инфраструктуры. Конечно, далеко не в том объеме, как в Российской империи, когда тот же Николай Второй выделил не из очень-то богатого бюджета страны огромные суммы на программу строительства в империи ста тысяч новых храмов. В намного меньшем объеме, учитывая реальный атеизм советского человека. Но и достаточном для обслуживания требованиями воцерковленных верующих. Умеренно разрешить и монастыри, ибо всегда были, есть и будут люди, по той или иной причине не могущие, не хотящие жить на миру.

Война не только ускорила урегулирование наших отношений с церковью. Она же дала и основание для восстановления РПЦ, как главенствующей в стране церкви — церкви русского народа, понесшего и продолжающего нести в войне наибольшие людские, материальные и прочие потери.

Во-первых, по окончании войны останутся, особенно в сельских местах, миллионы вдов. Может, даже десяток миллионов с лишним. И мужчин по своим последствиям война не обойдет: несколько миллионов инвалидов, оставшихся без семей. Выходом из душевного потрясения для многих из этих женщин и мужчин станет церковь. Опыт отечественной истории подтверждает это. Здесь церковь очень нам поможет в утешении отчаявшихся и рубцевании душевных ран. Особенно у вдов старшего возраста. А агитпроп умерит свой атеистический пыл.

Во-вторых, восстановлением православной церкви мы нанесем сокрушительный удар по сектантам, особенно протестантского толка, всем этим баптистам, адвентистам и другим, которые являются религиозной агентурой Запада. И не только религиозной. И все эти секты, да и наши доморожденные пятидесятники, духоборы и так далее вплоть до изуверских, сразу по окончании войны активно попытаются взять контроль над вдовами, инвалидами и другими жертвами войны с душевными и физическими травмами. Это серьезнейший момент; именно он, в числе прочих, убедил наше государственное и политическое руководство в необходимости восстановления РПЦ.

Наконец, коль скоро мы уже планировали

после перелома в войне брать курс на создание соцлагеря и длительное мирное сосуществование в мире двух систем, и особенно после принятия с союзниками решения о создании *ООН*, то потребуются и религиозная дипломатия. Понятно, что в современном прагматичном мире, особенно западном, религия есть маска, но правила игры в мировой дипломатии мы должны принимать. Поэтому *РПЦ* понадобится нам и на этом, мирном фронте общения с миром.

Церковь мы восстановили в намеченном объеме и качестве. Сейчас никаких взаимных претензий у нас с ней нет. Лишь бы вечно рьяные «лубяницы» не портили благое дело своей сверхбдительностью, а главное — чтобы после меня какой придурок не повторил троцкистские гонения на церковь.*

...А вообще-то говоря (но не с трибун и страниц газет, конечно), идеалы социализма-коммунизма имеют своими корнями первозданное, не извращенное христианство. Если Маркс об этом явно не сказал, то только потому, что в другой конфессии родился. А вот Фейербах и Энгельс сказали.

...Если о здоровье душевном мы долго думали и собирались; имею в виду души верующих, то о здоровье телесном вопрос решился быстро. Как только страна в конце двадцатых годов встала на магистральный путь развития. Здоровье нации — залог мирных и военных

---

* Сталин «лубянщиков» в этом вопросе действительно сдерживал, а его опасения об очередном погроме *РПЦ*, увы, сбылись. Тайный троцкист Хрущев повторил погром Троцкого. Возможно — из-за своей ненависти к Сталину. Или своей глупости. — Прим. авт.

побед. Уже в тридцатых годах зарубежных дипломатов и заезжих иностранцев, тех же американских и немецких промышленных специалистов, работающих на нас, поражали и приводили в восхищение большие физкультурные парады в Москве и других крупных городах страны.

Именно — *физкультурные!* И именно физкультуру, физическое развитие самых широких масс, а молодежи и поголовно, мы с самого начала поставили как важнейшую государственную задачу в части создания активного гражданина — строителя социализма.

При этом с самого начала мы отвергли порочные тенденции превалирования спорта над физкультурой. В этом мы во многом следовали идеям и трудам Лесгафта. А также практике соотношения физкультуры и спорта в царской России начала этого века. Действительно, по всей стране тогда доминировала физкультура: от деревенских игр в лапту до гимназических уроков сокольской гимнастики. А на городских окраинах заводские ребята уже начинали гонять футбольный мяч. А в спорт игралось высшее сословие: новомодный английский бокс, дамский крикет, ипподромные скачки.

Возрождение де Кубертенем олимпийских игр, несомненно, хорошее дело. Но оно имеет и негативную сторону: здесь достаточно скоро массовая физкультура начала подменяться профессиональным спортом. Хотя бы и не афишируемым как профессиональный. Причина одна: в главной своей ипостаси спорт — это политика и коммерция. То есть, каждая страна через спорт утверждает свой престиж, а коммерция — спорт как платное зрелище. Поэтому физкультурные

олимпиады Древней Греции в прагматичном Риме сменили стадионы гладиаторских боев.

Когда лицемеры — западные и наши — говорят, что спорт показывает массам небывалые возможности человеческого организма и тем самым вдохновляет эти массы на совершенствование своего тела — все это брехня и хитрож...сть. Своего рода троцкизм в данной ипостаси. Профессиональный, узкоспециализированный спорт — это уродование человека. А те массы, что заполняют многотысячные стадионы, меньше всего берут со спортсменов пример, а занимаются мазохизмом, мысленно перевоплощаясь в этих спортивных роботов, но ничего уже не делая для собственного физкультурного развития. Здесь Лесгафт все предвидел.

Меня могут упрекнуть: развивая массовую физкультуру и принижая спорт, мы подражаем довоенной Германии и Италии, где массовая физическая подготовка была государственным делом. Дескать, как нацисты и фашисты, готовясь к войне, закаляли все население, так и в СССР все население предуготовляется к будущей агрессии против демократического Запада... Пусть думают. Даже опасаются. Но государство, ставящее перед собой цель совершенствования своих сограждан во всех отношениях, желает видеть своих людей не на трибунах стадионов, но на массовых физкультурных парадах, в гимнастических залах школ и институтов, на спортплощадках военных городков и так далее — до дворового ребячьего футбола. Кроме того, профессиональное занятие спортом, перенагрузка на мышцы плохо сказываются на развитии мыслительных и душевных качеств «робота на жалованье».

Конечно, все мы на Земле друг с другом связаны. И развитие земной цивилизации в целом касается всех государств, в определенном смысле нивелирует их. Спорт все же есть и у нас, а его охват и рост стали особенно заметны после войны. Придет время — и в футбол не только с турками будем играть, а там и до олимпиад дело дойдет. Мы не сможем жить в полной автаркии. Вот и Васька спортом увлекается: футбольные и хоккейные команды ВВС уже из сугубых профессионалов создает. А ведь было ему знамение, когда опоздал на самолет и не разбился со всей своей армейской командой?

Здоровое тело — замечательно, но все же первоочередно надо думать о том, что развивается в головах советского человека. Речь не только и не столько о специальных знаниях инженера, врача, военного или учителя. Человек социального общества — явление гармоничное. Искусство, культура, литература — все это в советском человеке должно присутствовать массово, причем этот массовый уровень должен быть равным уровню привилегированных слоев Запада! И эта задача нами блестяще решается. Главное: у нас не должно иметь место так называемое элитарное искусство, культура и литература — для неких избранных. Что мы наблюдали в царской России — хотя и в меньшей степени, чем на Западе в прошлом и настоящем.

Гармоничное сочетание художественности и истинной народности — вот наше генеральное требование к творцам советской культуры. Немаловажен и идеологический подтекст: мы ведь еще не построили полностью социализм, тем более коммунизм. Поэтому и через культуру мы

должны воспитывать советского человека в грядущих идеалах. Но этот идеологический подтекст вовсе не должен грубо выпирать вперед чисто художественного, эстетического. Здесь идеология — то же грунтованное полотно, которое держит нанесенные художником краски, но своей белизной нигде не засвечивает искусный пейзаж.

В плане художественного творчества, музыки, литературы, общего культурного уровня дела у нас идут замечательно. Конечно, достаточно пыжащихся бездарей, льстецов, формалистов и «непризнанных гениев». Но это неременный атрибут такого сложного процесса. Поэтому когда мы одергиваем того же Мурадели, Прокофьева, Ахматову, Зощенко, то помогаем и им вернуться на советскую почву и даем урок другим. Неверно, что советская культура догматична и примитивна, сплошь политизирована и идеологизирована. В корне неверно. Просто она еще учится, хотя уже и в старших классах, отвечать своему назначению в обществе нового типа — каких еще на Земле не было. А учение — это последовательное прохождение ранее имевшего место быть и постижение нового.

...Особенно хлопотно с писателями. Очень жаль, что Шолохов как-то перестал нас радовать своим гениальным пером. Что же, то не раз в истории литературы было. И не только литературы. Сервантеса мы сейчас знаем исключительно по «Дон Кихоту», а кто, даже среди литературных историков, помнит название сотни других его книг? Джакомо Россини с четырнадцати до тридцати лет своей жизни сочинил тридцать опер, в том числе шедевры: «Се-

вильский цирюльник» и «Вильгельм Телль». А затем сорок лет уже и не прикасался к нотной бумаге, наслаждался мировой славой и деньгами, а, будучи обжорой и гурманом, все время проводил на кухне, изобретая все новые и новые блюда.

Так и Шолохов слишком много души и ума вложил в молодости в гениальное творение «Тихого Дона». Не растягивал, как иные расчетливые, главы на всю жизнь, а выложил сразу и целиком.

И Союз писателей создали взамен обанкротившегося *РАПП*'а не столько для контроля над мастерами слова, хотя, конечно, и это имеет место, но чтобы обеспечить наиболее даровитым писателям условия для творчества без забот о хлебе насущном. Эх, писатели вы, писатели! Вроде как засыпаю наконец-то. Скоро и темное февральское утро.

ДОМАШНИЕ ТВОИ — ВРАГИ ТВОИ; ОТЦЫ И ДЕТИ — ФЕЛЬДМАРША- ЛОВ НА СОЛДАТ НЕ МЕНЯЮТ

Но нет, подкравшийся было спасительный сон вновь отскочил. Но не многоречивые и скандальные писатели-сочинители напугали сон, а внезапно выскочившая из-под сознания самая неприятная для Вождя тема: сугубо личная, семейная жизнь. А он уже привычно разлагал все по полочкам логики.

Нет, не может у вождей его ранга, у хозяина великой страны быть сугубо личной жизни. Как ни старайся, но ты постоянно и дома под окуляром микроскопа или в фокусе телеско-

па — кому как нравится. Ему, как бывшему вычислителю в обсерватории, — второе. Даже несколько обидно: кто знает о семье Ворошилова, Микояна, Маленкова? А о его семье, неладах в ней — знают. И свои, и враги. А последние еще и мусолят без конца и злорадно. Мало им Якова, Василия и Светланы, их матерей, так и мою маму Кеке черт-те к чему прилетают, генерала-географа Пржевальского в папаши мне сватают! Посрывает бы всем сплетникам головы, да давно еще дал себе слово: за личное не мстить, только за государственные и партийные прегрешения. Мстить за личное — себя унижать и в грязи валять. Разве мстил Манделштаму за его «казнь-малину»? Спас дурака — не в поэзии дурака, в жизни.

Кто не грешил в молодости? Есть и внебрачный, курейский сын Саша Перепрыгин, но со мной общаться не хочет. Его дело, я шаги навстречу делал. Пусть себе в майорской отставке живет в Новокузнецке. Не высовывается, правильный сын, воевал как Яков и Васька. Но вот когда через Лубянку доходят слухи о каких-то Александре Джуге, Владимире Маркове, еще и других, что мои сыновья — такие слухи надо пресекать. Всему имеется предел.

С матерью Якова с самого начала не заладилось, но с приходом Нади, затем рождением Васьки и Светланки, показалось: семейный тыл обеспечен. Он уже может в своей занятости государственными делами не отвлекаться на дом, быт, не забывая, конечно, что есть семья, в которой он не постоялец, не квартирант, а глава, хозяин. И известное библейское, многожды повторенное в своих писаниях Львом Толстым —

«домашние твои — враги твои» — воспринимал как правоучительное преувеличение.

Но нет. Не миновала чаша сия и его. Да еще как! И как зловеще, страшно началось? Уже спустя некоторое время после самоубийства Нади, в хандре будучи, впервые пробовал осмыслить это библейское о домашних-врагах. Понятно было ему, бывшему семинаристу, что слова эти, как и все библейское, следует понимать расширенно и иносказательно. Смысл же тот, что чем дальше от тебя человек, чем меньше с ним соприкасаешься, тем меньше поводов и мотивов для вражды, вражества. И наоборот — чем ближе, тем больше. Пояснять это вовсе и не нужно. Человек — все же особь сугубо индивидуальная, но и социальная. Характер на характер не сходятся, даже у кровных родственников. А раз им приходится жить вместе, то сталкиваются они все чаще и чаще именно за зубринами своих характеров. Индивидуальность же лишает понимания пользы компромиссов. Так бывшие ближние становятся врагами: от скрытых до лютых, берущихся за топоры.

Не хочу вспоминать о том Надином выстреле. И запретил НКВД вести расследование. Они, чего доброго, состряпали бы показательный процесс «о доведении жены товарища Сталина до самоубийства правотроцкистской антисоветской организацией». Или что-то в этом роде. Хотя, конечно, не без злокозненного влияния здесь было. Я, конечно, человек грубый, но не особо грубее многих других. И занят двадцать четыре часа в сутки. Но домашним тираном не был. И Наде с самой женитьбы дал понять: я — твой муж, но в основном — руко-

водитель партии и страны. Согласен дома решать домашние дела, но с подачи разных добродетелей с внедомашними делами ко мне не обращайся. И не учи меня как управлять государством и партией. Ибо ты не просто замужняя женщина, но прежде всего жена Вождя. Не послушалась, не восприняла...

Могут упрекать меня в жестокосердии, когда я говорил о том, какой удар мне нанесла Надя своим самоубийством. Но я не о себе, муже ее и отце наших детей, конечно, говорил; здесь говорил Вождь государства в один из самых нелегких периодов его созидания. А что думал тогда я, как человек, как муж, об этом никому знать не положено. Ибо я — человек с его душой и сердцем, и я — руководитель, хозяин страны — уже давно разделились.

Точно также ни единый человек, даже Василий и Светлана, не знают и никогда не узнают, что творилось в моей душе и голове, когда я отказался обменять Якова на Паулюса. И что два дня затем не произнес ни единого слова, предоставив Поскребышеву самому давать уклончивые ответы на самые важные телефонные звонки.

...Никакой театральщины и позы не было в моем ответе, когда на заседании ГКО, где Молотов и главпуровец Мехлис уговаривали на этот обмен, указывая на обычность таких действий: «Я фельдмаршалов на солдат не меняю. А если обмены приняты, то предложите обменять всех пленных немецких генералов на товарища Тельмана!»

Это-то и дало пищу очередным злопыхателям. Мол, во всем подражает Ивану Грозному

и Петру Первому, даже сына не пожалел! Не совсем ясно из истории обо что побили горшки Иван Грозный с сыном, а вот у Петра его Алексей оказался прямым предателем и заговорщиком.— По малому своему уму. А Яков отца и Родину не опозорил. Что бы я в порыве раздражения ни говорил, узнав о пленении. И когда передавал мне Лаврентий немецкие листовки с удачно сделанными, выхваченными из контекста, фотографиями. И погиб Яков мужественно, осознанно. Но все это уже после войны стало известно. От этого мне не легче.

А поддайся я естественному, человеческому, отцовскому чувству и соверши обмен на Паулюса? — Как бы я тогда смог глядеть в глаза миллионам женщин и мужчин, чьи дети попали в плен, не сдаваясь, как и Яков, или были вывезены на рабскую работу в Германию? Конечно, сами родители, они бы поняли Сталина-отца, не прокляли меня, даже не осудили бы. Но на какой-то, хотя и небольшой градус, безграничное доверие ко мне, а значит и к советскому государству, упало. А этого в напряжении всех сил народа в войне допустить было нельзя.

На то человек и социальное существо, чтобы в крайних случаях преодолевать свою биологическую природу и выбирать примат общего над своим личным.

Это второй сокрушительный удар, что судьба нанесла по моей семье. И если Надя в конце своих дней поставила себя почти что в явные враги мне, то не совсем простые отношения у меня всегда были с Яковым. Я взбрыкнулся из-за его женитьбы. Он, по всей видимости, ревновал меня к новой семье... Да, так оно

и бывает. Враги не враги, но какое-то холодное родство. Из-за этой холодности не смог я хоть как-то обезопасить Якова, не допустить его в ряды артиллерийских лейтенантов-смертников.

Нет, конечно, воевать все должны — от детей дворников до сыновей маршалов. Так оно и было. Не один я потерял Якова. То же случилось у других высших военных и гражданских начальников. Но я упустил важный политический момент: я забыл, что мой сын — не просто сын своего отца, но сын Вождя, то есть, сын символа советского государства. Надо было побережь — не ради его самого, не ради меня, но ради того, чтобы не дать в руки врагу такой политический козырь.

Василий, как летчик, возможно, был более защищен, хотя бы потому, что летчики-истребители либо погибают в бою, или возвращаются на свою землю — на самолете или парашюте. На вражескую территорию Васька бы с парашютом не выпрыгнул. Это он говорил не играючи. А, памятуя Якова, без всякого моего приказа, даже без полупафоса, его начальство само приняло серьезные меры для охраны Василия в воздухе. При этом охраны неназойливой, невыпячиваемой. Собственно же вылеты его являлись, безусловно, боевыми.

Хорошо Васька воевал, хотя порой в такие истории на земле вляпывался, что только фамилия спасала от трибунала. Но я его сам наказывал. И сейчас не без дела; увлекся же этим дурацким спортивным организаторством, но в своих ВВС порядок у него отменный. Два недостатка у Васьки: слишком рано стал генералом и пьет. Первое ему припомнят после моего ухода,

а второе — наследственное от деда Виссариона Джугаева, ставшего в Грузии Джугашвили. Пороки и таланты передаются через поколение; увы, собственные родители здесь мало что могут поделать. Водка и бабы если не сгубят его до конца, но без меня он будет никто.

Васька — единственный не враг домашний. А Светка? Светка — Светка. Сетанка ты моя, любимица. И у тебя деды-бабки с каким еще норовом? Запутаешься ты, милая Сетанка, в жизни, как уже при моей жизни запутываешься со всеми этими женихами, которых тебе явно подсовывают. А ты все за чистую монету принимаешь. Когда пробую тебе объяснить, то смотришь на меня домашним врагом.

...Сон-сон, когда же ты ко мне придешь и освободишь меня от самых тяжелых воспоминаний?

ЗА ЧТО МЕНЯ УБЬЮТ, БУДУТ ПРОКЛИНАТЬ... И БОГОТВОРИТЬ

*Коль вновь, замолкнув не мгновенье,
Бьют родники из-под небес,
И ветра легким дуновеньем
Разбужен ночью темный лес...*

Не более чем на минуту-другую сон сморил-таки, но тут же отступил; ненадолго, как бывает у поздно засыпающих людей: последняя «передышка» бодрствования перед долгим забытьем до следующего дня, а у Вождя, засыпавшего в три-четыре ночи, почти до следующего полудня. А минутный предсон, завершившийся строфой «в руку» из давнего, юношеско-

го стихотворения, необыкновенно, но тоже на пару минут, прояснил мысли, до того текшие в темноте и тишине ночи все более вяло и вяло...

Через три стены, длину коридора и чуть приоткрытую дверь спальни, только и ночью слышимый здесь, донесся и без того тихий, вежливый бой напольных часов в большой гостиной. Половина четвертого, час волка и третьей стражи. Для не заснувших еще людей, тем более трезвых и умиротворенных слабостью тела и души, что бывает у простудных больных, этот час по-настоящему тревожен. Благодушные размышлений сменяется невольным страхом: за себя, за свое прошлое, главное — за будущее. Не только и не столько за свое, но вообще за будущее жизни.

За что меня убьют? — А просто так, естественным образом, многотрудная, может, и грешная в глазах многих, моя жизнь не завершится. Меня убьют. Конечно, не трибуналом на Лубянке или Таганке. Это и злейшим моим ненавистникам в самых их радужных снах не привидится. И дворцовый переворот немислим, хотя бы даже если дачу охраняет не дивизия с приданными ей танками и ракетными батареями с атомными боеголовками, но всего-то несколько человек, в лучшем случае вооруженных наганами: комендант Орлов, старший прикрепленный Старостин с двумя дежурными помощниками... Кто еще? — Да-а, одинокий часовой на въездных воротах. Видящая уже третьи сны Матрена Бутусова не в счет, хотя и расписывается в ведомости на жалованье по линии госбезопасности.

Хм-м, действительно, зачем большее число

здоровенных мужиков, просиживающих свои синие галифе на дежурных табуретах дачи, которым куда более пристало те же танки водить, командовать ротами и батальонами? Или, поменяв галифе на партикулярные штаны, шуровать у домны, пахать землю, а у кого голова посветлее — инженерить.

И истеричку Каплан стрелять в меня, как в Ильича на заводе Михельсона, не решатся подослать. У кого вообще поднимется рука на владыку полумира, боготворимого миллиардами людей Вождя передовой страны социализма, рачительного хозяина $1/6$ земной суши.

Нет, найдут более хитроумный способ. Но — найдут. Не зря же прощупывают ходы; вот и нелепо, наспех состряпанным «делом врачей» запугивают. Здесь даже ему, тайному идеалисту, обольщаться не следует. Так что проще хладнокровно разложить все по полочкам и определиться: за что меня убьют?

Проще всего ответить: за право власти. Высшей власти, которой я не поделился и делиться не собираюсь. Ради блага народа и сохранения страны, всего социалистического лагеря. Действительно, именно сейчас наступил тот момент, когда высшая власть кажется заманчивой и не очень хлопотной. Что-то в годы двадцатые — годы смертельной схватки с троцкизмом, в труднейшие тридцатые, когда я совершенно искренне говорил в ЦК и в Политбюро, что готов безропотно уступить власть более умному, более дальновидному и деятельному, что-то не находилось охотников. Про войну и годы послевоенного восстановления страны говорить не приходится...

Но вот сейчас мы на равных с империализмом, темпы нашего экономического и военного развития устойчиво выше ихних. Реально существует социалистический лагерь, включая великий Китай. Есть атомная бомба, а скоро в Арзамасе и Челябинске сделают и водородную. Скорее американцев, как говорят утвердительно наши академики, мы будем и в космическом пространстве. Мы — несокрушимы, народ сплочен, весь трудовой люд земного шара смотрит на нас с надеждой. Главное — внутри страны, в ее руководстве, даже среди вечно недовольной чем-то интеллигенции — нет и намека на какую-либо оппозицию, даже глухое сопротивление и неприятие нашей власти, идей социализма и коммунизма.

Вот эта-то стабильность, мощь страны и порождает искушение власти. Как в той же армии в военное и в мирное время. В войну, особенно в малоудачный для нас первый год, беспрерывно атакующими и обороняющимися «ни шагу назад» батальонами командуют взамен выбывших капитаны, а зачастую и лейтенанты. И дивизионные штабные обер-офицеры не особенно-то стремятся заменить их, выровнять соответствие должности и звания. Зато в мирное время те же капитаны и лейтенанты командуют, как им положено по табелю о рангах, ротами и взводами, а на батальонах «сидят» те же ранжированные майоры и подполковники, день и ночь размышляя: как заполучить на погоны все три большие звезды...

Но стремление к власти, когда она представляется, как сейчас, не очень обременительной, всего лишь внешнее проявление моего грядущего

отстранения. А отстранить меня можно только убив. Иначе народ всех этих заговорщиков-властолюбцев сметет. Даже такой законопослушный, как сегодняшний русский, советский народ.

Большие претензии ко мне имеют и сионисты. Но у нас они в малочислии и глубоком подполье. А у международного сионизма, во-первых, руки для действий в СССР коротки, во-вторых, у них сейчас своих хлопот с Израилем выше головы. Наконец, «пепел Клааса» — наша роль в войне с Германией — даже для самой беспринципной сионистской верхушки есть табу для каких-либо недружественных действий против нас. По крайней мере сейчас и в ближайшие десять-двадцать лет. Потом — все-таки я им подарил Израиль!

Нет, ищи своих будущих убийц среди домашних своих. Кремлевских тож. И вообще партноменклатуры. Более серьезного, страшного и последовательного врага у меня нет. Правильнее сказать: иных явных, действенных врагов нет. Выходит, что, начав на девятнадцатом съезде отлучение партийной верхушки от всеобъемлющей власти, я сам себе подписал смертный приговор. Как ранее сам же подписывал явным и непримиримым врагам нашей страны, нашего народа.

Много грехов на мне... правда, далеко не столько, раз в сто поменьше, чем мне со временем навешают, но грехи эти оправданы величием поставленной цели, которая уже и достигнута: построение мировой системы социализма, а в рамках ее наиглавнейшее — создание сверхмощной державы СССР. Здесь дело осталось за малым, но необходимым: накормить-таки до-

сыта наш многострадальный народ. База здесь уже заложены, требуется не более пяти-семи лет. Самое обидное: избавятся от меня, а дело уже сделано, вот себе и припишут: дескать, стоило избавиться от тирана, как все пошло на лад, и линкоры с космическими ракетами строим, и народ от пуза лопают.

...Вот что значит ослабить бдительность: забывал за делами, что уже полтора десятка лет не проводилась чистка партийных рядов, особенно в высшем и среднем составе, и получил сплоченную орду зажавшихся — в отличие от народа — бюрократов и бездельников. А когда я им на съезде почти иносказательно, но объяснил, что будя, пора переходить от партийно-кадильных церемоний и увлекательных игр «улица на улицу», где проигравшие расплачиваются не синяками и шишками, но чекисткой пулей в затылок, к более полезным занятием, так это змеино-паучье гнездо и зашевелилось. Кому же охота от ношения портфелей со старыми номерами «Правды» и «Известий» и заседаний на Старой площади ехать на стройки, головой и должностью отвечать на промахи?

А свою силу партноменклатура в порядке предупреждения, как волк свои клыки, показала в сфабрикованных ею на пустом месте «ленинградском деле» и нелепейшем «деле врачей». Сожрали Вознесенского и Кузнецова, что он прочил в свои преемники, хотя и у этой парочки рыльца достаточно в пуху. Не зря Лаврентий намекал, не раз, что смерть Жданова — дело темное, а каким-то образом здесь фигурировали Вознесенский с Кузнецовым...

Вот они — кровавые игры рвущейся к са-

мой полной власти партноменклатуры, вот оно — многозначительное предупреждение мне. И как сиял своим детско-бабьим лицом Маленков после расстрела ленинградцев?

*И лихой огонь веселья
На младом лице пылал.*

...Где-то я дал слабину, что в самое короткое время выросла такая тысячеголовая гидра. Вот она, многотонная шапка Мономаха. Архитрудно, как бы сказал Ильич, эту шапку водрузить на свою голову. Немыслимо тяжело ее нести по жизни борьбы и побед, но еще труднее стократ удержать ее в старости. Особенно когда у тебя нет законного наследника.

Убьют так убьют. Чему бывать, того не миновать. Хм-м, еще про повешенного и утопленника в ночи вспомни! В моем возрасте, хотя для кавказца и маловато, уже пристало думать не о самом процессе ухода из этого, не лучшего из миров, но о памятнике. Нет, не о тех серийно изготовленных изваяниях из бронзы и гранита, что в одинаковых шинелях, сапогах и фуражках молча стоят по городам и весям великой страны. Даже на развилке канала Москва — Волга, даже самый северный памятник над пирсом столицы Северного флота Полярного. На Земле Франца-Иосифа, где стоит наша дивизия первого удара по Исландии с ее базами, пока еще не догадались поставить...

Нет, конечно, пристало думать о нерукотворном, по Пушкину, памятнике. Но этот памятник странно будет смотреться. Светлый луч всенародного боготворенья намного выше Александровского столпа взметнется и уйдет в кос-

мос, где уже займут к тому времени свои орбиты советские космические станции, о которых писал еще калужский учитель Циолковский, а сейчас с техдокументацией в руках говорит Королев.

Но другой, темный и прилипчивый луч проклятья ему уйдет глубоко под землю, глубже всех могил мира.

Итак, меня будут проклинать... и боготворить. Ныне живущие и их потомки разделятся на два непримиримых стана. Проклинающих значительно меньше, но они голосистее, в их руках почти всегда будет четвертая власть — пресса во всех ее ипостасях. Очень часто и три законно-реальные власти будут находиться у них. Итак, кто в этот стан войдет? — Прежде всего, это все та же партноменклатура, что уберет меня. Она сейчас, особенно после съезда, испытала такой мощный испуг, который не пройдет у них до конца дней. Они, взяв власть, или примазавшись, перекинувшись к ней, будут мстить мне последовательно, яро и слепо. Продажная, даже не обязательно по деньгам, но по вектору власти, пресса, эта управляемая четвертая власть, сумеет два-три поколения одурить, сделать мое имя пугалом.

Это будет настолько серьезное, организованное давление, что в лучшем случае промолчат в тряпочку даже мои испытанные, преданные соратники. Да их сразу и задвинут в тень, а наиболее одиозных из них, того же Лаврентия, просто уберут, провернув какое-нибудь «сталинское дело». А поскольку именно у этой высшей партноменклатуры руки по локоть в крови из-за их групповых драчек за власть, особенно за последние пять-семь лет, они при-

меняют испытанный бандитско-воровской прием. То есть, в течение достаточно малого числа лет отмоют свое кроваво-интриганское прошлое показательными устранениями или отстранениями неких «антипартийных групп», сваливая на них «преступления сталинского режима».

Прием хорошо известный в банковско-спекулятивном деле. Да это и я, и они сами хорошо помнят по предреволюционному подполью, когда приходилось легализовывать деньги на содержание партии и ее работу — деньги, полученные от «эксов» и от толстосумов навроде Морозова, то есть, купцов из староверов, для которых царская власть и государственное православие-никонианство были врагами почище, нежели угрожающие их денежным мешкам революционеры. Кстати, мы — люди, помнящие добро, потому за все время советской власти из всех конфессий и сект только староверов и не дергали. Даже скитников в Заволжье и Сибири. В память о тех же купцах морозовых.

...А прием хорошо отработанный. Сдаешь деньги через подставное лицо в один банк; тот переводит на другую личность в следующий и так далее. Уже на третьем-четвертом переводе концы в воду, никакая жандармерия или фининспекция их не найдет. Так и эти: последовательно будут друг на дружку валить, а одуроченный народ поверит.

Итак, главные ненавистники мои — напуганная партверхушка. Но если есть главные, то логично предполагать и других, так сказать второстепенные. Хотя как сказать? Второстепенные ли? — Это, прежде всего, затаившиеся троцкисты и подросшие потомки этой, обезглав-

ленной в двадцатые-тридцатые годы гидры. Кровная месть в чести не только у нас, на диком и вольнолюбивом Кавказе. Этот биологический атавизм присущ даже гниловатой русской и русскоязычной интеллигенции, даже сплюсценнозадым партчиновникам. Эти будут мстить до седьмого поколения, проклиная меня ежесуточно и даже чаще, чем правоверный мусульманин творит свой намаз.

*Пел жаворонок, из полей
Взвиваясь выше облаков,
А сладкозвучный соловей
Так заливался из кустов...*

Конечно, самыми жаворонками и сладкозвучными соловьями, садистами, проклинающими меня, безусловно окажутся представители так называемой творческой интеллигенции. Все эти второсортные писаки, что пролезли мимо Горького и Фадеева в кормушку Союза писателей. Потенциально склонные к физической и духовной педерастии киношники и театральщики. Мечтающие о миллионных гонорарах мазил-импрессионистов, «великих» Дали и Пикассо нынешние живописцы-станковисты, тиражирующие огромные полотна (платят-то за число квадратных метров!): «Товарищ Сталин в полях», «Великий Вождь на стройке светлого будущего»... Тьфу!

И, конечно, в первую очередь — вечно простиитуирующая пресса: газеты, журналы, все-союзное радио и нарождающийся монстр телевидения. Много их будет, меня проклинающих. Даже много не числом, но профессиональным умением обливаться грязью все, даже самое святое в прошлом и нынешнем великой страны.

...Но меня будут боготворить многие, намного больше числом хулителей. В спокойные для страны времена, пока алчные временщики еще не проели, не пропили, не прос... сталинское наследие, они вынуждены будут молчать, а на людях даже поддакивая антисталинскому агитпропу. Но как только настанут волчьи времена, что темнее и зловещее этой ночи за окнами дачи, так молчащие обретут голос. И чем сильнее захватившая власть контрреволюция, или троцкисты, или просто бандитско-воровской кооператив, станет угнетать народ, превращая его в стадо тощих баранов, тем чаще и явственнее будет звучать по всей, оставшейся великой только по территории, стране: «*Сталина на вас нет!*»

И в этом девизе превалирует вовсе не воспоминание-напоминание о тридцать седьмом годе, будь Николка Ежов не к ночи помянут, нет... в этом восклицании будет подразумеваться: Вождь — хозяин страны, ее охранитель и создатель. Хм-м, генералиссимус и почти что архистратиг Михаил. Что ж, без напускной скромности и лицемерия согласен остаться в вечно живой памяти народа таким символом Вождя, каковым уже и сейчас являюсь. Ничего здесь зазорного нет. Ведь не украл чужой славы, но свою создал. Получил Россию с сохой, а теперь сдаю с атомной бомбой. Все же самый последовательный и непримиримый враг Советской страны Черчилль сделал и самый же умный комплимент товарищу Сталину.

Высшая оценка состоявшейся жизни человека — когда имя его становится символом еще при его жизни. Но трижды, семижды выше эта оценка, если этот символ-имя уходит в грядущую историю, остается в ее непрерывном тече-

нии навечно. Несколько диковатое ощущение еще живущего человека, когда его имя отделяется от него. Верно вроде сказал некто умудренный: первую половину жизни человек работает на имя, а во вторую половину имя работает на него. Не в том смысле, конечно, что этот человек начинает паразитировать на созданном имени. Нет, надо понимать так, что, создав себе имя, деятельный человек уже одним именем-символом стократ усиливает успех своей деятельности. Таким я и себя считаю.

О-хо-хо-хо, раззевалось. Все, дальше бороться со сном невозможно. Да и не нужно, ибо сон при таких вяло-простудных хворях лучшее лекарство. Всю-то жизнь я не досыпал. И в Гражданскую, и в Отечественную. Да и между ними в промежутке двадцатилетнем, и в эти семь лет после окончания войны тоже не барствовал, не разлеживался. А организм на всю жизнь оставшуюся (сколько же ее осталось?) со времени Великой войны сместил биологические часы сна на вторую половину ночи и позднее утро. Виноват, конечно, но уж так получилось...

Однако за эти три часа полусна-полуяви, как молитву повторяя все основные вехи многолетней жизни, все одно не охватил ее, многое упустил. Ничего, пару недель здесь пробуду, как-нибудь, освободив себе полночи от дел, все в памяти приведу в полный и стройный порядок...

Однако товарищу Сталину до первого марта 1953-го года свободного времени так и не выпало.

*Раскрылся розовый бутон,
Прильнув к фиалке голубой,
И под веселым ветерком
Клонились ландыши с травой.*

ЭПИЛОГ: «ОСЕНЬ ПАТРИАРХА»

Зима в этом году Россию порадовала; даже в Центральной европейской части: январь с морозом, февраль уже перевалил за середину — и настоящая, уже полузабытая с прошлого века и тысячелетия, февральская погода: умеренный морозец, в соседней Москве рекорд снегопадения чуть ли не со Смутного времени, иногда поземка стелется. Самая веселая погода для собак — у них свадьбы начинаются, кобели вязанками резво бегают. Агитаторы партийные в нашем городе тоже оживились: в середине марта в городе ожидается большая свадьба власти: муниципальные выборы в гордуму. Я хотя всю жизнь беспартийный, но и меня погода радует: напоминает детство, отрочество и юность, проведенные в Заполярье.

Сегодня — пишу главы книги вразнобой, такая вот манера, прямо с середины повествования перескочил к эпилогу... — канун бывшего Дня бывших Советской Армии и Военно-Морского флота. Новое, псевдотолерантное наименование для 23-го февраля как-то ко мне не прижилось. Первую половину сегодняшнего выходного дня провел у себя в рабочем кабинете медицинского института, сочинял заявку на патентование способа лечения: смех и грех, почти как в ежеутренней — с восьми ноль-ноль до полудня — непрерывной рекламе на «Радио России» из кухонного репродуктора: от всех хворей сразу... Затем пошел домой — уже сочинять книгу о Вожде.

...Вот это «Радио России», кстати. Домой после сегодняшней неторопливой пешей прогул-

ки по парку пришел, обедаю, а из репродуктора дикторша полным счастья голосом предпраздничную передачу вещает. И какое же она событие, приуроченное к завтрашнему празднику, особо выделяет? Не поверите, если сами не услышали: оказывается, главное событие — поставка в дружественную Индию первой партии палубных «мигов»-истребителей для ранее проданного им же авианосца «Адмирал Горшков», переименованного смуглокожими курчавыми друзьями во «Всемогущий». На хинди, конечно, буквами ихней азбуки «девангири» на бортах вывели.

А в голосе восторженной дикторши так и чувствуется непреклонная логика: раз все авианосцы продали, то зачем нам самим палубные истребители? Вот тебе и расхожее утверждение об отсутствии логики у женщин.

Поскольку сам я человек военно-морского воспитания, то, чтобы давление от возмущения не повысилось, выдернул (как врач Моргулис у Высоцкого) штепсель репродуктора, взял в руки для спокойствия дармовую газетку правящей партии, что перед выборами в почтовые ящики пачками — от разных партий и движений — втискивают. Хлебаю борщ и в газетку смотрю. И прямо в глаза «шапка» полосы: «*Нашим адмиралам «Мистраль» понравился!*» Ниже фото: штук десять явно бескорабельных, то есть, безработных, российских адмиралов спускаются по трапу с французского вертолетоносца проекта «Мистраль», что галлы серийно штампуют для береговой обороны. В тексте же комментарии: премьер-министр России высказывается в том смысле, что мы прямо сейчас вроде как не со-

бираемся «Мистраль» покупать, но в дальнейшем этого не исключаем.

Где ты, логика? Какая к черту логика, мы давно живем в виртуальном, перевернутом мире, в Зазеркалье. Продать за гроши, которые к тому же разворуют, стратегический авианосец и купить каботажную серийную посудину? Дело даже не в таком явном диспаритете. Дело в другом: каким невероятным трудом, экономией на всем, что выходит за пределы среднестатистического жизненного, социального уровня, пробивала Советская страна, следуя заветам Сталина, путь в океан, строила авианосцы — мощные и страшно дорогие плавающие крепости. А сейчас даже оперативно-тактические среднеклассные вертолетоносцы разучились делать...

Все же, не дохлебав борщ, сразу потерявший вкус, пошел прилечь на диван; полчаса легкого сна бодрит на весь рабочий вечер. А в комнате с диваном супруга, по женской опять же толерантности уже попривыкшая к зазеркальной реальности и ничему не удивляющаяся, смотрит по вечернему времени телевизор. Как ни странно, но на сей раз все же удивляется: «Надо же? Раньше такого не показывали; раскрывают нам глаза...» И прочее, простибельное для слабого (и умом, увы, тоже) пола. Заинтересовался и тоже в телящик взглянул: чем это женщин в предпраздничный — накануне того самого «Защитника Отечества» — день энтэвэшники удивляют? А удивляют, как оказалось, настоящим боевым фильмом: про уволенного из рядов армии снайпера, который от потери пенсии свихнулся и начал всех подряд в городе стрелять.

Как ни странно, но этот «фильм к празднику» снял эмоции. На кого яриться-то? Ведь вторая древнейшая — пресса и первая новейшая — телевидение просто работают, добросовестно выполняют заказ. От кого? — Они не то что не скажут, они и сами не знают. Ведь мы уже в глобализованном мире живем, где нет ни начала, ни логического завершения. Поскольку же только восемь процентов людей могут мыслить самостоятельно, то остальные девяносто два вполне удовлетворятся тем газетным пояснением к снимку с «Мистралем»: дескать, неважно, где корабль построен, главное, что он будет охранять наши морские просторы. Вернее — берега; просторы оберегает океанский флот, что укатил в Индию. И для примера приводят: героический «Варяг» построен в Филадельфии, «Потемкин» тоже иномарка по нынешним временам, ибо сооружен в самостийном сейчас Николаеве. Только «Аврора» своя, в Питере сгношили. Хорошо хоть символ Октября нашенским оказался!

*Он песней заставил забиться
Вдруг ставшие камнем сердца;
Будил в людях совесть и разум,
Дремавший во тьме без конца —*

— Повторим еще раз эти строки Вождя-идеалиста. Как бы он ни предчувствовал возможную контрреволюцию, в то же время подписывая «секретку» из Госплана по наметкам закладки линкоров и авианосцев в перспективе до шестидесятого года, но сообщения СМИ сегодняшнего, «предзащитного» дня заставили бы его усомниться в собственном разуме. В лучшем случае вос-

принял бы это как кошмарный сон. Из тех, что снятся под утро высокотемпературным больным...

Однако же по всем, не отменяемым даже современными российскими сочинителями-пиарщиками с их «голубыми субпродуктами», литературным канонам эпилог должен содержать вывод автора из написанного им выше в романе. Почему «Катехизис идеалиста»? — С катехизисом проще, хотя слово не православное, из католического обихода. Но вот с идеализмом вроде как сугубого практика строительства социализма в отдельно взятой стране — как быть? Тем более, что в последние десять-двадцать лет столько написано книг о Вожде, что Сталиниана вряд ли уместится в стандартном книжном шкафу. И все эти книги, без исключения, даже вроде беллетристического «Тайного советника» Владимира Успенского и нашего «Историка»*, посвящены этой практике строительства и обороны страны.

Практика, фактология, цитаты из трудов Вождя, ссылки на документы — все это мы найдем в исчерпывающей полноте в современной Сталиниане. Может, поэтому мы выше, в романе, свели эту фактологию до *minimum minimum*. Просто вспомнили ряд моментов не столь широко известных.

Так почему идеалист? А вы перечитайте приведенную выше строфу из юношеского стихотворения Сосепо Джугашвили. Скептик скажет: то юноша-семинарист, только-только отошедший

---

* Яшин А. А. Историк и его История: Авантюрный роман в 3-х частях. — Тула: «Гриф и К», 2004. — 481 с. (Книга удостоена литературных премий им. Л.Н.Толстого и им. Валентина Пикуля). — Прим. авт.

от беспросветного детства в семье вечно пьяного сапожника Виссариона. Любой школьный психолог, даже не ссылаясь на Выготского и Фрейда, Ушинского и Вахтерова, подтвердит: с таким детством, в такой юности только и быть романтиком-идеалистом. И совсем другое дело — властелин полумира, обожаемый миллиардами людей во всем мире генералиссимус, главный персонаж эпического мифа о ГУЛАГе, так кроваво-поэтично представленного в томах Александра Исаича — каждый толще «Илиады» и «Одиссеи» вместе взятых. Какой здесь может приниться идеализм?

Но психолог, который того же Выготского с сотоварищи разных времен и народов не только к экзаменам в институте-университете пролистывал, а прочувствовал умом и душой, то есть, стал сугубым профессионалом, авторитетно скажет: характер человека в основе своей формируется уже к пятилетнему возрасту, а дальше ничем его изменить нельзя. Все видимые же изменения, как у разведчиков, карьеристов из чиновников, партайгеноссе и военных, профессиональных нищих и женщин, — только маска. Если и теперь кто сомневается — перелистните эту книгу назад и еще раз внимательно перечитайте стихи Сосепо Джугашвили...

Идеалистом и романтиком с восточно-кавказским *color local* был юный Сосепо-семинарист; таким же, только с уже изжитым *color local*, с приобретенным русским колоритом романтизма, остался и генералиссимус Иосиф Сталин.

*Когда средь рощи безмятежной
Бушуют трели соловья,
И саламури голос нежный
Звучит, восторга не тая...—*

Это Сосепо, еще не знающий той великой роли, которую предуготовила ему судьба: бросила кости в нардах и выбрала одного из многих, но не миллионов, конечно, даже не тысяч. Скорее нескольких десятков. А вот Великий Вождь с оставшимся, неизбывным идеализмом романтика:

*Но как с поля донесется
Песня-гимн людей труда,
Сердце юное забьется
У Ниники, как тогда.*

И мы добавим, уже слабо верящие в будущее средние поколения воспитанных советской эпохой — эпохой Сталина даже без него, когда он стал фигурой умолчания:

*И пусть страна подобных Эристави
Еще немало вырастет сынов!*

Где-то они, наши будущие Вожди? Будет ли у России, естественно — новой Советской России, третий генералиссимус после Александра Васильевича, которому, как бессмертному в памяти русский, только что исполнилось 280 лет со дня рождения*, и Иосифа Виссарионовича, 130-летнюю годовщину со дня рождения мы

---

* Широко известный биографический казус: в различных источниках, причем серьезных — энциклопедиях и академических изданиях СССР, указывают два «варианта» даты его рождения: 13 ноября 1729 года и 13 ноября 1730 года... Еще заметим в данном контексте: Петр Первый, любивший «импортные» звания, сгоряча дал титул генералиссимуса руководителю Второго Азовского похода (сам он в нем состоял в звании капитана роты...) Алексею Семеновичу Шеину из старинного боярского литовского рода. Конечно, честь ему и хвала, но это фигура иного плана. — Прим. авт.

тоже только что отметили? И вообще — будет ли нужда в великих государственных мужах, военно-политических стратегах, Вождях народов в самое уже ближайшее время полного торжества глобализма?

Ну и что здесь такого — глобализм? При глобализме будут другие люди, для которых такая организация мироустройства вполне приемлемая, главное — привычная. Им же наши заботы ни к чему. Вне всякого сомнения, такой пронизательный и намного вперед видящий человек, как Сталин, не исключал возможного — ныне сбывающегося — поворота мировой истории. Скорее всего даже уверен в этом был.

И в том-то характер и душа идеалиста, что он не фетишизирует неизбежности естественных законов, как сам Сталин писал, правда, по другому поводу, в «Экономических проблемах социализма в СССР», но старается созидательно и с максимальной пользой их использовать на том временном отрезке истории, где судьба дала ему возможность это делать: совершать и свершать.

Данный роман ни в коем случае не является апологией главного и единственного ее героя. Да Вождь в ней и сейчас не нуждается, и не будет нуждаться далее в бессмертных анналах Большой Истории. Забудут скоро эпических сочинителей «песен и сказаний о ГУЛАГе», напроць будут путать имена его ниспровергателей с игроками в футбол или хоккей уже сейчас подрастающие поколения. Казалось бы: гробопопатель Вождя Никита Хрущев. А нынешние школяры и студюзусы (не забывайте: автор этой книги действующий профессор), доведен-

ные пресловутым «Болонским процессом» до уровня полной умственной ничтожности средне-статистического американского обывателя, на вопрос о персоналии Хрущева тупо молчат. Самые умные пугают его со «вторым Ильичем». Нет худа без добра, но забыть Сталина им во многом не позволяют современные СМИ. Запмятовали, что ли, телевизионщики свой же девиз: отрицательная реклама — самая эффективная реклама!

Цель же и задачи, что преследовал автор в этой книге,— предоставить слово Сталину: Вождю и земному человеку, сыну земной женщины, который, подобно провозвестнику христианской эры Земли, «не мир, но меч» принес нам.— В том же толковании этих евангельских слов. Оба они являют собой «классику» идеализма. При всей непохожести их поступков, но объединенных в одном, самом главном: создании общества социальной справедливости и равенства.

Иисус Христос был первым коммунистом — так определил Мессию наш современник Г. А. Зюганов. Но, несомненно, имевший незаконченное среднее духовное образование Сталин это знал намного раньше Геннадия Андреевича. Не в обиду ему будет сказано. Идеал христианства, заложенный в Заповедях Христовых, был заведомо недостаточным. С этой точки зрения Христос — величайший идеалист древности. Но он заставил большую часть человечества две тысячи лет в той или иной мере стремиться к идеалу социальной справедливости и равенства. Но на этапе капитализма-империализма эра христианства исчерпала себя.

Иосиф Сталин — первый идеалист новой

эры, органически воспринявший сущность христианской идеи, но преломившей ее из слова в дело. Очень точно и мудро определил это один из иерархов русской православной церкви во время той памятной беседы сорок третьего года со Сталиным, с которой началось возрождение РПЦ: «Мы готовим священников, а они становятся Маршалами Советского Союза». Вот именно, к идеалам социальной справедливости в новую эру устремляются уже не с евангельской проповедью заблудшим душам посланцы Всевышнего, но с мечом защищающим и карающим Маршалы из народа, народом и поставленные в Вожди.

...Короткая жизнь человека обыкновенного:

*А теперь не ходят ноги,—
Время гнет и не щадит;
Старец дряхлый и убогий
Дома с внуками сидит.*

Но у деятельного человека до убогости, дряхлости и домашнего сидения не доходит, если даже физически он и чувствует порой немощь. Слишком ценен такой человек; история такими не разбрасывается. Однако все же приходит осень патриарха. Мы специально взяли подзаголовком эпилога и в кавычках название известного произведения выдающегося латиноамериканского писателя. Оно давно уже стало характерной литературной формулой, так что растолковывать умному читателю (а другой дальше титульного листа и не пойдет...) незачем.

Осень патриарха — достаточно сложное состояние деятельного человека, тем более идеалиста и совсем уж особенно — Сталина. Ввиду выраженной неординарности и исторической значимости мыслей, дел и наследия Вождя.

...Еще раз заметим: эта книга пишется не для убогих умом и душой, которых сейчас в стране, да и во всем мире большинство. Не их, бедных, в этом вина, попавших в капкан зубодробительной машины глобализма. Умный же и самодостаточно мыслящий, а это всего лишь один из десяти, читатель поймет символику словосочетания «осень патриарха».

Прежде всего — это пугающее одиночество при, казалось бы, великой славе, когда его имя на устах и в умах миллионов, миллиардов людей. Дела патриарха велики и накрепко высечены на скрижалях истории, но он понимает: его имя ему уже не принадлежит. Он еще может учить, направлять к своему идеалу, но ученики и ведомые им, его апостолы считают себя овладевшими всем искусством учителя, уже в мыслях своих ставят себя на место патриарха. Но робеют пока. А ведь им не вечно робеть? — Патриархи вечно не живут, а у апостолов тоже года не Мафусаиловы.

Патриарх и сам прекрасно понимает: надо постепенно отходить от активных дел, выбирать преемника или синедрион преемников, но он как-то не озаботился такового или таких взрастить загодя, а сейчас с мистическим ужасом видит: апостолы-то не оправдывают его надежд, не смогут они взять ту высокую планку, что он установил для роли патриарха.

Такова трагедия истинного идеалиста. Оптимистическая ли трагедия? — Смотря для кого. Для самого патриарха-идеалиста это уже не вопрос. По понятной причине. Для верных апостолов — да, оптимистическая, хотя теперь им нести крест и быть поочередно распятыми на нем. Для ведомых масс — да. Исключая, таким

образом, иудиных духовных потомков, этих вечно живых и выживающих предателей, для всех трагедия идеалиста, так и не достигшего высшей своей цели, есть персонифицированный символ устремленности к высшей цели, самому оправданию эволюции человека: социальной справедливости, равенству, понимаемому как равенство стартовых возможностей.

Без великих идеалистов даже сверхнаселенный людьми мир уподобится марсианской пустыне. Прежде всего — пустыне души.

Ощущал ли наш Великий Вождь свою осень патриарха? — Вне всякого сомнения. Но даже намеком, движением бровей не показывая это даже ближнему политическому, военному и государственному руководству. Иначе бы это был не Сталин. Чудесный образ старца Ниники был создан юным романтиком Сосепо. Помнил о нем и Генералиссимус, оставшийся величайшим в мире идеалистом, но увы, слишком большую ношу он на себя взял, потому не мог себе позволить незатейливую отдохновенную старость Ниники... Проживи Вождь еще лет десять-двадцать, может, и стал бы Ниникой, может и воспоминания бы написал в назидание Вождям, но — уход его из этого, не лучшего из миров случился внезапным. Никогда мы не узнаем его последних мыслей; быть может он про себя, уже отъединенный от мира людей, шептал:

*Ты над Казбеком с нежною улыбкой,
Его снега и льдины под тобой,
Склонись, как мать склоняется над
звёздой,
И тихо колыбельную пропой...*

12 июня 2010 г., Тула

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора: Не сотвори себе кумира.....</i>	3
<i>К 130-летию со дня рождения государственного деятели, создателя сверхдержавы СССР, военно-политического стратега Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили)...</i>	31
<i>Проститутка история.....</i>	39
<i>Бремя Вождя и культ личности.....</i>	51
<i>Частная собственность — биологический атавизм человека.....</i>	63
<i>Где взять преемника?.....</i>	75
<i>Все же старина Маркс был прав... поторопились....</i>	87
<i>Грущу о будущем.....</i>	99
<i>Философствование о цели цивилизации и эволюции вообще.....</i>	111
<i>Русская, советская наука. Космос и бесконечность мира.....</i>	123
<i>Великий перелом: индустриализация и коллективизация.....</i>	134
<i>Роль личности в истории: от первого лица.....</i>	144
<i>Иудушка Троцкий: Смертельная схватка; враг затаился.....</i>	156
<i>Союз республик в СССР — мина замедленного действия.....</i>	167
<i>Русский народ велик, пока его еще не испортили.....</i>	179
<i>Опыт царей в национальном вопросе; Кавказ и Средняя Азия: на окраинах советской державы.....</i>	190
<i>«Запад есть запад, восток есть восток»: наши сферы влияния; продолжить экспансию Александра III на восток.....</i>	203
<i>Политэкономия и геополитика; двухполярный мир..</i>	216
<i>Великая Отечественная — наш триумф; Япония, Финляндия, Италия — стратегическое мышление и превентивные удары.....</i>	228
<i>Пакт Молотова — Риббентроппа: по зубам Антанте! Сионисты, холокост, Израиль.....</i>	238
<i>Союзники поневоле — моя и Александра Первого ошибка.....</i>	251
<i>Какой будет Третья мировая?.....</i>	263

<i>Западная демократия: протестантские штучки-дрючки; я взял Россию с сохой, а оставляю с атомной бомбой и ракетами.....</i>	275
<i>Советская власть как апофеоз народовластия; отлучить партию от администрирования.....</i>	286
<i>Большевики и коммунисты; старая гвардия и выдвиженцы; не бойтесь Кремля, бойтесь меня.....</i>	297
<i>Киров, Жданов, Берия и другие соратники. Угодники, доносчики, расстрельщики и просто дураки — все спишут на меня.....</i>	307
<i>Историческое мифотворчество XX века — миф о ГУЛАГе; меня нарекут кровопивцем — мусор на моей могиле.....</i>	315
<i>Социализм и церковь; физкультура и спорт — здоровье нации; искусство, культура, литература...</i>	331
<i>Домашние твои — враги твои; отцы и дети — фельдмаршалов на солдат не меняют.....</i>	342
<i>За что меня убьют, будут проклипать... и боготворить.....</i>	348
<i>Эпилог: «Осень патриарха».....</i>	360

Библиотека журнала «Приокские зори»

Академия российской литературы
Независимое литературное агентство
«Московский Парнас»

ЯШИН
Алексей Афанасьевич
КАТЕХИЗИС ИДЕАЛИСТА

Роман-размышление

Компьютерный набор: Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин
Редактирование и корректура:
В. В. Резцов, А. А. Яшин
Художественное оформление:
А. А. Яшин

Издатель — Независимое литературное агентство
«Московский Парнас»
123995, Москва, Поварская ул., 52, комн. 24,
тел. 8-495-691-63-41

Подписано в печать 07.11.2010 г.
Формат 70×90 1/32. Печ. л. 15,00.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ЗАО «ГРИФ и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а
Тел.: (4872)47-08-71, тел./факс: (4872)49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>